

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

9/2009

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет журнала “Философские науки”

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Миронов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция журнала:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Пантин В.И., Порус В.Н.,
Розин В.М., Северикова Н.М., Сиземская И.Н.,
Тульчинский Г.Л., Шевченко В.Н.

Научный редактор Комиссарова Л.Б.

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Русак И.Ф.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал»
и в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 20.09.2009 г. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

© Философские науки, 2009

© Академия гуманитарных исследований, 2009

© Издательский дом «Гуманитарий», 2009

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Личность как автопроект ■

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Личность и современность	5
<i>М.Н. ЭПШТЕЙН</i> <i>(США)</i>	Личный код. Индивиды и универсалии в гуманитарных науках	10
<i>Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ</i> <i>(Санкт-Петербург)</i>	Личность как автопроект и бренд: некоторые следствия	30

Размышления, обсуждения, дискуссии

<i>А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ</i>	Рефлексия проблемы автопроектности	51
<i>А.Н. КРИЧЕВЕЦ</i>	Кто отвечает за автопроект?	53
<i>В.А. СУЛИМОВ</i> <i>(Сыктывкар)</i>	Парадоксы дважды прост-персоны	58

Кейсы автопроектов

<i>Автоинтервью</i> <i>с Романом АРБИТМАНОМ</i> <i>(Саратов)</i>	Личностный опыт автопроектирования	60
<i>Елена ХЕЛЛБЕРГ-ХИРН</i> <i>(Финляндия)</i>	Практическая география как автопроект	72

ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ

Философия и образование ■

<i>В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ</i> <i>(Ставрополь)</i>	Философские проекты знания в контексте развития образовательных практик	79
<i>Г.В. СОРИНА</i>	Новый синкретизм в системеподготовки специалистов высшей квалификации	89
<i>Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ</i> <i>(Санкт-Петербург)</i>	Философия как технология перманентной инновации образования	102

Новые технологии ■

<i>Б.И. ФЕДОРОВ</i> <i>(Санкт-Петербург)</i>	Оптимизация учебной информации как условие решения дидактических задач (<i>Продолжение</i>)	117
---	--	-----

Первое заседание, которое вел руководитель методологического семинара, заведующий кафедрой психологии личности МГУ им. М.В. Ломоносова академик РАО профессор А.Г. Асмолов, прошло на факультете психологии. На нем были заслушаны два доклада – М.Н. Эпштейна (Университет Эмори, Атланта) «Личный код: индивиды и универсалии в гуманитарных науках» и Г.Л. Тульчинского (ГУ-ВШЭ, Санкт-Петербург) «Личность в индивидуальной ситуации развития». Эти доклады публикуются в подборке первыми. На втором заседании, которое вел заведующий отделом ИФ РАН В.И. Аршинов, и которое состоялось в ИФ РАНе, прозвучало 9 докладов. Их обсуждение явилось продолжением дискуссии, начатой накануне.

Участникам круглого стола предлагалось рассмотреть следующий круг вопросов:

- **Стадии этнической, статусной и ролевой идентичности личности;**
- **Новая стадия: самоидентизманство, личность как авто-проект;**
- **Историческое самозванство и новая политическая персоналогия;**
- **Возможности и последствия новых информационных технологий в самореализации личности;**
- **Личность как бренд;**
- **Человек без свойств как главная идентичность;**
- **Новые способы позиционирования личности: последствия для образования и политической культуры;**
- **Успешность автопроекта: критерии и акторы оценки;**
- **Меняется ли в этой ситуации нравственная культура, и если да, то как?**

Следует отметить, что дискуссия вышла далеко за рамки этого круга вопросов. Это касалось самого смысла идеи «автопроекта», способов и средств его реализации, соотношения самозванства и призвания... Показательно, что некоторые авторы опирались на осмысление своего собственного личного опыта.

Несколько тем вызвали повышенный интерес участников. Прежде всего, это вопросы фрагментарности идентичности современного человека, способов идентификации личности, а также возможности сохранения ее целостности.

Повышенное внимание вызвало обсуждение последствий технологических изменений коммуникации, неоднозначных возможностей позиционирования и самопозиционирования личности с помощью современных информационных технологий.

Сквозной темой дискуссии и в первый и во второй день был вопрос: в какой степени современная личность может рассматриваться как автопроект? И в каком смысле можно говорить о «автопроекте»? Как об исключительном авторстве личности в позиционировании себя в обществе, выстраивании своего жизненного пути? Или в плане «автоматичности» жизненных проектов, их предзаданности шаблонами и стереотипами массового общества, жестко программирующими и формирующими социальные роли, востребованность на определенные характеристики, имиджи?

При обсуждении каждого сообщения на первый план выходили необходимость нравственной оценки этой динамики, возможности противостояния негативным ее последствиям, формирования новых этических принципов, закладывающих основы новой нравственной культуры.

Публикация материалов Круглого стола осуществляется в три этапа. В этом номере публикуются два основных доклада первого дня, некоторые наиболее полно развернутые отклики на них, а также два своеобразных «кейса» реализации личностных проектов: один (Р.Э. Арбитман) из них связан с литературным творчеством, реализацией определенных замыслов автора, другой (Е. Хеллберг-Хирн) – обусловлен особенностями и обстоятельствами авторского жизненного пути. Публикация докладов второго дня Круглого стола и дискуссии по ним предполагается в следующих двух номерах.

При подготовке публикации редакция просила авторов по возможности скорректировать тексты с учетом состоявшейся дискуссии. Однако очевидно, что обсуждаемая тема далеко не исчерпывается этим рассмотрением, и редакция планирует вернуться к ней уже на новом уровне.

Опыт данного Круглого стола показал, насколько широкий интерес у научной общественности, гуманитариев, молодежи вызывает философское осмысление места и роли личности в контексте реалий современного образа жизни, культуры, достижений науки, особенностей российского общества. В этой связи плодотворными становятся новые формы широкого диалога, примером которого стали предлагаемые вниманию читателя материалы этого круглого стола.

Светлой памяти
Галины Владимировны ИВАНЧЕНКО
4 июня 1965 – 4 августа 2009

При подготовке материалов пришло печальное известие – скончалась Галина Владимировна Иванченко – философ, психолог, социолог, культуролог, музыковед, эссеист, доктор философских наук, профессор ГУ-Высшей школы экономики, заместитель декана социологического факультета, автор 10 монографий... Но никакой перечень не в состоянии передать гармонию, цельность, душевную и творческую наполненность этого человеческого существа. Она была из лучших, редчайших. О таких говорят: соль земли, аристократия духа. В ней было единственное, свыше данное сочетание открытости и сдержанности, выговаривания и умолчания. Она знала именно ту черту, до которой нужно доходить, но которую нельзя переступить, она ее касалась – и оставалась внутренне целой, неприкасаемой. Она не знала самой себя, она была больше того, что понимала о себе; эту аристократическую черту нельзя подделать, – врожденный преизбыток бытия над знанием в существе, которое посвятило жизнь самопознанию себя и человечества. В Галину нужно было вслушиваться – и вмалчиваться. В последние годы это молчащее в ней стремительно выходило наружу рядом книг. Но молчащего, невыговоренного в ней оставалось еще на долгую, долгую жизнь...

У нее была харизма – не в смысле заболтанном политологами, которые приписали ее демагогам, предводителям толп. Харизма – это благодать, посланная свыше, безотчетная, не та, которой пользуются люди в своих целях, разыгрывая ее политически, авторитарно, карьерно, а та, которую как раз невозможно употребить или разыграть (в древней Греции хариты – богини красоты и изящества; что на греческом харизма, на латыни – грация). Галина продумывала свои мысли до конца, но ее мысли – о любви, об одиночестве, о совершенстве – уходили в глубину ее опыта, который не мыслью создается, который, как лицо, принадлежность этой и только этой личности. Теперь становится понятным, почему одной из ее главных тем было совершенство – эстетическое, нравственное, профессиональное... да

ведь оно потому и совершенство, что неделимо. У кого из нас есть личный опыт того, что можно назвать совершенством? У нее – был.

Она ввела в современную русскую философию ту нежность и мягкость мысли, которую можно ассоциировать с «женским письмом», но не в феминистском его понимании. Феминистское письмо – резкое, идеологически ангажированное – часто даже утрирует агрессивные и критические наклонности мужского письма. Мысль Галины пластична, вся в переходах, оттенках, предположениях, ассоциативных сцепках и цитатных оцеплениях; не столько торопится к выводам, сколько создает собственную концептуальную среду, окружает, обволакивает предмет, что представляется самым наглядным и грациозным торжеством женственного начала, не выдуманного, как идеологема, а идущего от полноты бытия женщиной. Ее книги, надлежащим образом прочитанные, могли бы создать свой стиль в философии, свой круг исследователей и последователей.

Очень больно, что Галина ушла на подъеме, на взлете. За последние годы она издала ряд значительных книг («Логос любви», «Космос любви», «Забота о себе», «Универсум одиночества», «Идея совершенства в психологии и культуре»), которые выдвинули ее в первый ряд российских интеллектуалов. У нее было редкое качество: вдохновляться мыслью и воспринимать ее сердцем, а не только умом. Она была не просто профессором философии, но мыслителем-творцом, который чувствует осязательно тончайшие изгибы мысли. То, что она успела сказать и написать, уже драгоценно само по себе и будет читаться и перечитываться.

Это был удивительно светлой и сильной души человек. Без ее инициативы и деятельного участия этот круглый стол не смог бы состояться. К сожалению, она не успела подготовить свой материал. Ее автопроект безвременно завершился, точнее, перешел в новую стадию – испытания временем и приобщения к вечности.

Коллеги и друзья

ЛИЧНЫЙ КОД. ИНДИВИДЫ И УНИВЕРСАЛИИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

М.Н. ЭПШТЕЙН

...Строго говоря, есть только идеи, и в то же время только индивидуумы.

А. Шопенгауэр. О бессмертии

Общие категории и личные коды.

Личность как субъект и предикат

Язык гуманитарных наук распадается на два типа знаков: общие термины, обозначающие универсалии, и имена собственные, обозначающие индивидов. Например, в литературоведении говорится, с одной стороны, о жанрах, методах, направлениях, композиции, сюжете, с другой – о Шекспире, Гёте, Пушкине, Толстом и т.д. Характерны сочетания личных имен и общих терминов: «метафора у Шекспира», «символика Данте», «поэма Пушкина», «футуризм Маяковского» и т.п.

Однако между личными именами (индивидами) и общими терминами (универсалиями) существует еще и промежуточная концептуальная зона, мало очерченная и осмысленная: категории, образованные от самих имен, или универсальность самих индивидов. *Шекспировское, гётевское, пушкинское, толстовское, набоковское...* Эти именные термины, или терминированные имена указывают на личные коды их создателей: не просто на индивидов в биографическом и историческом плане, но на выстроенные ими универсумы, модели мироздания. «Шекспировское» или «толстовское» – это знаки универсальных индивидуальностей, или индивидуальных универсумов, и они-то представляются мне решающим связующим звеном между личными именами и общими терминами, которыми оперируют гуманитарные науки (философия, филология, психология, история, культурология, искусствознание...).

Совокупность авторских высказываний (произведений Шекспира или Толстого) содержит в себе свой собственный язык, систему знаков и правил их сочетания. В отличие от общенародного, естественного языка (русского, английско-

го и т.д.), эти индивидуальные языки уместно называть «кодами», поскольку они носят искусственный характер, они создаются автором на основе тех языков, которые он получает в наследство (национальный, эпохальный, научный, художественный и прочие языки). Например, *пушкинское* – это личный код Пушкина, созданный им на основе русского языка, языка поэзии начала XIX в., языка Просвещения, романтизма и т.д.

Следует отличать личный код от индивидуального стиля (идиостиля): последний относится к своеобразию речи, стилового поведения данного автора. Личный код – это явление не индивидуальной речи, а индивидуального языка, т.е. той системы знаков (концептов, категорий, универсалий), которая производит всю совокупность индивидуальных сообщений, но остается скрытой в них. Личные коды играют огромную роль в культуре. По сути, в литературе и нет ничего, кроме *шекспировского, дантовского, толстовского...* ничего другого, отличного от созданного всеми писателями, от А до Я, от великих до самых маленьких. Можно даже считать, что универсалии, т.е. общие, нарицательные категории – это лишь удобные абстракции, помогающие нам сравнивать и оценивать индивидуальное. Вот байроновская поэма, вот пушкинская, вот лермонтовская... «Поэма» здесь – это способ сопоставить *байроновское, пушкинское и лермонтовское*, т.е. обогатить наше представление о личных кодах путем нахождения их общих признаков (общий трем названным писателям жанр – поэма; направление – романтизм, и т.д.).

Общие категории и авторские личности образуют взаимодополнительные «гештальты» теоретического поля, подобно тому, как одни и те же узоры на рисунках М.К. Эшера могут быть увидены как птицы или рыбы. Взгляд на литературу может выделить в ней жанры, приемы, идеи и направления, заполняемые бесчисленными именами писателей, которые наглядно представляют и иллюстрируют эти общие категории. И наоборот, мы можем увидеть в литературе множество личных кодов, обозначенных именами писателей – и пересеченных общими категориями, которые служат для наглядного сопоставления и более глубокой индивидуализации этих кодов. Персоналистический подход

все еще гораздо менее развит в гуманитарных науках и поэтому нуждается в особом внимании и теоретической разработке. В еще большей степени это относится к личным кодам самих ученых-гуманитариев: лингвистов, философов, историков, литературоведов, которые привлекают внимание гораздо реже, чем общие концепты и категории, обсуждаемые в соответствующих дисциплинах. Между тем очевидно, что философия — это *декартовское, кантовское, ницшеанское* не в меньшей степени, чем такие категории, как *идея, разум, субстанция, тождество, истина*, и т.д. А российское литературоведение — это *тыняновское, бахтинское, лотмановское, аверинцевское, топоровское...*

Причем эти личные коды — писателей, литературоведов, философов — далеко не ограничиваются их собственными произведениями. Например, *пушкинское* можно найти не только в сочинениях самого Пушкина, но и у Лермонтова, и у Мандельштама, и у Набокова, — в той степени, в какой они пользовались пушкинским кодом для решения своих художественных задач. *Пушкинское* можно найти даже у предшественников Пушкина, например, у Батюшкова или Державина, в той мере, в какой их отдельные строки и образы предвещают пушкинский код. Здесь позволительно предложить терминологическое расширение и говорить не только о пушкинском, но и о *пушкинианском*, не только о набоковском, но и о *набоковианском*, а также *шекспирианском, гётеанском, кантианском, гегельянском, ницшеанском, чеховианском, бахтианском*, в их отличие от шекспировского, гётевского, ницшеанского, чеховского, бахтинского и т.д. Это суффиксальное наращение «ан», уже употребляемое в ряде категориальных прилагательных от имен собственных («кантианский», «ницшеанский» и т.п.), указывает на трансперсональные свойства личного кода, который перешагивает границы творческой идентичности данного автора и становится общим предикатом культурных явлений. *Кафковское* свойственно только Францу Кафке, тогда как *кафкианское* можно найти у множества писателей, живших как после Кафки, так и задолго до него. Например, Х.Л. Борхес нашел *кафкианское* у древнегреческого философа Зенона (в его абсурдистских апориях, вроде Ахиллеса и черепахи), у китайского автора IX в. Хань

Юя и датского мыслителя С. Кьеркегора (см. эссе Борхеса «Кафка и его предшественники»). Ницшеанское — это то, что присуще Фридриху Ницше и только ему; *ницшеанское* — это личный код Ницше, которым шифруется определенного рода политика, мораль, поэзия, архитектура, этническая теория, творимые уже без личного участия Ницше. Ницше может рассматриваться как субъект некоей деятельности (Ницше жил, ходил, путешествовал, дружил, думал, писал...) — и как ее предикат. Например, М. Горький или Вяч. Иванов как индивиды были отличны от Ницше, но они «ницшеанствовали», т.е. в той или иной степени имели Ницше своим предикатом, усваивали его личный код. «*Ницшеанствовать*» — значит думать, мечтать, говорить, действовать в духе, манере Ницше, и в принципе самые разные субъекты — индивиды, партии, художественные течения — могут временно или постоянно характеризоваться этим предикатом.

Такие личностные, именные предикаты, а не только субъекты, переполняют собой культуру и определяют ее национальную и эпохальную специфику. Все участники семиосферы под названием «русская культура» в той или иной степени *пушкинствуют, толстовствуют, Достоевствуют, чайковствуют, станиславствуют* и т.д., т.е. пользуются в своей самореализации личными кодами, внесенными в русскую культуру названными индивидами. Некоторые имена выходят за границы национальной культуры и становятся предикатами мировой. *Достоевствовали* — или *достоевничали* (в сниженном варианте имитации, внешнего воспроизведения, или подражательства) — и В. Розанов, и Т. Манн, и А. Жид, и А. Камю, и У. Фолкнер, и Л. Леонов... — и множество менее известных писателей во всем мире.

Некоторые же имена становятся предикатами только в пределах узкого круга домашних, знакомых, друзей. Я глубоко убежден, что каждая личность, независимо от степени ее влияния, признанности, известности, есть не только субъект определенного культурного кода, но может выступать и как предикат мышления и поведения других субъектов. Например, в детстве у меня была няня по имени Шура, она пять лет прожила в нашей семье. Я ее любил, я ею воспитывался и, естественно, что я «*шуровал*», т.е. вел себя «по-

шуровски», определял себя в терминах ее личности, ее вкусов, пристрастий, представлений о мире. И до сих пор я «шурую», когда, например, со сладкой ностальгией вслушиваюсь в популярные лирические песни 1950-х годов, которые любила няня Шура, родом из деревни. Вокруг каждой личности образуется система кодов, так или иначе передаваемых и усваиваемых другими, — будь то манера готовить определенные блюда, развешивать занавески, укладывать волосы, подбирать цвета — «как мама», «как тетя», «как Саша», «как Николай Петрович». Все мы, редко отдавая себе в этом отчет, «сашествуем» или «николайпетровничаем», а не только «пушкинствуем» или «ленинствуем». Все мы пользуемся личными кодами наших близких, друзей, знакомых, а не только кодами выдающихся, прославленных личностей. Разумеется, код «няня Шура» и код «Пушкин» имеют разные степени универсальности, один узкосемейный, другой всенародный или даже всемирный. Но и у Пушкина была своя няня, Арина Родионовна, которая тоже стала предикатом ряда его жизненных и художественных проявлений; например, Пушкин «аринродионствовал» в своих сказках, отчасти и в лирике («Зимний вечер»).

Эта предикатность каждого имени, способность каждой личности быть для других не только конкретным, именованным «кем», но и «чем», и «как», определяет все сложение культуры: от ее семейных и домашних до исторических и глобальных уровней. Каждый субъект становится предикатом для кого-то другого — любящих, близких, семьи, народа, всего человечества.

Утопическое, гипотетическое, интересное

Теперь мне предстоит самая трудная задача — определить себя как субъекта, определить «эпштейновское». Я долго колебался: уместно ли говорить о своем личном коде? Конечно, в этом есть проявление нескромности. Но, с другой стороны, когда гуманитарий занимается концептуальными построениями, не выявляя и не оговаривая своего личного кода, он впадает в еще худшую нескромность, поскольку затушевывает субъективность своих построений и придает им статус надличной объективности. Может быть,

это уместно в естественных науках, но вряд ли в гуманитарных, которые имеют дело с «кто», а не с «что». Ю.М. Лотман, размышляя об исторической науке, спорит с Р.Дж. Коллингвудом, который считал задачей историка преодоление своей субъективности и полное вживание в историческую ситуацию и персонажа: скажем, идентифицировать себя с Цезарем. Согласно Лотману, напротив, требуется «не устранение исследователя из исследования (что практически и невозможно), а осознание его присутствия и максимальный учет того, как это должно сказаться на описании. ...Инструментом историко-культурного изучения должна стать типология с обязательным учетом историка и того, к какому типу культуры принадлежит он сам»¹. А это в конечном счете и означает выявление личного кода, определяемого не только общим типом культуры, к которому принадлежит исследователь, но и его отличием от других исследователей внутри того же типа. Именно благодаря такому «персонализму», т.е. признанию и описанию своей позиции, он достигает наиболее объективных результатов. Так что гуманитариям вряд ли вообще можно обойтись без нескромного обнажения своего личного кода.

Я родился в самой середине века, в 1950 году, который в историю тысячелетий, возможно, войдет под названием «утопического». Советский Союз возглавил путь этого века к сияющим высотам, и до сих пор Россия сохраняет свой интерес для Запада прежде всего огромностью — нелепой, опасной, саморазрушительной — своего прежнего утопического проекта. Дух утопии окружал меня с детства. Мои родители были совершенно аполитичные люди, на маленьких должностях, в семейных и служебных заботах — план, смета, отчет. Не помню ни одного разговора в доме о политике, об истории, о Боге, о человечестве. Но вокруг меня витало огромное, всемирное. Это называлось: «преобразование мира». Я рос на границе славного настоящего своей страны со светлым будущим всего человечества, которое отбрасывало алые блики на наши флаги и галстуки. Всемирное было повсюду, мой код формировался этой советской герменевтикой всеобъемлющих «законов природы и общества», неутомимо ведущих к самоспасению человечества. Утопичес-

кое — одно из составляющих моего кода, оно родом из моего советского детства.

Но постепенно, уже в отрочестве и юности, оно отделилось от своих марксистских оснований. Ни классовая борьба, ни идеология социального детерминизма и исторического материализма не находили подтверждения в моем опыте. Так вырос мой асоциальный, персоналистичный утопизм: ощущение всемирности, бесконечной значимости именно тех вещей, которые не входят ни в какие социально значимые категории, выпадают из ведения философов и политических стратегов, молча скрываются и гибнут на периферии всех больших мировоззрений, неопознанные, семантически почти пустые, минимальные. Меня повернуло в сторону Акакия Акакиевича и его собратьев среди людей и явлений, всех «малых сих». Мне хотелось думать и писать о песчинках, о насекомых, о повседневности, о тончайших и скромнейших вещах, при этом сохраняя и даже увеличивая масштаб их рассмотрения до вселенского. В значительной степени моя эссеистика состоит из таких малостей, сознательно и подчас гротескно преувеличенных, брошенных в утопическую перспективу (*двухтомник «Все эссе»: т. 1 «В России»; т. 2 «Из Америки», 2005*).

Этот метод можно назвать «микромегатическим» (это слово, буквально значащее «маловеликое», известно по повести Вольтера «Микромегас», — так зовут пришельца с Сириуса, великана, который рассматривает в микроскоп крошечных землян). Для меня важно в каждой работе предлагать какой-то большой, принципиальный, порой даже всемирно-исторический вопрос. Но при этом очерчивать его — с неожиданной диспропорцией масштабов — в границах какого-то конкретного, частного предмета. Например, в одной из статей я обсуждаю метафизическую проблему демонического на материале пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке», которая оказывается комической парафразой того же сюжета — борьба царя с морской стихией и ее ответная месть, — одновременно, в октябре 1833 г., трагически развернутого А. С. Пушкиным в «Медном всаднике». «Разбитое корыто» старухи — микромодель не только протекающего корабля, но и всего охваченного наводнением Пе-

тербурга. В текст вписана большая картина мира, которая передается маленькой, но чрезвычайно укрупненной деталью (см. статью «Медный всадник и золотая рыбка: поэма-сказка Пушкина» в моей книге «Молчание и слово. Метафизика русской литературы» — М., 2006).

Итак, это не чистый, а скорее *укрошенный* утопизм, который сочетается с крупнозернистой фактурой какого-то маленького факта, текста или культурного эпизода и тем самым сознательно выявляет свою гротескность, впрямую сопоставляя «микро-» и «мега-». Другим способом укрощения утопизма является его переход из императивной в гипотетическую модальность. Это не такой утопизм, который повелевает миру, требует определенных преобразований, скорее, он предлагает некие возможности, гипотезы, не утверждающие своего статуса последней истины или непререкаемого долженствования. Это утопизм в сослагательном наклонении — гипотетизм. Гипотетический дискурс отличается неравномерностью и прерывистостью своего логического поля. Он отчаянно смел в своих посылах, задающих новое, небывалое видение мира. Но вместе с тем он мягок и кроток в своих выводах, относящихся к истинности мыслительных конструкций, их реальному наполнению и практическому применению. Дерзость посылок сопрягается с кротостью выводов, что делает этот тип мышления наиболее парадоксальным, взрывчатым, сравнительно с чисто дескриптивным (позитивистским) или чисто утопическим (идеологическим) мышлением, которые стремятся освободиться от внутренних противоречий ради наиболее эффективного взаимодействия с действительностью: ее описания или предписания.

Мой текст обычно стремится к наиболее строгому обоснованию наиболее странных утверждений. Это сочетание *странности* вывода и *строгости* выведения и задает с двух сторон критерий гипотетичности. Речь идет о пересмотре принципа очевидности, положенного Декартом в основание европейского мышления. Странные утверждения — это те, которые наиболее далеки от очевидности и в этом смысле противоположны Декартову критерию истины как «очевидного» или «непосредственно достоверного» знания. Но они противоположны также и тому типу «ходячих», «тра-

диционных» мнений, которым Декарт противопоставлял свой принцип очевидности и которые были основаны на власти обычая, предрассудка. «Странность» как категория суждения отличается и от общепринятого клише, и от логической очевидности, поскольку то и другое — и «традиционно-необходимое», и «рационально-истинное» — следуют принципу наибольшей вероятности. И хотя вероятность в одном случае трактуется как «наиболее вероятное мнение большинства людей», а в другом — как «наиболее вероятное заключение непредубежденного разума», общее между ними — опора на максимальную вероятность, которая в своем пределе совпадает с объективной истиной и всеобщей необходимостью. «Странность», напротив, конституирует суждения, наименее вероятные как для большинства людей, так и для самого разума, — противоречащие и общепринятому, и очевидному.

Конечно, каждый писатель, исследователь стремится создать нечто интересное, способное «изумить» читателя, изменить диспозицию его ума. Я полагаю, что именно переход наименее возможного в наиболее возможное составляет критерий интересного. Так, интересность научной работы или теории *обратно пропорциональна вероятности ее тезиса и прямо пропорциональна достоверности аргумента*. Самая интересная теория — та, что наиболее последовательно и неопровержимо доказывает то, что наименее вероятно. Наименее интересны теории: (1) доказывающие самоочевидный тезис, (2) приводящие шаткие доказательства неочевидного тезиса, (3) либо, что хуже всего, неосновательные в доказательстве самоочевидных вещей. Таким образом, интересность теории зависит не только от ее достоверности, но и от малой вероятности того, что она объясняет и доказывает. *Интересность — это соотношение, образуемое дробью, в числителе которой стоит достоверность доказательства, а в знаменателе — вероятность доказуемого*.

Вот почему известное изречение Вольтера: «все жанры хороши, кроме скучного» — применимо и к научным жанрам и методам. Скучность метода — это не только его неспособность увлечь читателя, но и признак его научной малосодержательности, когда выводы исследования повторяют его по-

сылки и не содержат ничего неожиданного, удивляющего. По этой причине мне претят все методологические жаргоны: марксистский, психоаналитический, структуралистский, деконструктивистский... Жаргон обеспечивает легкую самовоспроизводимость речи, которая «забалтывает», оскучивает свой предмет и не чувствительна к его сопротивлению, к его трудновыразимости. Подавляющее большинство марксистских работ, созданных в 1920 — 1930-е гг., в пору наибольшего международного интеллектуального влияния марксизма, сейчас совершенно нечитаемы. И сходная участь постигнет через несколько десятков лет деконструктивистский жаргон, который уже сейчас начинает отдавать фарсом, самопародией.

Автоматизация метода и языка — главный враг мышления. Мне представляется, что основные термины исследования должны рождаться из уникальности его предмета, в самом процессе мышления о нем, а не браться заведомо готовыми из иных источников. Терминация повседневного слова, которое постепенно «устраивается», наполняется обобщением, благопреки (и благодаря, и вопреки) своему начальному конкретному значению, — эта драма рождения нового термина есть одновременно и борьба с автоматизацией теоретического языка.

Рассматривая круг возможных идей или интерпретаций, я интуитивно выбираю наименее очевидные — и прилагаю к ним наибольшую силу последовательности, мне доступной. В этом для меня есть не только научный, но и моральный смысл: любовь к малым сим, т.е. к наименьшим величинам в области умозрения, стремление их защитить перед лицом более сильных, самоочевидных, всесокрушающих истин. Этот риторический прием восходит еще к Протагору: выступить в поддержку самых слабых позиций, сделать слабейший аргумент сильнейшим. Для меня это не софистика, не чисто интеллектуальная игра, но примерно то же, что высказано в заповедях блаженства: «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Есть кроткие, беззащитные, малозаметные, пренебрегаемые идеи или зародыши идей, которые нуждаются в нашем внимании и интеллектуальной заботе. В мире много не только маленьких людей, но и маленьких идей, и мы за них в ответе, потому что когда-нибудь эти маленькие

идеи наследуют землю. Отверженные, невозможные идеи, вроде той, что параллельные линии пересекаются, тысячи лет пребывают в тени, чтобы потом стать светом науки. Самые значительные успехи современной физики и математики во многом обусловлены как раз поддержкой и развитием этой «нищей» идеи, отвергнутой Евклидом, но впоследствии изменившей наше представление о кривизне пространства. И разве абсурднейшая идея о том, что Бог может воплотиться в человеке и принести себя в жертву за грехи человечества, не легла в основу западной цивилизации? Камень, отвергнутый строителями, лег во главу угла, — эта притча имеет для меня не только теологический, но и эпистемологический смысл. Именно за наименее очевидными идеями — наибольшее будущее, поскольку научная картина мира время от времени взрывается, низы становятся верхами, ереси становятся догмами и в качестве таковых снова ниспровергаются, о чем убедительно писал Т. Кун в «Структуре научных революций».

Свобода читателя.

Противомыслие и интеллектуальный катарсис

Выбирая «слабые», наименее очевидные идеи и предельно их усиливая, я одновременно стараюсь не давить ими на ум читателя. Я не хочу, чтобы идея-пария моими усилиями превращалась в идею-деспота. Деспотизм индивидов бывает не так опасен, как деспотизм идей, жертвами которого могут оказаться тысячи и миллионы людей. Не только в своем истоке, но и в итоге всей аргументации идеи должны оставаться кроткими, не навязывать себя читателю. «Я пишу не для того, чтобы быть правой», — заметила Гертруда Стайн. Больше всего я боюсь одержимости какой-нибудь идеей, неистового внедрения ее в чей-то мозг, магии самоповтора и заклинания. Разумеется, как автор я заинтересован в том, чтобы читатель согласился со мной, но одновременно мне хочется освободить его от гипноза той идеи, которую я пытаюсь до него донести. При этом я вступаю в противоречие с самим собой. Но мне представляется, что там, где есть мысль, есть место и для противомыслия.

Обычно считается, что задача пишущего — внушить читателю свое представление о мире, вызвать согласие с

собой. Для себя я бы иначе определил задачу: вызвать эффект согласия-несогласия, очищение от односторонностей, мыслительный катарсис (по аналогии с тем эмоциональным катарсисом, в котором Аристотель видит цель трагедии). Читатель вдруг постигает, что можно думать и так, и иначе, что *мышление содержит внутри себя противомыслие*, и этим раздвигается сама сфера мыслимого.

Даже у крупнейших мыслителей можно найти такие противоречия, которые вроде бы раскалывают их систему и служат объектом непрестанной критики. У Гегеля Абсолютная Идея, непрерывно саморазвиваясь, вместе с тем приходит к полному самопознанию в системе самого Гегеля. Маркс доказывает, что все исторические движения определяются материальным базисом — и вместе с тем, вопреки своему экономическому детерминизму, призывает к объединению рабочих и к коммунистической революции. Бахтин утверждает, что в полифоническом романе голоса персонажей звучат независимо от воли автора — и вместе с тем проистекают из его целостного художественного замысла. Именно те «противомыслия», которые оказываются наиболее уязвимыми для рациональной критики, и оказываются «дуговой растяжкой» теории, производящей катарсическое, очищающее воздействие.

В некоторых моих текстах, особенно эссеистических, высказаны такие идеи, которые убеждают читателя ровно в той же степени, что и разубеждают. Эффект как будто получается нулевой, но в этом нуле скрыта фигура бесконечности. Читатель возвращается в исходный пункт не таким, каким вышел из него: он вступил в сложные, драматические отношения с идеей. Убежденно-разубежденное состояние ума больше соответствует полноте идеи, чем простая убежденность. Ведь полная истина парадоксальна, она содержит собственное опровержение. И только этой суммой (само)опровержений устанавливается такая идея, которая по-настоящему волнует и даже изумляет человеческий ум. Идея в моих текстах не равнодушна к доказательствам, напротив, она упорно доказывается, — именно для того, чтобы ее убедительность и неубедительность сошлись в конечной точке перспективы. В результате достигается своего рода катарсис, слияние двух линий: уверения и разуверения.

Я доказываю, например, что современная техника есть полнейшее воплощение романтического мироощущения. Эта сторона техники обычно замалчивается, уступая избитому представлению о ее антиромантической, прагматической сущности. Но разве телефон — не общение ангельских голосов, бесплотных существ, с дальних расстояний прильнувших друг к другу? Разве самолет — не отрыв от земной оболочки, чтобы сверху взглянуть на нее, «как души смотрят с высоты на ими брошенное тело»? Все любовные переживания современного человека заполнены техническими средствами преодоления расстояний (включая, конечно, компьютеры и e-mail). И сама техника связи, транспорта, информации — это любовный, витальный порыв людей навстречу друг другу телом, голосом и сознанием.

Такова тема одного из моих эссе, «Романтизм в технике». Но, конечно, и в этой беглой передаче читатель замечает натяжку. Основная идея вроде бы верна, но и не верна. Техника преодолевает физическую ограниченность человека, но физическими же средствами. Технические средства, разрастаясь сами из себя, обнаруживают пустоту и бедность того содержания, которое мы передаем с их помощью. Техника — это вовсе не любовь, а скорее, пародия на нее, поскольку пародия — это и есть, когда формальные средства превышают содержание. Техника, со своими ангельскими голосами и парениями, — это и апофеоз, и фарс небеснопрозрачного мира любви.

Значит, выдавать технику за чистейший романтизм — очевидная натяжка. Такими натяжками полны мои эссеистические тексты, задача которых — именно создать поле натяжения, согласия-несогласия между собой и читателем. Это и есть лук, из которого производится стрельба. Лук лукав. Стрела движется только потому, что тетива отклоняется от лука, мысль отклоняется от истины, но движение стрелы и есть энергия их совмещения. Текст указывает на истинную жестом отступления от нее.

Овозможение. Потенциосфера

У Льва Толстого есть такая запись: «Ехал наверху на конке, глядел на дома, вывески, лавки, извозчиков, проезжих,

прохожих, и вдруг так ясно стало, что весь этот мир с моей жизнью в нем есть только одна из бесчисленных количеств возможностей других миров и других жизней и для меня есть только одна из бесчисленных стадий, через которую мне кажется, что я прохожу во времени» (*Дневник. 1 января 1900 г.*).

Такое ощущение, наверно, знакомо каждому, но это не только ощущение. В современной физике все больший вес приобретает «многомировая» интерпретация квантовой механики, предложенная американским физиком Хью Эвереттом в 1950-е гг. (еще один пример возрастания поначалу совершенно незаметной, «бросовой» идеи, которую теперь, согласно недавнему опросу, разделяют две трети ведущих физиков). Эверетт предположил, что всякий микрообъект одновременно существует во множестве экземпляров, каждый из которых принадлежит своей особой параллельной вселенной.

Я не сторонник теоретического умножения вселенных, но я полагаю важным умножение возможностей и возможностного внутри нашего мироздания. *Умножение универсалий при сокращении универсумов создает наиболее онтологически богатый и модально разнообразный мир.* Один многомерный мир, с множеством возможностей, онтологически богаче множества возможных миров, где действуют только законы необходимости. Я вижу свою задачу гуманитария в том, чтобы не просто описывать существующие объекты (культурные, знаковые, текстовые), но и в том, чтобы воссоздавать мир их альтернатив, множественность возможных им объектов. Например, если предмет моего интереса — определенное литературное направление или жанр, я пытаюсь очертить возможные ему другие направления и жанры, тем самым модально растягивая бытие культуры, включая ее в область возможного. Этот метод я называю потенциацией, или овозможением. Так, в середине 1980-х годов я описал поэтические движения метареализма, концептуализма и презентализма в их соотносительности: одно делало возможным другое. Это была отчасти описательная, отчасти проективная поэтика — с заходом в будущее поэзии, в область ее потенциального развития. Теория не только описывает и анализирует свой наличный предмет, но и син-

тетизирует возможные предметы, которые входят в растущее пространство культуры.

Собственно, культура — это и есть область возможностей: пишомостей, мыслимостей, воображаемостей. Смысл любого явления задается его потенциосферой. Например, смысл Октябрьской революции определяется лишь в контексте тех альтернативных путей, которыми могла бы пойти российская история осенью 1917 г. При этом в точке реализации каждой из возможностей происходит новое их ветвление, так что потенциосфера поступательно расширяется в истории: на единицу сущего приходится все больше единиц возможного, происходит потенциация всех областей культуры. Этот переход «быть» в «бы» витал в воздухе 1980-х, что отразилось в литературе: тема параллельной истории, событийных развилки в прошлом и настоящем, стала весьма популярной в постсоветской России. Прецедентом послужил роман В. Аксенова «Остров Крым», потом последовали тексты В. Шарова, В. Пелевина, А. Кабакова, Д. Быкова...

Гуманитарные науки не должны остаться в стороне от этой смены модальностей. У теории, как и у истории, появляется *сослагательное наклонение*, и оно требует перестройки всей системы научного мышления. Любое аналитическое определение предполагает наличие того, что *сопредельно определяемому*, т.е. содержит в себе косвенное указание на соотносимый, со-о-предел-яемый, виртуальный предмет, который следующим, синтетическим актом мышления вводится в состав культуры. Например, рассматривая письменную деятельность и ее главное условие — наличие белого поля, фона, — я придаю этому полю статус знака и, заключая в кавычки, ввожу его в систему письма: « ». Далее « » как альтернатива всему семейству письменных знаков и одновременно почетный член этого семейства может рассматриваться как первослово, философский знак абсолюта, чистого бытия, раскрываемого на границе языка и невыразимого (см. мою работу «” ”. Знак пробела, или К экологии текста»).

Рядом с наличными дисциплинами как их иное и возможное выстраивается ансамбль гипотетических дисциплин, наук в сослагательном наклонении. Как альтернатива феноменологии обосновывается возможность тегименологии (лат.

tegimen — покров) — науки о покрытиях, оболочках, упаковках, изучающей множественные слои предмета в связи с тем, что они скрывают собой. Альтернатива сексологии — эротология, гуманитарная наука о любви, о культурных и созидательных аспектах эроса. «Иное» культурологии — хоррорология (horror — ужас), наука о саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический, компьютерный и информационный. «Иное» теософии и антропософии — техносология, изучающая «мудрость» техники, ее роль в нравственной и религиозной эволюции человека. «Иное» грамматологии — скрипторика, изучающая не письмо само по себе, а фигуру пишущего в его антропологическом, психологическом, историческом измерениях. Все эти параллельные дисциплины входят в состав потенциосферы, а по мере их разработки и освоения присоединяются к «реальным» дисциплинам, интегрированным в систему интеллектуальных профессий, научных институций, учебных курсов, университетских программ. Поэтому правильнее было бы говорить не о параллельных, а о перпендикулярных вселенных дискурсах, которые пересекаются, входят в состав друг друга. Но даже если подобные гипо-дисциплины (hypo-disciplines, т.е. гипотетические, «недоутвержденные») не получают дальнейшей разработки, сама их возможность определяет процессы смыслообразования и знакообразования в «реальных» науках. Подобно тому как лингвистика делает возможной сайлентологию (silentology, науку о молчании, о паузах и пробелах как структурных единицах организации речи), так и сайлентология способна встречно обогатить лингвистику, например, внося в нее вышеупомянутый знак « ».

Об этой потенциосфере, особенно стремительно растущей в посттоталитарную эпоху, написаны мои книги «Философия возможного» (СПб., 2001) и «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» (М., 2004). В свете этого возможностного подхода меняется сам статус гуманитарного исследования: оно не замыкается на объектах, наличных в культуре, но проектирует и продуцирует новые объекты, которые входят в область ее растущей потенциальности. Теория переходит в сумму практик, дополняющих, достраивающих

ее предмет. Это своего рода познавательного-производительного концептивизма (conceptivism), мышление как зачатие (conception) понятий, терминов, теорий, которые расширяют область мыслимого и говоримого.

Наиболее наглядно это проявляется на уровне языка, как специального, терминологического, так и литературного и разговорного. Анализируя язык, я обнаруживаю альтернативы существующим терминам, семантические и грамматические пробелы, которые заполняются в актах синтеза новых языковых единиц. Этой задаче языкового синтеза посвящена книга «Проективный философский словарь» (Под редакцией Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна, 2003) и мой сетевой проект «Дар слова. Проективный лексикон русского языка»². К настоящему моменту (август 2009) в лексиконе представлено 2400 слов и концептов (1500 моих и 900 других авторов) – тех, которых еще нет, но которые могут быть. Некоторые из них постепенно входят в речь, о чем свидетельствует легко исчисляемая частота их употребления в интернете (например, «осетить», «реал», «любовь», «хроноцид», «видеология», «общать», «инфиниция», «благоподлость», «ненавистливый», «осебейщик»...). Языку ничего нельзя насильно навязать, но можно и должно предлагать, отвечая на растущие запросы ноосферы и семиосферы. Проективный лексикон (он же и грамматикон) потенцирует структуру русского языка, «топографически» растягивает его лексические поля, демонстрирует семантическую и грамматическую эластичность его значимых элементов – корней и прочих морфем, вступающих в новые осмысленные сочетания. Современный русский (и любой естественный) язык – это только один срез языкового континуума, который распространяется в прошлое и будущее, и в нем виртуально присутствуют множество лексических единиц и грамматических конструкций, еще не опознанных, не выговоренных, но призываемых в речь по мере того, как расширяется историческое сознание народа, и в свою очередь его расширяющих. Дело филолога – всячески способствовать такой структурной и смысловой «растяжке», овозможению языка. Проективная и конструктивная филология пополняет языковой запас культуры, меняет ее гено-

фонд, умножая как лексические единицы языка, так и грамматические способы их сочетания.

Утопизм и POSSIBILITY.

Личный код между именем и универсалиями

Здесь над моей мыслью опять нависает призрак утопии, о чем я говорил в самом начале. Но хочу подчеркнуть разницу между утопизмом, который проложил русло XX века, и тем потенциализмом, POSSIBILITY, который движет нами в веке XXI. Утопизм очерчивает некие прекрасные возможности – и требует их реализации, в результате чего бытие обедняется, многовариантность возможностей сокращается до одного должного, а затем и наличного варианта, тогда как все другие варианты отсекаются, революционно упраздняются. Вот почему самое страшное в утопиях, как заметил Н. Бердяев, – то, что они сбываются. POSSIBILITY, который я исповедую, предполагает, напротив, онтологическое расширение бытия, множественность возможных миров в составе нашего мироздания. Каждый предмет, каждое слово развертывают веер своих возможностей, способов своей инаковости, трансценденции, бытийное богатство иновещия, иномыслия, инословия.

Утопизм – это реализация возможного (или желаемого, принимаемого за возможное), его сокращение и сужение по мере такой реализации, отсечение всех альтернатив единственному идеалу. POSSIBILITY – это, напротив, овозможение реальности, ветвление ее вариантов, умножение альтернатив, разрастание смыслов. POSSIBILITY сохраняет в себе дух утопии, но при этом как бы модально преобразует его, меняет местами вход и выход, расширяет, а не сужает путь мышления. Дышать воздухом возможностей, жить верой, надеждой, любовью, воображением, замыслом, предчувствием, предвосхищением, угадыванием, – такова эмоциональная основа POSSIBILITY, которая усиливает его интеллектуальные стратегии и очерчивает растущую множественность перспектив XXI века, многовариантность его развития. Если утопизм полагает впереди одно идеальное будущее, POSSIBILITY развертывает целый веер разнокачественных будущностей. Родившись в центре самой могущественной и нетерпимой утопии

XX века, в Москве 1950 г., я надеюсь на то, что дух утопизма, после всех своих крушений и разочарований, не упадет до отметки плоского позитивизма и эмпиризма, но преобразится сам и передаст свою преобразовательную энергию POSSIBILIZMU.

Личный код — это совокупность тех языковых знаков и культурных концептов, которые в их уникальном наборе и сочетании характерны именно для данного автора. Составляющими этого кода являются, очевидно, не столько знаки естественного языка, сколько элементы более высокого уровня — знаки языка культуры и ее теоретического описания: универсалии, категории, методы, направления, мировоззрения, приемы и типы мышления. *Утопическое, микро-мегатическое, строгое и странное, интересное, интеллектуальный катарсис, противомыслие, овозможение, концептивизм, POSSIBILIZM* — все эти общие категории, пересекаясь и срастаясь, образуют то, что я ощущаю как свое, «эпштейновское». Совокупность этих знаковых единиц и правил их сочетания, условно говоря, и составляет мой личный код, причем степень «личности», а значит и новизны, «неологичности» у всех этих знаков далеко не одинаковая.

«Строгое» и «странное» — общеразговорные слова, но в моем контексте они терминируются, становятся знаками теоретических понятий («строгое обоснование странных утверждений»). «Утопическое» и «интересное» — общепринятые термины, но второй из них определяется у меня как соотношение достоверного и невероятного, т.е. представляет собой семантический неологизм. «Противомыслие» и «POSSIBILIZM» употребляются крайне редко и никогда — в том значении, которое им придается у меня: это нечто среднее между семантическими и лексическими неологизмами. А вот такие понятия, как «овозможение» и «концептивизм», — это собственно лексические неологизмы, т.е. сами эти знаки впервые вводятся в язык. По своей «идиостильности» они приближаются к имени собственному. «Овозможение» — это термин столь же персональный, как и имя его автора, и встречается лишь в связке с ним; нарицательным он станет, если будет усвоен другими исследователями. Так что между двумя полюсами личного кода — именем автора и системой используемых им знаков (универсалий, катего-

рий, концептов, терминов) — можно выделить ряд переходных ступеней, интервалы собственности-нарицательности.

Итак, мой личный код вырисовывается как пучок общих категорий, сходящихся в имени своего носителя. Но это — следствие теоретического самоописания. На практике же я всеми силами стараюсь, напротив, разойтись из точки «эпштейновского» во все возможные стороны, генерировать как можно больше концептов (мыслимостей, чувствумостей, говоримостей), которые могли бы применяться к самым разным явлениям и неожиданно, непредсказуемо их освещать. Такая взаимопульсация личного кода и общих категорий, стяжение знаков-понятий в собственное имя и их разбегание от имени, и составляет ту динамику семиосферы, о которой я говорил вначале.

В заключение подчеркну: в принципе любое личное имя — кодово, соотносимо с множеством общих категорий, уникальное сочетание которых в свою очередь переводится обратно в это имя, хотя имя и остается не переводимым до конца на язык универсалий. По мысли П.А. Флоренского, «имя — новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна. Отдельные слова лишь направляют наше внимание к нему»³. Каждый человек имеет свое имя (ему известное) и свою (часто ему неизвестную) систему понятий и универсалий, которыми он характеризует свой мир и которыми мир может характеризовать его самого. Собственно задача гуманитарных наук и состоит в том, чтобы осуществлять эту операцию перевода с языка индивидов на язык универсалий, чтобы каждый человек мог быть постигнут одновременно как уникал (со своим именем) и универсум (с только ему присущим набором универсалий).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб., 2000. — С. 388.

² «Дар слова» выходит с 17 апреля 2000 г. еженедельно в виде электронной рассылки, у которой 3600 подписчиков. Заглавная страница: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html>. Подписка на «Дар» (бесплатная): <http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon>.

³ Флоренский П.А. Имена // Соч. В 4 т. Т. 3(2). — М.: Мысль, 2000. — С. 175.

ЛИЧНОСТЬ КАК АВТОПРОЕКТ И БРЕНД: НЕКОТОРЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

27 – 29 мая в Санкт-Петербурге прошел первый Петровский конгресс, одним из итогов которого стала идея создания Международного института Петра Великого, который координировал бы многочисленные исследования личности действительно великого императора, его вклада в развитие России, занявшей достойное место в мировом сообществе. В ходе конгресса Петр I предстал фигурой, заполняющей зияющее пустотой «свято место». Дело в том, что в русской, да и во всей славянской мифологии отсутствует «культурный герой» – персонаж, аналогичный Прометею в древнегреческой мифологии, в Вийнемейнену в «Калевале», тот, кто научил труду, конструктивной деятельности по обустройству и переустройству окружающей действительности. И Петр – Великий в своей неумолимой преобразовательной активности – действительно оказывается первым русским корабелом, мореходом, основателем целых отраслей, городов и поселков, несомненно соответствует этой роли.

Более того, на Конгрессе несколько неожиданно возник вопрос – а каков был личный проект самого Петра Алексеевича? Ведь он, как личность, также менялся: в своих установках, взглядах, оценках. И был ли такой автопроект?

Постановка подобного вопроса была немыслима еще пару десятилетий назад. И за этим стоит интенсивная динамика, если не общий сдвиг парадигмы в гуманитарных науках. Речь идет об очевидной тенденции смещения акцента с интереса к действительности как таковой на методологию ее познания, а затем с социально-культурных и нормативно-ценностных факторов этой методологии к активной роли личности как источнику, средству и результату общественного и исторического развития. Эту динамику можно отчетливо проследить в философии (от натурфилософии и философии бытия к гносеологии, феноменологии и герменевтике, и, через культурологию и аксиологию – к новой персонологии), истории, психологии, искусствоведении и т.д.

Этой теме был посвящен ряд предыдущих работ¹. Если же обратиться к собственно персонологической тематике, то отмеченная тенденция отразила и общую историческую динамику самосознания и позиционирования личности в обществе.

Новая персонология: личность как автопроект

Каждая культура (этническая, профессиональная, семейная, дворовая...), являясь механизмом порождения, хранения

и трансляции определенного социального опыта, наделяет формирующуюся в рамках этой культуры личность определенной жизненной компетентностью. В этом плане культурная идентичность личности выступает как набор принимаемых и практикуемых личностью программ социальной деятельности. При этом сама личность предстает как вменяемый субъект такой деятельности. Вменяемый – в обоих русских смыслах этого слова: как имеющий рациональную мотивацию, и как именно то лицо, которое ответственно за последствия реализации принятого решения.

Могут быть выделены следующие стадии формирования границ личности как вменяемого субъекта, а также форм и гарантов идентификации личности²:

Стадия	Границы личности как вменяемого субъекта	Форма идентификации личности	Гарант квалификации	Форма самозванства	Главная проблема подтверждения идентичности
Этническая	Род, племя	По принадлежности этносу (роду, клану, племени, деминации)	Представители данного и других этносов	Представительство от рода, клана, племени и т.д.	Внешний облик, одежда, язык, поведение
Статусная	Выделенный из рода индивид	По заслугам перед государством, сувереном	Суверен	Традиционная (претензии на высокий статус)	документ, свидетельства + телесные признаки
Ролевая	Психосоматическая целостность индивида	По выполняемым социальным ролям	Личностная и профессиональная востребованность	Успешность выполнения ролей	+ непрерывность памяти + компетентность, профессионализм
Проектная	Жизненные стратегии, планы	Конвенционально вменяемая ответственность	Средства массовой коммуникации, общественное мнение	Манифестация имиджа, проект персонифицированного бренда	Известность и узнаваемость
Постчеловеческая перспектива	«Человек без свойств»	Самостоятельно определяемая ответственность (?)	Немонотонная функция свободы / ответственности?	В стадии формирования	В стадии формирования

Показательно, что большая часть современных отечественных исследователей проблемы идентичности ограничиваются этнической и статусной стадиями. Некоторые основания этому есть. Для постсоветского российского общества в известной степени характерен всплеск внимания к этническим основаниям консолидации общества. Давно замечено, что любая фаза модернизации сопровождается нарастанием этничности и конфессиональности в повестке дня общества: не только в дискуссиях, но и в политической практике. Примеров тому много: канун Первой мировой войны в странах Антанты и оси, послевоенные страны Центральной и Восточной Европы... Однако надо отдавать себе отчет в том, что в этом случае речь может идти не только о проявлении архаичности российского общества и общественного сознания. Чрезмерная озабоченность этнической идентичностью личности со стороны общества чревата ксенофобией и межэтническими, а то и межнациональными конфликтами. Российское общество и так не только в малой степени консолидировано, но и в изрядной степени расколото для того, чтобы жестко фиксировать и инициировать противостояния.

Также и статусная идентификация фиксирует иерархически выстроенные социальные позиции, порождая соответствующие особенности социальных отношений типа личной преданности патрону, чиновничества, карьеризма, самозванства и т.п. Самое главное — это в весьма малой степени выражает главные тенденции соотношения личности и общества, способов самоопределения личности, свойственные современному образу жизни. Одной из главных проблем российского общества еще XIX столетия был затянувшийся болезненный переход от этнической и статусной идентификации личности к идентификации ролевой и порождаемые этим переходом формы самозванства. Эта проблема — главный нерв всего творчества А.С. Пушкина³ — не только драматургии и прозы — вплоть до его лирики⁴.

В настоящее же время, в силу действия ряда общецивилизационных факторов, активно формируется новая персонология, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже — как серия проектов, автором которых выступает сама личность⁵.

Успехи генной инженерии, трансплантологии, протезирования и т.п. позволяют даже саму телесность личности рассматривать как достаточно пластичную форму. Тело из «темницы души» на глазах постепенно, но достаточно интенсивно превращается в костюм, который можно не только украшать, перекраивать, но и менять. Разнообразные пластические операции, вплоть до операций по смене пола — убедительный пример такого рода.

Исключительные возможности «самопроектной» идентичности дают современные информационные технологии, средства связи и коммуникации. В интернете человек может выступать под самыми различными «никами», строить и позиционировать различные проекты самого себя — вне зависимости от возраста, пола, гражданства, этнической принадлежности и т.п. За одним интернетовским «ником» могут скрываться несколько лиц, а за несколькими — один и тот же. Более того, в этой виртуальной реальности человек может добиться вполне конкретного социального признания, состояться как личность в большей степени, чем в «реале»⁶.

Речь идет не просто о полном торжестве ролевой идентичности. Это идентичность именно проектная. Основной персонаж массовой культуры — личность как автопроект, постоянно корректируемый самим автором-исполнителем. Не только творческая, политическая деятельность, деловая активность, спорт выступают в наши дни полем реализации таких проектов. Это становится обыденным опытом, повседневностью. И такой опыт, в известной степени — самозванство, но в каком-то ином смысле.

Проблема современной личности заключается в том, чтобы реализоваться как некий бренд — в буквальном смысле. Причем речь идет о конкретной технологии разработки и реализации такого проекта, включающей выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации⁷. Это буквально применение маркетинговой технологии: формирование собственной востребованности, спроса на себя⁸ — не только на рынке труда, но и в социальных отношениях, личной жизни, в быту. Более того, срок жизни такого личностного проекта совпадает со сроком «жизни» товаров и соответствующих брендов:

5 – 7 лет. И это совпадает с наблюдениями не только специалистов по маркетингу, брендингу и PR, но и психологов. Причем подобный «культуральный возраст» никак не связывается с возрастом биологическим. Личностные бренды могут быть раскрыты и в детстве, и в пожилом возрасте. Разумеется, при этом не происходит полного отказа от статусных и ролевых идентификаций. Но они становятся некими признаками, используемыми в технологии формирования и продвижения бренда – так же, как биологическая и сексуальная привлекательность сохраняют важную роль и в самом продвинутом обществе. Статус и роль становятся не целью, конечным результатом идентификации, а средством реализации проекта. Ярким примером такого плана является творчество Б. Акунина, а в еще большей степени – Р.Э. Арбитмана, одновременно реализующего несколько самопроектов: автора детективов Л. Гурского, пародийного искусствоведа Р.С. Каца и др.⁹ Характерно название одной из книг Р. Арбитмана – «А вы не проект?»

Эта особенность современной жизненной стратегии была довольно точно названа Д.А. Приговым «самоидентизванством»¹⁰. В наши дни обитатели мегаполисов в той или иной степени находятся в динамичном перекрестии различных идентификаций: национальных и конфессиональных, профессиональных и семейных, возрастных и имущественных... Переключения ролевых функций в этом силовом поле происходят постоянно, почти мгновенно и на всем протяжении дня. И вряд ли можно говорить об очевидном доминировании какой-то одной из них, как это было исторически не так уж и давно, еще в советское время¹¹.

Важно понять, что социализация и принадлежность к группе в этой ситуации мало что значат. Если у индивида ничего не выходит из социализации в группе и если он при этом нуждается в роли (т.е. не удовлетворен своим статусом), он делается самозванцем – он не принадлежит ни обществу во всем его объеме, ни отдельным подразделениям такового. И в этом плане к каждому из нас сейчас вполне можно применить характеристику пушкинского Самозванца, который умеет жить так, как нужно жить в мире, в котором гибкая, развивающаяся личность отзывается на развивающуюся же и всегда эволюционирующую современность, умеет извлекать пользу

из нее. Самозванец, как актер, очищает роль от ее легитимированности, которой ее снабжает группа¹². Стоит напомнить, что М.М. Бахтин назвал бы такую позицию позицией венаходимости – главным условием возможности смыслообразования и осмысления.

Фактически речь идет о том, что современный образ жизни у нас на глазах заложил основы новой антропологии. Он нивелировал привычные сезонные и суточные временные циклы, расплыл не только большую (родовую), но и традиционную семью, реабилитировал нетрадиционные половые отношения, отделил любовь от деторождения, а само деторождение уже почти отделил от репродуктивных способностей человека (путем искусственного оплодотворения и выращивания эмбрионов в пробирках, грядущего клонирования). А главное – интенсифицировал динамику перемещений в пределах земной поверхности и ближнего космоса настолько, что способность к мгновенной ориентации и переключению кодов восприятия и поведения стала не столько основным фактором удачливости и успешности, сколько условием жизненной компетентности, если не добродетелью. И все это надо умножить на революцию в информационных технологиях. Личность предстает как странник, путник, навигатор, сталкер¹³. А главный человек – «человек без свойств», еще не реализованный, не идентифицированный, не явленный. Это хорошо знает любой автор: к нему подходят, задают вопросы – как автору каких-то текстов, а он сам уже другой, живущий замыслами и идеями еще не явленными, в этом плане – не идентифицированный...

Такое самоидентизванство предстает болевой точкой современной культуры и персонологии, порождающей новые острые проблемы этики, морали, социальной психологии, педагогики. Подобная открытая многомерность современной личности иногда пугает, настораживает. Однако, как представляется, можно говорить о серьезном достижении цивилизационного развития. Дело в том, что каждая идентификация совершенно не отменяет другие, а дает личности новую жизненную компетентность. Личность не фиксируется в жесткой социальной скорлупе, наоборот – перед нею открываются новые «окна возможностей», большая свобода выбора и реализации жизненной стратегии, выбора самих стратегий. И та-

кая свобода неизбежно сочетается с ответственностью, которой наделяется именно сама личность, а не ее «поводыри».

Однако важно понимать, что проектно-брендовая идентификация личности в условиях информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики порождает довольно неоднозначную ситуацию.

Некоторые следствия: искусство, политика, мораль

Как отмечает, пожалуй, наиболее глубокий отечественный аналитик субъективности, «если воля — это... трансцендирующая сила, то дело заключается в самой решимости к разумному существованию»¹⁴. И такой акт решимости есть проявление изначальной жизненной спонтанности, живое действие субъективности, неоспоримый факт проявления жизни, ее осуществления в нашей активности. Не спекулятивной рефлексией самосознания, а фактом своего бытия субъект решает задачу своего обнаружения. Суть дела не в познании или идентификации, а в том, чтобы быть. Но что значит быть субъектом своего бытия?

Можно согласиться с З. Бауманом: современное общество подобно некоей жидкой среде¹⁵. Да и сам человек в ней подобен жидкости, принимающей различные формы, заполняющей пустоты и щели. Или, если воспользоваться другой метафорой, давшей название знаменитому роману М. Уэльбека, современная личность, ее Я — подобно элементарным частицам, живущим мгновениями и образующим короткоживущие комбинации. Сиюминутность, текучесть и изменчивость Я. Этакая максимизация возможностей при минимизации ответственности за последствия. И это уже *другая, новая мораль*, в основаниях которой нет ответственности, нет свободы. Этические проблемы сводятся к ресурсам и технологии. Сохраняется воля — желание, свобода хотения, но не как ответственность, а как потребление (политики, товара, услуги). Как идентичность «слабых».

Будучи буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения (с его лозунгами «человек есть мера всех вещей», «все на благо человека, все во имя человека») массовая культура объективно работает на «ценностное понижение». В традиционном обществе ценности выстроены иерархически, «вертикально». Массовая культура «съедает» эту вертикаль, при-

водя все ценности к общему знаменателю маркетизации. Ценности превращаются в рубрикаторы рынка массового потребления. Как в магазине «БуквоедЪ»: здесь про добро, тут про Бога, там — про дьявола, хочешь про любовь — у тебя спросят — про какую... Удовлетворению подлежит любая потребность, если она артикулирована, выражена. Борьба с массовой культурой бессмысленно — она сама по себе ни хороша, ни плоха — позитива в ней, наверное, даже больше. Но чему надо противостоять — и обязательно, так это «игре на понижение», давая личности ориентиры, вешки в этом «плоском» мире.

Средствами такого противостояния являются: гражданское общество (когда человек может, объединившись с себе подобными, решать свои проблемы), наличие полноценной элиты (задающей образцы нравственного, интеллектуального и эстетического плана), а также внятная культурная политика (направленная на поддержку социально и гуманитарно значимых видов деятельности). Но в условиях размыва этих факторов, а то и их отсутствия (как в современной России), утрачиваются критерии и основания автопроектов «жидких элементарных частиц».

Итогом своего многостраничного анализа С.В. Комаров делает вывод, что, если для классической философии стоял вопрос — как мыслить свое бытие, то для современной философии вопрос заключается в том, чтобы действительно быть¹⁶. Если согласиться с таким тезисом, напоминающим знаменитый «11-й тезис о Фейербахе» К. Маркса, то приходится признать этакий «триумф своеволия», по своим последствиям парадоксально сопоставимый с тоталитаристским «триумфом воли». Действительно, если современному человеку нельзя существовать, не продуцируя все новые и новые социальные роли, то это оборачивается утратой самого субъекта. Более, того, как отмечает сам С.В. Комаров, «чем понятнее, прозрачнее, даже примитивнее становится ролевое сознание, тем более проблематичными становятся целостность субъекта и единство его сознания»¹⁷. Собственно, именно это обстоятельство и явилось основанием постмодернистских дискурсов о «смерти автора», «смерти субъекта» и т.п.

Но дело не только в художественной стилистике. Дело в том, что собственно проектно-брендовая идентичность в мас-

совом обществе реализуется преимущественно в сфере потребления уже произведенных культурных форм, мифов, имиджей. Тем самым, ответственность за себя, за самопроектирование себя как бренда — развертывается преимущественно в сфере потребления и масскульта.

Наверное, только в одной сфере деятельности такая жизненная стратегия является наименее социально опасной. Это сфера искусства, где речь идет именно о самоутверждении уникального видения автора, исполнителя, артиста. Но и тут мы имеем дело скорее не столько с художественным творчеством, сколько с формированием и продвижением бренда конкретной личности. Э. Уорхол, И. Глазунов, З. Церетели, Б. Акунин... Этот ряд можно продолжать и продолжать. И эти персонажи встанут в один ряд со звездами эстрады, спорта, популярными телеведущими. Ничто не мешает добавить в такой перечень политиков. И мы получим набор так называемых *публичных людей*, образующих обойму «светской тусовки», телевизионных ток- и просто шоу, а то и просто «лиц» товарных брендов — персонажей рекламы.

Тогда получается, что единственным работающим критерием успешности такого личностного проекта является степень достигнутой известности и узнаваемости личности-бренда, как товара, продаваемого на рынках массового потребления, включая политический рынок. Впору говорить о персонологии товара, о маркетинге как жизненной стратегии и вообще — технологии современной жизни. Золотое правило маркетинга: продавать не то, что производишь, а производить то, что будет продано. «Не рассказывайте им про свои семена, расскажите им про их газон». Личность как товар, общество как рынок, жизнь как маркетинг?

Как прозвучало на нашем круглом столе, «пространство брендов — не пространство людей». Действительно, достаточно вспомнить М. Джексона — яркий автопроект, выстроенный вне расовых, гендерных, возрастных, а в чем-то уже и просто человеческих признаков. И тогда в каком смысле автопроект — «авто»? Получается, что слухи о ведущей роли самой личности сильно преувеличены. Автопроект, как «автопилот», способен вести личность «на автомате», когда сам человек — лишь пассивный материал чьей-то востребованности и технологии.

Это ведет к тому, например, что З. Бауман называет «брешью», разрывом в политической жизни¹⁸. С одной стороны, современной политической культуре свойственны обезличенность и манипулирование, отсутствие реальной публичной политики, замена ее телевизионным шоу. С другой — сама политическая жизнь связана с формированием и продвижением индивидуальных брендов. Даже партии все в большей степени предстают не столько носителями идеологии и политических программ, сколько аппаратом по мобилизации электората вокруг неких ярких индивидуальных брендов политических лидеров. Даже международная политика во все большей степени сводит общественное к личностному («встречи без галстуков», демонстрация обнаженных торсов, «друг Рю» и «друг Владимир», которому его «друг Джордж» «заглянул в душу»...).

И такая брешь — серьезный вызов политической культуре современности. Подобное самоидентифицирование проявляется на индивидуальном и социальном уровнях политической жизни, и чревато тотальной безответственностью: как граждан, «избирателей» — потребителей неких брендов на рынке политического массового потребления, так и самих личностных «симулякров», стоящих за этими брендами. Причем безответственностью как де факто, так и де юре.

Последствия такого самоидентифицирования очевидны. В политической культуре это персонология дуче, вождей, фюреров, вроде Б. Муссолини. «Я один беру на себя ответственность...»¹⁹. Это устраивает «элементарные частицы», дает им возможность примкнуть к бренду мечты. Возложить на него чаяния и надежды, а самое главное — ответственность. В этом плане тоталитарные общества XX столетия были только пробами пера такой политической культуры диктатурой, авторитаризмом. Она по самой своей природе является популистской. И не так уж важно — выступает ли сам политик автопроектом или он является проектом, «брендом мечты» других: как брендом неких кукловодов, так и воплощением, персонификацией чаяний публики, «автоматом» этих «проектов».

Налицо и негативные последствия, нравственные издержки подобного самозванства на уровне обыденного сознания. Много и громко говорится о кризисе идентичности, пережи-

ваемом современной личностью под напором массового общества. Но при этом часто упускается из виду, что главной тенденцией является отнюдь не гомогенизация, нивелирование, стандартизация. Наоборот, — это стремление выделиться, попасть на экраны телевизоров любой ценой, попасть в книгу рекордов Гиннеса, оказаться в центре скандала, хоть на минуту, но прославиться, пережить свою «минуту славы» — все это разве не очевидный вектор «ненормативной нравственности»? Точнее, главенства единственной нормы: выделиться, быть замеченным, утвердить свое имя... Эта тенденция действует и в сетевых сообществах «людей-проектов» в Интернете.

Да и искусство в этой ситуации становится преимущественно «этическим экспериментом», а точнее — легальной площадкой для нарушения нравственных и прочих норм. На киноэкранах, в театральных и выставочных залах демонстрируются такие изломы морали и психики, которые в обыденной жизни неприемлемы и недопустимы.

Возможность «покупать», принимать и избавляться от идентичности, «быть в движении» стала в современном потребительском обществе признаком свободы²⁰. Эта тенденция с очевидностью видна в гляцевых журналах, да и масслитовских изданиях последних лет. Провоцирование личных повествований, многочисленные интервью в надежде обнаружить личное, частное «Я», раскрыть «внутреннюю истину» переживают пик популярности. Вместе с тем «желание откровений и раскрытие желаний создают видимость аутентичности», а многие исследования показывают, что личные рассказы — это просто повторения публичных дискуссий, устроенных общественными СМИ для представления «субъективных истин»²¹. Показательны в этом плане такие телевизионные проекты, как «За стеклом», «Дом-2», «Последний герой», реализующие якобы поиски реальности, проявлений индивидуальности, уникальности, неповторимости. Однако итогом оказывается не столько индивидуация, сколько шаблоны (этот — слаб, эта — стерва), т.е. — этикетирование.

И тогда приходится говорить о серьезной деформации нравственной культуры, размывании критериев добра и зла. Ведь зла никто не хочет, все хотят добра. Только представления об этом добре различны. Чикатило, как известно, пола-

гал, что творит добро, «очищая общество» от «плохих женщин». Но это крайний случай. Однако он лишь подчеркивает главную тенденцию — разрывание социальной ткани, когда речь идет уже даже не о сотрудничестве и партнерстве, а новом расслоении по возможностям самоидентифицированства как свободы и власти, по некоему «имиджевому капиталу» личности.

В этой связи больший интерес представляет другая тенденция. На книжных салонах последнего времени много говорится о буме биографической литературы. Более того, уже разворачивается повышенный интерес к литературе автобиографической, в которой сама личность становится автором раскрытия и собирания личностного опыта. Не через «искренность» как пересказ СМИ, а через «доверительность» личностных переживаний.

Так или иначе, но не только в литературе и других видах искусства, но и в политике, спорте, науке, обыденной жизни, во всех сферах деятельности личность все в большей степени предстает как проект и автопроект, позиционируемый и продвигаемый по всем правилам маркетинга и брендинга. Осознанно это делается или стихийно — уже не важно. Мы имеем дело со сложившейся технологией реализации профессиональной и жизненной стратегий. Речь идет уже не о постмодернистском «ускользании» автора, а о его идентификации, персонологической «сборке»²².

В этом плане можно говорить именно о действии двойной тенденции: жанрово-стилистической интеграции при одновременной дифференциации в рамках персонологического доверительно-интимного опыта. Речь идет о проявлении более общей тенденции формирования интегрального, глобального культурно-информационного пространства в сочетании с его дифференциацией. И слухи об усреднении и унификации — сильно преувеличены. В условиях массового общества такая сегментация и дифференциация могут только нарастать и углубляться, потому что только уникальное глобально.

А что может быть уникальней и неповторимей человеческой личности, ее чаяний и фантазий, надежд и упований?! Единственного полноценного и безоговорочного *fantasy* — и одновременно бренда — «магического артефакта», открываю-

шего дверь в царство собственной судьбы и одновременно — развития общества.

И на этой мажорной ноте можно было бы поставить точку. Но...

Российская специфика

Вся отмеченная проблематика по-особому актуальна для современной России, в которой до сих пор этническая и статусная идентичности играют серьезную, если не главную роль. Распад социальных тканей в 1990-х только усилил их роль. Этничность, место в социальной иерархии, связи играют ключевую роль в решении проблем бизнеса, собственности, политики на региональном и даже федеральном уровнях. И одновременно — все более активную роль начинают играть идентичность ролевая и даже проектная. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется, разумеется, в сфере искусства, шоу-бизнеса. Но нельзя не обнаружить ее и в политической жизни, особенно на самых верхних уровнях ее реализации.

Более того, само доминирование этнической и статусной идентичности выступает в качестве одного из серьезнейших факторов так называемого культурного барьера инновационному развитию страны. Как показывают исследования потенциала развития лидеров новой цивилизационной волны — Китая, Индии, Бразилии, сталкиваются с препятствиями, при всей их специфике, имеющими много общего. Речь идет о пережитках аграрного общества и преобладании иерархических структур и институтов социальной организации, таких, как авторитаризм, бюрократия, слабость правовой системы, клановость, семейственность²³. Совокупность этих факторов тормозит инновации, прежде всего — свободное развитие личности. Вместе с тем, для стран, демонстрирующих устойчивое инновационное развитие характерно доминирование именно ролевой идентификации с явным трендом проектной²⁴. В этой связи очевидно, что этнизация в сочетании с преувеличиваемой ролью конфессий не только ведет в тупик, но и серьезно отбрасывает российское общество назад.

Между тем, у российского общества имеется серьезный социально-культурный и персонологический потенциал. Речь идет о постимперской культуре как потенциале открытого

общества. Дело в том, что современная глобализация — проявление тенденции, действовавшей на протяжении почти всей истории и связанной с возникновением и развитием империй, каждая из которых была своеобразным проектом глобальной интеграции, ростком, «пробой пера» глобализации. Именно империи осуществляли цивилизационные прорывы в истории, оставляя после себя важнейший культурно-исторический опыт надконфессионального и надэтнического общественного и государственного обустройства. Все известные в истории империи (империя Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Можно утверждать, что прорывы и «разливы» цивилизации в истории осуществлялись именно империями.

В империях же представители этнических меньшинств делают политические, научные, художественные, деловые, военные и прочие карьеры, которые просто немыслимы в условиях национальных государств. Поэтому представляется, что недавно чрезвычайно модная и оказавшаяся столь плохо продуманной тема толерантности является производной от процесса глобализации и может получить новую глубину и практическое наполнение именно в контексте постимперской политической культуры. Не случайно один из крупнейших теоретиков современного либерализма, рассмотрев все исторические формы государственности, пришел к удивившему его самому выводу, что наиболее толерантными из них были империи²⁵.

Не была исключением и Российская империя. Достаточно вспомнить роль и значение импульса развития России, который был задан Петром I. Можно даже говорить о «петровской идее», сохраняющей актуальность и для современной России, а возможно, и выходящей в наше время на первый план. Ее содержание связано с преобразованием общества, преодолением традиционных «барьеров» развития, выходом общества к новым горизонтам и качеству жизни. Основой такого преобразования стали ставка на просвещение, образование, науку, освоение самого передового опыта, мастерства в любом деле, формирование новой просвещенной элиты, кропотливая работа по созданию новых норм, социальных институтов,

структур, отбор лучших, эффективных специалистов и лидеров своего дела в России и за ее пределами, их поддержке. Мощный «петровский импульс» стал решающим фактором развития страны во всех сферах жизни российского общества, вывел Россию на уровень «фронта» мировой цивилизации.

Речь идет не об апелляции к имперскому началу, империи как таковой — претензии безосновательны и ведут в тупик, а об апелляции к конструктивному содержанию имперской культуры, в которой многое способствует снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению, гуманитарному развитию, личностной реализации. В этом плане постимперские культуры представляют несомненный интерес как предпосылки и ресурс социального и гуманитарного развития. Примеры стран, сделавших ставку на использование этого потенциала — скажем, Сингапура — яркий тому пример и подтверждение.

В этом плане, у России, находящейся сейчас в достаточно благоприятной для нее политической ситуации имеются все возможности для вхождения в глобализированный мир, возможности воспользоваться сполна его перспективами. И речь идет не столько о природных ресурсах, сколько именно о социально-культурном человеческом потенциале — главном наследии постимперской культуры.

Тематика постимперского наследия применительно к современной России остра и парадоксальна. С одной стороны, в политической риторике проявляются новые имперские амбиции («Проект Россия», евразийство и пр.). Одновременно, с другой стороны, демонстрируется явная растерянность перед этой темой сторонников либерализма (хотя сам либерализм возник именно в имперском общественном сознании, порожден соответствующими культурами).

При этом путаются понятия, что ведет в тупики несостоятельности политического дизайна и его наполнения.

В общественных дискуссиях об «империи» говорится преимущественно метафорически, на уровне идеологической мобилизации, но не решения практических вопросов. Дилемма «империя — нация-государство» оказывается несостоятельной с точки зрения культуры и идентичности: все империи (включая Россию и СССР) уже были в той или иной степени государ-

ственными нациями. Опросы населения показывают, что за так называемым «имперским синдромом» реально стоит не ностальгия по империи, а желание качественного иного уровня жизни, справедливости²⁶. Надуман и вопрос о «кризисе идентичности», реально за которым стоит проблема личностной самореализации в новых цивилизационных условиях. В Российской империи и в СССР была национальная идентичность. Можно, конечно, смеяться над «новой исторической общностью «советский народ», но именно эта, сохраняющаяся пока еще идентичность, обладает колоссальным интеграционным потенциалом и способна порождать не только фантомные боли.

Российская культура всегда развивалась за счет рецепции и взаимодействия с другими культурами, впитывая и развивая достижения науки, техники, искусства, образования других народов. Каждая освоенная культура дает новую дополнительную жизненную компетентность, определенное «конкурентное преимущество». И у носителей российской имперски собирательной культуры культур есть очевидные преимущества. Недаром наши эмигранты так легко адаптируются к культурам других обществ, сохраняя свою российскую идентичность.

Аналогично и проблема сохранения и развития «русского мира» декларируется, но не переводится в план технологии решения, в том числе — проблемы (им)миграции. Между тем, культура и язык выступают мощным ресурсом консолидации элит, неполитической интеграции.

Сталкивается с проблемой и тезис о великодержавности: в современном обществе величие страны определяется не столько размерами, ресурсами и военной мощью, сколько ее «престижем», привлекательностью для «новых людей», человеческого капитала, являющегося трендом развития общества.

В нашем контексте важно понимать, что эти «новые люди» — реальный человеческий капитал современного российского общества — являются носителями именно ролевой и проектной идентичности. Анализ всех отмеченных «проблем» показывает, что фактически речь идет не об «имперском синдроме» и «кризисе идентичности», а о несоответствии российской реальности массовым ожиданиям населения, готового к самореализации на основе новой персонологии и культурной интеграции²⁷.

Культурно-историческое наследие, достижения культуры и искусства современной России в условиях глобализации получают возможности выхода и интеграции в глобальное культурное и информационное пространство. И во всех этих случаях речь идет о ресурсе постимперской культуры для решения вопросов качества жизни и соответствующей социальной политики, без решения которых невозможны как внутренняя, так и внешняя политика современной России.

Нобелевские премии последних десятилетий по экономике получены именно за разработки социальной политики, использование социально-культурных человеческих ресурсов. Понимание этого обстоятельства проходит мимо сознания нашего правящего класса и «реформаторов», демонстрирующих политическую и интеллектуальную несостоятельность даже не столько созданием ситуации отсутствия союзников у России, созданием «врагов» иногда на пустом месте, сколько пониманием социальной политики, социально-культурной сферы (здравоохранения, науки, образования, культурной жизни) как «непроизводительной» нагрузки на государственный бюджет. Российский правящий класс понимает, зачем ему «труба», зачем ему люди, обслуживающие «трубу», зачем ему люди с ружьем, охраняющие его и «трубу». Но он плохо понимает, зачем в этой стране живут остальные сто миллионов граждан. А лица с личной инициативой не то что не получают поддержки, но даже вызывают настороженность.

Поэтому проблема России не столько в «цивилизационном выборе», ограничивающем возможности ее развития (а то и сводящем ее на обочину мирового развития), сколько в способности воспользоваться имеющимися историческими возможностями. Речь идет именно и прежде всего о внятной и вменяемой социальной политике и политической воле к ее реализации.

Тем самым открывается перспектива выхода из тупика альтернативы «глобализм — национальный изоляционизм», к новой интеграции и цивилизационному «фронтиру». Выявляется и несколько иная роль государства — не рантье, а оптимизатора природных и человеческих ресурсов российского общества на основе соответствующей социальной политики.

Будет сохранен человеческий потенциал — остальное приложится. А уж чего-чего, а креативного потенциала, неповторимого творческого «драйва», российской культуре и ее носителям не занимать.

Ergo: тем не менее

Человечество вступает в новую антропологическую и персоналогическую стадию развития. В свое время М. Лютер и И. Кант сделали личность автономно управляемой. Согласно известной формуле К. Маркса, они освободили личность от рабства внешнего, чтобы «закрепить его в душе». Кстати, именно этого не понимают исламистские и православные фундаменталисты в идее прав человека. Они настаивают на обязанностях, не понимая или не желая понять, что долг уже может быть сформирован. Задача общества признать право на долг, на свободу его выбора — со всеми вытекающими последствиями. Это разные стадии зрелости личности и общества.

Наверное, с этим и связан возможный критерий нравственной оценки автопроектов. «Есть двоякого рода идейный фанатизм, — писал мудрый С.М. Дубнов, — первый желателен и даже обязателен для человека убежденного, второй абсолютно вреден. Первый заключается в том, что человек, имеющий определенный убеждения, стремится согласовать с ними свои поступки... Он должен быть фанатиком своей идеи, оставаясь в то же время толерантным к противоположным мнениям... Но есть другой тип фанатиков: люди, которые, считая свой образ мыслей единственно верным, преследуют людей противоположного образа мыслей, стараются путем насилия и притеснения внушить веру в то, что они сами считают истинной. Такой фанатизм, даже будучи искренен, вреден»²⁸. Если применить это к нашей теме, то речь, фактически, идет о различении самозванства и призвания, о котором я писал раньше²⁹. Критерий — не по цели, а по средствам. Если кто-то стремится сделать других счастливыми помимо и вопреки их воле, даже во имя и от имени этих других — это самозванство, ничтожащее свободу, а значит и бытие. И другое дело, если я ставлю такие эксперименты на себе самом, следуя некоему взятому на себя долгу, следуя призванию — не за счет других, хотя и, возможно, — во имя других. Долг направлен не извне вовнутрь,

а изнутри вовне, так же как и достоинство — не изнутри вовне, а наоборот. Не мое дело судить о своем достоинстве. Так же как и никто не вправе говорить мне о моем долге. Но чем более нравственно и интеллектуально развита личность, тем шире поле ее ответственности и понимания того, насколько я обязан всем.

Некоторых отечественных мыслителей пугает идея автономной морали, практика формирования и продвижения личностного имиджа. Предлагаемая С.В. Комаровым идея «мерцающего субъекта» — восстанавливаемого усилием воли постоянного баланса на границе «ленты Мебиуса», «складки бытия», — решает проблему только на словах. Избегание полной объективации в маске роли, захваченности внешним миром вещей имиджа личности за счет сохраняемого усилием воли самосознания «внутреннего мира» — не более чем метафора. Внутренний мир — тот же внешний. Самосознание подобно ленте Мебиуса, у которой нет внешнего и внутреннего. Человеческое сознание социально по своей природе, а индивидуализация — не что иное, как индивидуально-неповторимая целостность социализации.

Проблема — в точке сборки этого уникального единства внешнего=внутреннего и в понимании ответственности за эту уникальность. Существует ли мы сами по себе и для себя? Где и когда? И интересны ли мы как таковые кому бы то ни было? Каковы критерии такого интереса? И есть ли они? Пока можно сказать только одно: весь опыт истории показывает, что судить по целям — верный путь в социальный ад. Цели всегда благородны, никто не хочет зла. Если судить, то только по средствам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее полное изложение проблемы см.: *Тульчинский Г.Л.* Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы (Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 16). — Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press. 2001; *Тульчинский Г.Л.* Постчеловеческая персоналогия. Новые горизонты свободы и рациональности. — СПб.: Алетейя, 2002.

² Подробнее см.: *Тульчинский Г.Л.* Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Семиозис и культура: философия и феноменология текста. Вып. 5. — Сыктывкар, 2009. — С. 7 — 20; *Тульчинский Г.Л.* Самозванство, массовая культура и новая антропология // *Человек*. 2008. № 1. — С. 43 — 57.

³ О «пушкинском уроке» см.: *Тульчинский Г.Л.* Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности // *Человек*.гу. Гуманитарный альманах. № 4. Антропологические практики в искусстве. — Новосибирск, 2008. — С. 42 — 66.

⁴ См. также: *Давыдов А.П.* Духовной жаждой томим. А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. — Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2001; *Ильенко С.Г.* Самозванство и случай как содержательно-интегрирующие доминанты художественно-стилевой основы «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» // *Известия РГПУ им. А.И.Герцена*. Научный журнал. № 5 (11). Общественные и гуманитарные науки (Философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). — СПб, 2005.

⁵ Речь идет именно о новой фазе, качественно отличной, например, от споров конца XIX — начала XX столетий о «самоэмансипации» в среде российской интеллигенции — как революционно-демократической, так и представителей этнических меньшинств, стремившихся к выходу на европейские культурные горизонты. Описание этих процессов см.: *Дубнов С.М.* Книга жизни. Т. I. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. — СПб: Петербургское востоковедение, 1998.

⁶ Помню, как я впервые взял с собой в Москву младшую дочь, которой тогда было всего 13 лет. По приезде в столицу, еще на перроне я быстро понял, что это не «я ее взял с собой», я сам — только «сопровождающее лицо». Нас встречали, препровождали, сдавали с рук на руки молодые люди вполне зрелого студенческого возраста. Оказалось, что в ее блоге, где она выступает под псевдонимом, свыше 450 подписчиков, и она — известный сетевой автор.

⁷ См. также: *Леонтьев Д.А.* Труд становится человеком и удовольствие оставляет обезьяной // *Человек*.гу. Гуманитарный альманах. № 3. — Новосибирск, 2007. — С. 164 — 168; *Леонтьев Д.А.* Феномен свободы: от воли к автономии личности // *Только уникальное глобально. Личность и менеджмент. Культура и образование*. — СПб., 2007. — С. 64 — 89; *Шеманов А.Ю.* Самоидентификация человека и культура. — М., 2007.

⁸ См., например: *Беквит Г., Беквит К.К.* Сам себе бренд: Искусство продажи себя. — М., 2007; *Питерс Т.Дж.* Преврати себя в бренд: 50 способов сделать из себя бренд. — М.; СПб.; Киев, 2008.

⁹ См. автоинтервью Р.И. Арбитмана в данной подборке материалов.

¹⁰ *Пригов Д.А.* Само-иденти-званство // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. 2001. № 13.

¹¹ Можно согласиться с Д.А. Приговым, что особенностью тоталитарных режимов является именно жесткое доминирование «“больших” идентичностей» (*Пригов Д.А.* Само-иденти-званство. — С. 24).

¹² *Смирнов И.П.* Самозванство, или Ролевая революция // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. 2001. № 13. — С. 48.

¹³ См. также: *Смирнов С.А.*: Культурный возраст человека. Философское введение в психологию развития. — Новосибирск, 2001; *Бытие в свободе, или Проблема культурной идентичности че-*

ловека в ситуации онтологического перехода // *Философские науки*. 2004. № 3; *Антропология перехода // Человек*. гуманитарный альманах. № 2. — Новосибирск, 2006. На материале собственной судьбы это странничество описано Е. Хеллберг-Хирн в настоящей подборке.

- ¹⁴ *Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. — СПб., 2007. — С. 726.
- ¹⁵ См.: *Бауман З.* Текущая современность. — М.; СПб., и др., 2008.
- ¹⁶ См. там же.
- ¹⁷ Там же. — С. 14.
- ¹⁸ См.: *Бауман З.* Текущая современность. — С. 206 — 210.
- ¹⁹ И ведь пришлось!
- ²⁰ См.: *Бауман З.* Текущая современность. — С. 96.
- ²¹ См. там же. — С. 95.
- ²² В плане подобной динамики показательна и ситуация, сложившаяся с моими «Историями по жизни (Опыт персонологической систематизации)». Книга, содержащая фиксацию сугубо личного опыта, некое личностное предание, выпущенная в научной серии малым тиражом, вызвала острейший отклик и повышенный спрос, вынудивший издателя прибегать к допечаткам. «Истории...», как и весь проект «опыта персонологической систематизации», первой частью которого является книга, — попытка поиска аутентичности, идентичности. Речь идет о личностном эксперименте индивидуации со всеми рисками и последствиями ее реализации, включая требования к жизненной компетентности в преодолении последствий.
- ²³ См.: *Ясин Е.Г., Снеговая М.В.* Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. — М., 2009. — С. 90 — 92.
- ²⁴ См.: *Culture Matters: How Values Shape Human Progress /Ed. by L. Harrison, S. Huntington.* — N. Y., 2000; *Харрисон Л.* Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти ее от себя самой. М., 2008.
- ²⁵ См.: *Уолцер М.* О толерантности. — М., 2000.
- ²⁶ См.: *Наследие империй и будущее России.* — М., 2008. — С. 103 — 138.
- ²⁷ См. там же.
- ²⁸ *Дубнов С.М.* Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. — СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. — С. 102.
- ²⁹ См.: *Тулъчинский Г.Л.* Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. — СПб., 1996.

РЕФЛЕКСИЯ ПРОБЛЕМЫ АВТОПРОЕКТИВНОСТИ

А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ

Прежде всего, полагаю, что круг идей, обозначенный в современной гуманитаристике М.Н. Эпштейном, Г.Л. Тульчинским и их сомысленниками обладает эвристическим и конструктивным потенциалом, который играет решающую роль в формировании постпостмодерной гуманитарной парадигмы. Речь идет о концептивистском подходе — направлении, возникшем в гуманитарных науках в 2003 г., когда вышел в свет «Проективный философский словарь»¹. Особенность этого словаря состоит в том, что он не описывает, а порождает новые термины и понятия. В этом состоит новое понимание проективности. Проективность здесь предстает не как планирование чего-то ожидаемого, а как креативное внедрение новых смыслов в толщу культуры. В этом, конечно, чувствуется некий авангардистский натиск, но на самом деле здесь наличествует утонченный арьергардизм, состоящий в мышлении себя как зародыша отдаленного будущего. Ощущение себя не впереди настоящего, а позади грядущего. Отсюда и слово «*концепт*», означающее не только содержание, понятие (или содержание понятия), но и «зачатие». В данном случае — зачатие новых смыслов.

Новое направление возникает в философском контексте, но распространяется по всей палитре гуманитарных наук, проникает в том числе и в лингвистику. Как известно, у М.Н. Эпштейна есть и собственно лингвистические работы, вполне отвечающие духу концептивизма. Сама эта методология имеет лингво-виталистический характер (в со-противопоставлении с лингво-анализмом англосаксонской школы). Лингвовитализм — это соотнесение Ницше с Витгенштейном, поскольку Ницше одним из первых начал говорить о том, что философия есть свободное порождение концептов и игра ими.

Личность в данном направлении современной гуманитарной мысли понимается как текст. В определенном плане это соответствует идеям Ю.М. Лотмана, говорившего о личности как об индивидуальном наборе кодов. Но если структуралисты, обращаясь к личности, реконструируют инвариантные, архетипические ее основания, то у концептивистов личность — замысел, проект, семенной логос, находящийся в непрерывном и непрерывном становлении. Если личность — текст, то не как устойчивая структура, а как сущность, которая есть то, что она сама о себе замысливает, как она сама себя проецирует, потенцирует.

¹ См.: *Проективный философский словарь: Новые термины и понятия.* — СПб.: Алетейя, 2003.

В докладах М.Н. Эпштейна и Г.Л. Тульчинского осуществлена новая проблематизация категории личности, связанная с автопроектированием. Полагаю необходимым уточнить некоторые аспекты этой проблемы.

Может ли личность быть редуцирована к автопроекту? Или в этой связи вернее говорить об автопроектирующем потенциале личности, об автопроекте как об одном из аспектов личностного бытия? Ведь многое из характерологических, соматических, психопатологических, социально-бытовых, социокультурных черт личности сознательно не проектируется. Вряд ли привычки, навязчивости, этикетность поведения, многие социальные адаптации могут быть отнесены к самопроектирующему потенциалу личности. Поэтому здесь надо подумать о дифференциальных признаках, на основе которых мы могли бы отличать проектирующее поведение от других личностных предикатов. Здесь уместно было бы вспомнить о терминологическом словосочетании «вторичная моделирующая структура», которое было введено в научный обиход тартуско-московской семиотической школой. Художественный текст является вторичной моделью реальности по отношению к первичной модели — естественному языку, который используется в качестве материала. Во вторичной модели возникает новая по отношению к общезыковой парадигматика — ритмическая, стилистическая, композиционная и т.д. Так и в жизни личности — те события, поступки, замыслы, этапы и ступени жизненного пути, которые отмечены авторским, режиссерским отношением, могут быть включены в автопроектирование. Мне кажется, что самопроектирование имеет не перманентный, а дискретный, может быть, даже фрагментарный характер, этикие сегменты жизнестроительства в общем, довольно-таки мутном потоке жизни.

М.К. Мамардашвили любил акцентировать внимание на различии между философским и психологическим пониманием личности. Для философа личность — внеэмпирические основания субъективности, психолог же работает с эмпирическими последствиями такой субъективности. Здесь следует иметь в виду, что все разговоры об эмпирике уже исходят из возможности философствующей личности, которая, как минимум, различает опыт и внеэмпирические основания опыта. В этой связи замечу, что, конечно же, трансцендентальный субъект не может быть автопроектом, но зато он является необходимым и вместе с тем свободным условием всякого эмпирического проектирования. М.Н. Эпштейн говорил о том, что автопроектирование потенцирует, овозможливает реальность. Я закончу вопросом — можем ли мы исходить из того, что личность является возможностью автопроектирования, самоконструирования, которое в редких случаях приводит к тому, что личность, свободный субъект непосредственно проявляет себя в таком алгоритме?

КТО ОТВЕЧАЕТ ЗА АВТОПРОЕКТ?*

А.Н. КРИЧЕВЕЦ

После сорока человек сам отвечает за свое лицо.
Французская пословица.

Круглый стол с броским названием «Личность как автопроект» побуждает меня написать скучный комментарий, ограничивающий чересчур смелые попытки приписать личности полное авто-авторство (далее это слово будем считать термином), а также считать личность ответственной за самое себя в том простом смысле, в каком, например, я отвечаю за слова, представленные в данном тексте. Я очень сочувственно отношусь к словам, вынесенным в эпиграф, и часто восхищаюсь следами духовной работы, отпечатывающимися на лицах окружающих людей и делающих эти лица прекрасными, и все же буду настаивать на ограничениях, о которых речь ниже.

Начну с простого вопроса: если теории личности создаются, значит это кому-нибудь нужно? Следствия утвердительного ответа для некоторых теорий оказываются затруднительными. Мне кажется неизбежным признание того, что приписывание личности авто-авторства и разработка этой темы как основы теории личности подразумевает какую-то пользу от этой разработки для развития личностей читателей, слушателей, воспитуемых и т.д. Это признание само по себе наносит некоторый ущерб категоричности утверждения авто-авторства личности, которой ведь пошло на пользу соприкосновение в том или ином виде с подобной теорией или ее практическими следствиями. Ведь встреча с такой полезной теорией никак не может быть заранее запланирована проектантом.

Приняв за отправную точку зрелую личность (позиция, которую я условно приписываю и автору и читателю данного текста), мы можем разбить проблему на две связанные части-подпроблемы:

1. Как возникает ситуация ответственности зрелой личности, если истоки личности теряются в ее одноклеточном прошлом?
2. Как развивается зрелая личность и кто ответствен за новообразование, которые могут (или не могут?) возникнуть в ней на пути ее развития?

Когда мы говорим повзрослевшему юноше: «Теперь ты сам отвечаешь за свои поступки», — что мы имеем в виду? Констатируем ли мы, что раньше он не отвечал за свои поступки, а теперь *фактически*

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Ценностные детерминанты современного психологического знания: феноменология, структура, динамика», грант № 07-06-00515».

будет нести ответственность? Разумеется, нет. Позволю себе утверждать, что такое высказывание не есть констатация факта, а есть призыв к совести юноши взять на себя ответственность за свои поступки. Именно такое принятие ответственности есть одно из необходимых условий зрелости. В теории речевых актов Дж. Остина подобные обращения отнесены к жанру так называемого перформатива — высказывания, которое ставит своей целью *преобразовать* ситуацию в состояние, соответствующее высказанному содержанию, в нашем случае — побудить юношу принять на себя ответственность за свою судьбу.

Но значит ли это, что наше к нему обращение «ты сам отвечаешь за свои поступки» и есть момент, так сказать, инициации в зрелость? Тоже нет. Для того, чтобы призыв был услышан, требуется долгая совместная работа окружающих людей (вместе со всеми богатыми средствами культуры) и *самого* (зреющего в этой работе) юноши. Подобное обращение к Маугли, воспитывавшемуся среди волков, заведомо не будет иметь результата. Такое обращение к юноше, все детство которого прошло в среде, где понятие ответственности и сама ответственность вообще не возникали, также может не достичь цели, если только *сам* юноша не противодействовал угнетающему действию среды. Выделенные курсивом слова возвращают нас к исходному противоречию: кто ответствен за процесс развития, в результате которого ответственность только и появляется, в том числе и ответственность за этот процесс.

Для таких странных вещей И. Кант использовал специальный оборот — «как если бы» (als ob)². Дело обстоит так, как если бы заслуга преодоления угнетающего развитие личности воздействия принадлежала самой этой личности и ответственность за подчинение этому влиянию, т.е. за собственное свое недоразвитие, по крайней мере в какой-то степени, также ложилась на саму личность (которой почти что нет, что и ставится ей в вину), хотя в какой момент жизни индивида наступает эта ответственность, невозможно определить никакими средствами. Дело обстоит так, как если бы личность несла ответственность за свое становление и тем самым за свое состояние.

Ж.-П. Сартр в целом скорее близок к моим оппонентам — он связывает способ бытия личности с *первоначальным проектом*, который есть смысловая форма всех действий данной личности. Но подчеркивая ответственность субъекта выбора за результат, в отношении генезиса личности он делает оговорку: «Это решение не является вначале задуманным, а потом реализуемым. Мы являемся этим решением»³.

² См. Кант И. Критика чистого разума. Соч. В 6 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1964. — С. 569.

³ Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. — М.: Республика, 2000. — С. 473.

Выбор личности не происходит в какой-то определенный момент, а растянут на весь процесс ее становления и может быть вменен субъекту лишь, так сказать, задним числом.

Таким образом, с точки зрения генезиса назвать состояние зрелой личности автопроектом можно лишь в особом модусе высказывания — в модусе «как если бы». Мы можем *спрашивать* с человека, как если бы его состояние было реализацией автопроекта. Повторю еще раз, что такого рода высказывание (а именно, «спрашивание с человека») всегда нацелено на соответствующее изменение ситуации, т.е. имеет статус перформатива (так и у Канта за предложениями «как если бы» обычно стоят регулятивные идеи или принципы, а не факты).

Попробуем теперь посмотреть на процесс развития, который освещается оборотом «как если бы», с позиции, так сказать, промежуточной, с позиции того субъекта, который еще не стал «зрелой личностью» (далее станет понятно, почему я употребил здесь кавычки), в оговоренном смысле ответственной за свой «автопроект». Пожалуй, человек в таком состоянии может только констатировать свое участие в каком-то процессе с неясной, лишь смутно угадываемой целью. Хотя это и нелегко сделать, можно попытаться вспомнить собственное состояние где-то во второй половине второго десятилетия жизни. Тогда можно было думать, что важнейшими в то время были фундаментальные жизненные экзамены — выбор профессии, друга, подруги и т.д., но не менее важен был выбор способов, того, как эти экзамены проходить⁴, в которых и кристаллизуется личность, хотя этот выбор осознавался в минимальной степени. Д.А. Леонтьев, будучи сторонником самодетерминации зрелой личности (что, на мой взгляд, тождественно автопроекту) пишет: «Я не могу быть свободным, если не осознаю силы, влияющие на мои действия. Я не могу быть свободным, если не осознаю имеющиеся здесь-и-теперь возможности для моих действий. Я не могу быть свободным, если не осознаю последствия, которые повлекут те или иные действия»⁵. В этом смысле юношеские выборы не могут считаться вполне свободными, но насколько кардинально отличаются наши зрелые выборы⁶ от тех, юношеских?

Вернемся к нашему соглашению считать читателя и автора «зрелыми личностями». Определенно я себя таковым считаю почти всегда. Однако нередко приходится признавать превосходство каких-то

⁴ Речь идет даже не о явных способах прохождения типа «давать или не давать взятку», а скорее, о внутренних состояниях.

⁵ Леонтьев Д.А. Психология свободы. К постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 1.

⁶ Должен заметить, что сводить свободу к возможности выбора кажется мне серьезной ошибкой, но в рамках данной статьи развивать эту тему уже нет возможности.

людей в каких-то личностных качествах. Я никак не могу утверждать, что «зрелая» личность уже не нуждается в развитии. В каком же развитии? Мне представляется слишком самонадеянным пытаться конкретно отвечать на этот вопрос. В христианстве концепция личности хорошо разработана — на ее вершине стоит символ безукоризненной человеческой жизни (Богочеловечество Христа дополнено еще и чисто человеческим образом Богородицы). Но заметим, продвижение к личностному идеалу во всех христианских конфессиях невозможно без участия божественной благодати, усилиями одного лишь человека. Поэтому и содержат христианские молитвы прямые просьбы об изменении личности («очисти ны от всякия скверны», — гласит одна из них). Таким образом, максимум христианского «автопроекта» — это занятие позиции, открывающей возможность действия божественной благодати, непрерывно преобразующей личность.

Оставим пока этот предельный случай всеобъемлющего идеала и поговорим о более частных. Вспомним «Правила для руководства ума» Р. Декарта. «Под интуицией, — писал Декарт, — я подразумеваю не зыбкое свидетельство чувств и не обманчивое суждение неправильно слагающего воображения, а понимание (*conceptum*) ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума и является более простым, а значит и более достоверным, чем сама дедукция, хотя она и не может быть произведена человеком неправильно»⁷.

Опираясь на слова «ясный и внимательный ум» (ведь этим умом еще надо потрудиться стать), М.К. Мамардашвили акцентирует один момент, который, несомненно, присутствует у Декарта, хотя и не лежит на поверхности. Он пишет в «Картезианских размышлениях», что врожденные идеи «не вытекают из наблюдений и из обобщений опыта, но в то же время их нельзя считать и аналитическими, чисто логическими истинами по той простой причине, что они являются слишком сильными утверждениями о мире. Утверждение, что материя пространственна, слишком сильное утверждение, чтобы оно могло быть аналитической истиной. И к тому же мы должны вспомнить, что врожденные идеи лежат в области того, что Декарт называл естественным светом ума. То есть в области действия естественных сил, больших, чем мы сами, и действие их проходит через нас»⁸.

Слишком сильные утверждения — не дедукция и не восприятие. Мамардашвили называет их тавтологиями бытия-понимания. В них надо попасть, чтобы присвоить соответствующие содержания. Сло-

⁷ Декарт Р. Правила для руководства ума // Соч. В 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1989. — С. 84.

⁸ Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. — М.: Прогресс, 1993. — С. 208.

во «любовь» дает лишь ориентир, который наполняется содержанием в момент попадания в состояние любви. Попасть же в это состояние полностью осознавая «силы, влияющие на мои действия... и последствия, которые повлекут те или иные действия», вряд ли возможно — как в случае любви (все равно, к человеку ли или к Богу), так и в случае долга, совести, научного открытия, и во многих других случаях тавтологий, по Мамардашвили, в случаях «действия естественных сил, больших, чем мы сами».

М. Хайдеггер в «Бытии и времени» вводит экзистенциал «совесть», который истолковывается далее как «зов заботы», высшее требование к нашему «умению быть». Экзистенциал символизирует и указывает на то самое чувство ответственности за свою судьбу, только акцентирует направленную в будущее ответственность *создания* своей судьбы. Хайдеггер пишет о зове заботы: «Зов ведь как раз не бывает, причем никогда, ни запланирован, ни намеренно исполнен нами самими. “Оно” зовет, против ожидания и тем более против воли. С другой стороны, зов несомненно идет не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идет от меня и все же сверх меня»⁹. В поздних работах «зовущий характер» приобретают и более конкретные вещи. «Что зовется мышлением» называется одна из таких работ. Предложение, вынесенное в заглавие, истолковывается (и немецкий и русский языки в равной степени позволяют такую игру слов) как вопрос о том, что из нас, все еще не научившихся мыслить, вызывает настоящее Мышление.

По-видимому можно сказать, что «автопроект», «самодетерминация» это *промахивающиеся экзистенциалы* — экзистенциалы в смысле Хайдеггера, но отнюдь не в духе интенций Хайдеггера. Это также и тавтологии в смысле Мамардашвили, перформативно устанавливающие ответственность (т.е. создающие ситуацию ответственности) личности за свое прошлое и настоящее, но ориентирующие на завершение основных жизненных усилий «зрелой личности» на достигнутом в данный момент уровне.

Напомню, что в советской традиции А.Н. Леонтьев оставлял «зрелой личности» возможность продвигаться в развитии (я имею в виду известное понятие *сдвига мотива на цель*, когда внутренняя сила процесса деятельности меняет ее предмет). Свобода не обеспечивается знанием возможностей, из которых надлежит выбирать. Важнейшее ее употребление — откликаться на зов, идущий «от меня и все же сверх меня».

Свобода выбирает те силы (или слабости), которые становятся ее «партнерами» в игре, или деятельности, или в жизненном пути в целом. От нее требуются усилия по удержанию структуры или со-

⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. — М.: Ad marginem, 1997. — С. 275.

стояния, в которое ставится сознательный и свободный субъект и которое позволяет большим, чем мы, силам, действовать через нас. Удержание этой «пристройки» и есть долг и ответственность субъекта свободного выбора.

Можно, как это делает, например, принадлежащий христианской традиции С.С. Хоружий, придать этим силам статус объективно внешних по отношению к субъекту свободы, можно, как это делает Хайдеггер, оставить вопрос в диалектически подвешенном состоянии, но, на мой взгляд, «личность как автопроект» — перформатив, который в вопросе о личности оставляет в стороне слишком много важного и тем самым в конечном итоге дезориентирует самопонижение личности.

ПАРАДОКСЫ ДВАЖДЫ ПОСТ-ПЕРСОНЫ

В.А. СУЛИМОВ

Проблема постперсонологии, которая послужила поводом для нашего достаточно серьезного обсуждения, *проявилась*. Она существовала всегда как синдром страха и не-нормативности индивидуального бытия человека, но проявилась в проблемной постановке сегодня.

Признаками движения к постперсонологии, наблюдавшимися на протяжении нескольких последних веков, были напряжения и разрывы в виртуальном образе *целостности* себя-в-мире и мира-в-себе, все в большей степени заменявшихся различными вариантами экзистенциального отчуждения. Это экзистенциальное отчуждение не воспринималось как таковое, а долго и мучительно порождало «двоемыслие», «двоемирие», «горькие сомнения и тягостные раздумия» (*И.С. Тургенев*), которые в текстах русской культуры, например, превращались в ком непроясненных и непреодолимых антиномий (жизни и свободы, меры добра и зла, веры и неверия, обычая / традиции и эгоизма, даже долга и чести — как в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина). В этом смысле разрушение в классической русской литературе внешней наррации в пользу наррации внутренней, психологической и даже культурно-антропологической по содержанию и методам презентации явилось сильным откровением для мировой философско-научной мысли конца XIX — начала XX вв., никогда не скрывавшей «русского следа» теорий «разорванного сознания»¹⁰.

¹⁰ Достаточно вспомнить хрестоматийные высказывания З. Фрейда или А. Эйнштейна об истоках идей «рваного», квантированного мира.

В работах М. Бахтина и Г. Шпета стала выкристаллизовываться идея бытия личности-в-тексте и личности как текста, «раздвоение» которой на Одного и Другого явилось главным условием интеллектуального существования мира. Это означало, по сути дела, нормализацию синдрома, преобразование болезненного состояния в повседневность. Однако, приобретенное экзистенциальное единство-в-парадоксе, примеренное в своей когнитивной основе понятиями ситуативности, контекста и интертекстуальности (что характерно, в частности, для Европы 60-х гг. XX в., освоившей парадокс как метод в логике, философии, научной и художественной практике), оказалось разрушенным изнутри — эпистемологически.

В этом, на мой взгляд, заключается тот новый когнитивный парадокс, который возник как эманация нового типа незавершенного человека — самозванческого или пост-постнеклассического. Эта «дважды пост» эпоха (эпоха пост-постнеклассическая), плавно входящая в пространство текстов культуры, означает не сглаживание разрыва, не привыкание к нему, а усиление разрывных тенденций, когда традиция, да и сам «социальный порядок» обыденности оказываются «взорванными изнутри» — эпистемологически, логически, когнитивно, семиотически.

Сам разрыв происходит на волне информационной революции, многократно увеличившей объем, содержание и способы презентации информационного потока и тем самым взломавшей границу между миром бытия сознания и миром бытия информации¹¹. При всей затрудненности наблюдений над процессом можно привести несколько следствий этого взрыва: замена дискретного знака континуальным, означающим только *позицию* в языковом континууме (и, конечно, *отношение* к этой позиции), замена классической эпистемологии или логоэпистемологии квазиэпистемологией, обладающей *подвижным содержанием* (контекстным, затекстным, гипертекстным и т.п.), замена телеологического пространства (или=системы целей) системой процессуальных теней или образов, обозначающих не достижение цели, а понимание (и=ощущение) движения к достижению цели как вечно незавершенному результату.

Думаю, что основная задача современных дискурсивных философских практик, в том числе нашего обсуждения, заключается как раз в создании ощущения *движения к незавершенности*, что и является попыткой эманации самой интеллектуальной личности как той «точки сборки свободы и ответственности», о которой говорит Г.Л. Тульчинский.

¹¹ В частности, речь может идти об интериоризации интеллектуальным сознанием гиперсловаря и системы гиперссылок Интернета, создающих новые «миры существования».

Кейсы автопроектов

ЛИЧНОСТНЫЙ ОПЫТ АВТОПРОЕКТИРОВАНИЯ
Я плюс один, я плюс два, я плюс три...

Автоинтервью с Романом АРБИТМАНОМ

– *Начнем с паспортных данных. Итак, Арбитман Роман Эмильевич родился...*

– ...в 1962 году в Саратове, в Саратове же закончил среднюю школу, филологический факультет университета. Живу и работаю там же. Безвыездно. За исключением трех лет, когда после филфака преподавал в сельской школе, километрах в сорока от города. Именно на пути от города до школы и от школы до города (час – туда, на автобусе, час – обратно, на попутке) и сложился поэт-метафизик Вениамин Петров. Человек с русской фамилией, еврейским именем и неистребимой страстью к иностранным словам...

– *Что, он прямо в пути родился?*

– Не «родился», я говорю, а «сложился», т.е. создал значительную часть своего будущего поэтического наследия – примерно три десятка текстов. А появился на свет поэт тоже в Саратове, году примерно в 85-м или 86-м, когда в нашем городе уже бурно цвел поэтический андерграунд. Командовал этим цветником некий местный гуру П. (фамилия неважна), особо привечавший образчики благородной невнятицы. Сам я, человек непродвинутый, был далек от упомянутого кружка, но однажды мне в руки окольным путем попала папка с сочинениями участника штудий, молодого поэта имярек. Прочитав, я понял, что уж одно стихотворение в таком духе я смогу написать не хуже автора, что коварно и сделал, а затем подложил в папку один листок. Я понадеялся, что имярек решит, будто его стихи размножаются делением, но фокус не сработал. Имярек узнал чужую руку, поспешил к гуру, меня вычислили и подступили с расспросами: где я взял этот шедевр? Пришлось сознаться в дружбе с немолодым стихотворцем, затворником живущим в райцентре, километрах в трехстах от Саратова. Почему я назвал его именно Вениамином (отчество так и не придумал) Петровым, я уже не помню. Боюсь, что брякнул первое, что пришло в голову. А детали биографии его додумывал уже в ходе творчества, постфактум, когда мне пришлось мотивировать, откуда у Петрова скандинавская грусть. Тогда-то я и сообразил, что мой герой ходил через границу, жил в Стокгольме, Осло и в Брюгге, а на обратном пути был пойман нашими пограничниками. Стихи его, спрятанные за подкладкой, были приняты за шифровки, сам он – за шпиона; бедняге пришлось отсидеть, а потом жить и творить в глуши...

– *Неужели этой сказке поверили?*

– Еще как поверили! Очевидно, врал я настолько убедительно, что Петров был тотчас же торжественно назначен членом-корреспондентом кружка, а я – пророком его, ну т.е. проводником его творчества, поскольку сам маэстро ни с кем, кроме меня, общаться не желал, подозревая во всех окружающих тайных агентов КГБ. Надобно заметить, что я, как и положено мальчику из интеллигентной семьи, в школьные годы пописывал стихи (в младших классах – про войну и пионеров-героев, в старших, естественно, – про безответную любовь), но уже во времена студенчества я от муз отошел. Не было мотивации. Теперь же она вдруг появилась, вместе с маской сурового отшельника, выдающего в неделю по одному-два загадочных текста. Обычно я пользовался методом тыка: наугад раскрывал толстый Словарь иностранных слов, выписывал первые попавшиеся, а затем мысленно их комбинировал, пытаюсь расставить в некоем причудливом порядке, чтобы хотя бы тень смысла за всем этим хаосом можно было при желании разглядеть. К сожалению, природный рационалист во мне постепенно брал верх. Высокая заумь отступала, смысл кристаллизировался все явственнее, стихи становились все более традиционными по форме, что для гения, согласитесь, убийственно. Поэтому в один прекрасный день мне пришлось со скорбной гримасой объявить, что Петров вновь рванул через границу в свой любимый Брюгге и всякая связь с ним отныне потеряна...

– *Выходит, ничего из Петрова так и не было напечатано?*

– Нет, кое-что было. Например, лет через двадцать после того, как поэт пропал без вести в лесу на советско-бельгийской границе, я по-мародерски отжал одно его стихотворение и опубликовал в рижской антологии, причем под своим именем. А гораздо раньше, в начале 90-х, я организовал в местной газете «Саратов», где служил, небольшую поэтическую подборку из наследия Петрова с трогательной заметкой Эдуарда Бабкина насчет вклада великого земляка в мировую поэзию. Кстати, именно в тексте железнодорожно-милицейских повестей Э. Бабкина и были впервые опубликованы несколько стихов Петрова. С указанием их авторства, понятно...

– *Стоп-стоп! Ну-ка давай о Бабкине поподробнее.*

– У каждой железной дороги есть своя многотиражка, и у Приволжской ЖД она тоже есть, называется «Железнодорожник Поволжья», выходит до сих пор. В 80-е годы ее возглавлял Владимир Разин (несмотря на былинно-казацкую фамилию, вполне себе еврей), большой поклонник детективного жанра. У него была одна из лучших библиотек приключенческой литературы во всей области, которая, увы, истаяла после его смерти... Так вот, «Железнодорожник»...

рожник Поволжья» был единственной многотиражкой, которая платила пусть скромные, но гонорары. А поскольку сельские учителя зарабатывали мизер, решение созрело само собой. Я предложил Владимиру Михайловичу воспитать в родном коллективе своего железнодорожного детективщика и печатать его опусы с продолжением из номера номер. Целина была непаханная. Каждый человек хотя бы раз в жизни ездил в поезде, кантовался на вокзале, сдавал вещи в камеру хранения, съедал пирожок в вокзальном ресторане и посещал вокзальный сортир. Устройство вагона, вагонные запахи и звуки, хлипкие полки, тусклые ночники, пейзажи за окном, чай с лимоном в казенном подстаканнике — все эти обстоятельства места и времени создавали узнаваемый всеми фон, и автору оставалось лишь совершить какое-нибудь преступление в замкнутом пространстве... А еще лучше — несколько преступлений, от мелкой кражи до убийства и киднеппинга. Если не считать разового вторжения в эту область Агаты Кристи (роман «Убийство в Восточном экспрессе») и братьев Михалковых (сценарий фильма «Транссибирский экспресс»), такую благодатную ниву возделывал только один Леонид Семенович Словин и, по понятным причинам, не мог объять необъятное. Ему на подмогу и должен был прийти Эдуард Тимофеевич Бабкин, бывший опер дорожной милиции, а ныне еще бодрый отставник-литератор.

— *Интересно, почему ты его так назвал?*

— Сказалось мое детское увлечение фантастикой. У братьев Стругацких в повести «Сказка о Тройке» упоминался некто Эдуард Бабкин, которого один из бюрократов по дурости путал со старикашкой-изобретателем Эдельвейсом Машкиным. Бабкин существовал в повести всего абзац-другой, а затем бесследно исчезал, что мне показалось расточительством. Поэтому я подобрал имя с фамилией и их присвоил. Что же касается отчества «Тимофеевич»... Был такой абсолютно бездарный фантаст Владимир Немцов, певец научно-технического прогресса в самом убогом его изводе... словом, очередной такой бравый советский Эдельвейс, притом довольно злобный. Персонажи Немцова, честные советские люди, были лишены малейшей индивидуальности и сделаны из сурового плотного картона; Тимофей Бабкин был одним из таких добрых молодцев. Я решил, что он вполне мог бы быть отцом моего Эдуарда, ибо искусственного персонажа по законам генетики мог произвести на свет только такой же папа. Правда, в отличие от папы-Тимофея, мой Эдик постепенно обретал плоть и кровь. Помимо милицейско-железнодорожного прошлого у него было еще вполне интеллигентное настоящее: Тимофеич любил авторскую песню (именно поэтому, кстати, у него в повестях барды пели песни на стихи Петрова), дружил с юмором, ценил лите-

ратурную классику (я подарил этому моему alter ego изрядную долю своего филологического багажа — не пропадать же добру!) и плюс к тому, благодаря трудовому опыту опера, умел вовремя дать в рыло. Сам я, увы, кулачно-бойцовских навыков был лишен и оттого наделял ими своего двойника в порядке компенсации.

— *А много насочинял этот самый Бабкин?*

— Не то чтобы очень много, но уж поболее, чем Петров — стихов. В общей сложности Эдуард написал и напечатал полдюжины повестей и примерно столько же рассказов. Некоторая часть газетного наследия Бабкина вошла в две его книжки-брошюры, тиражами в сорок и пятьдесят тысяч. Одну мы выпустили в Саратове в надежде заработать (фокус не удался... то есть деньги кто-то заработал, а нам с Разиным показали шиш). С другой, выпущенной в Перми, было еще интереснее. Мой приятель загорелся выпустить Бабкина, причем непременно за счет наших славных правоохранительных органов. В ту пору существовал журнальчик «Вызов», орган УВД Пермского горисполкома. Приятель мой вызвался издавать литературное приложение к «Вызову», такого же объема, что и сам журнальчик. В первом выпуске были напечатаны дореволюционные бульварные рассказы про Ната Пинкертона и Ника Картера, во втором — Эдуард Бабкин, и сразу после второго номера, когда дело было сделано, приятель мой объявил милицейскому начальству, что приложение себя не оправдало и закрывается. Гонорар мне, кстати, успели заплатить...

— *Признайся: Эдуард Бабкин сочинял качественные детективы?*

— Э-э-э... Видишь ли... С точки зрения Высокой Литературы эти сочинения, боюсь, были не блестящи, да и с точки зрения детективной беллетристики они — по крайней мере половина из них — были слабоваты. Все упиралось в объем. Газета выходила три раза в неделю, на последней полосе мог поместиться лишь малый двухколонник, и в него нужно было впихнуть побольше сюжета, чтобы читатель мог продержаться на интересе еще дня два. Действие разворачивалось с калейдоскопической быстротой: трупы множились, вещи пропадали и находились, персонажи оказывались не теми, за кого себя выдавали, а белокурые друзья могли вдруг превратиться в рыжих врагов (как, впрочем, и наоборот). Главным полезным качеством Эдика Бабкина было беспредельное нахальство. Своего центрального героя-милиционера он назвал Максом Волошиным, изредка намекая, будто герой — отдаленный потомок ТОГО САМОГО коктебельского чудотворца. Литературоцентричность персонажа позволяла задействовать кое-какие классические сюжеты, преображая их в железнодорожном духе. Но это еще полбеды. По ходу приключений капитана Волошина писатель Бабкин влезал в такие уголовно-милицейские тон-

кости, о которых и понятия не имел. Но, с другой стороны, и читатель об этих тонкостях знал не больше, так что обман сходил с рук. Помню, на Всесоюзном семинаре молодых детективных и фантастических писателей, куда я приехал уже с чемоданом газетных вырезок, один из участников — сотрудник журнала «Советская милиция» и сам бывший опер (не то что самозванец Эдик) — с высоты милицейского опыта обвинил Бабкина в профанации.

— *А что, разве он был не прав?*

— Да прав он был, конечно, прав. Вот только пример выбрал дурацкий: нельзя, мол, писать «подмышечная кобура», когда есть термин «оперативная кобура»! «Ну и что с того? — нагло возразил я. — Мы с вами писатели или где? Мы прозу сочиняем или должностные инструкции? Слово “оперативная” пусть и правильное по форме, мертвое по сути, и ничего не дает читателю, а слово “подмышечная” — живое и точное, и сразу понятно, откуда герой достает свой револьвер...» Мой оппонент попытался вякнуть, что и револьверами милиция не пользуется уже лет сорок, но поздно: этот раунд я выиграл, а других мне не требовалось. Разин ушел из газеты, детективы с продолжением прекратились, но была уже перестройка. Я обложил мента Эдика Бабкина нафталиновыми шариками, сложил эту куклу в дальний угол платяного шкафа и уже почти ни разу не вынимал. Жанр милицейского детектива уходил в прошлое, Бабкин становился архаикой. Уже начинались перестройка и гласность. Подумав, я вылепил из подручного материала нового голема — молодого всеведущего журналиста Аркадия Данилова.

— *Почему Данилов? Отчего Аркадий?*

— Сначала он был просто «А. Данилов», в память о прогремевшем вначале 80-х демоне-альтисте, но потом ему понадобилось имя, которое я увел у старшего из братьев Стругацких. Впрочем, в самых опасных случаях Данилов подписывался интернациональным псевдонимом «Стас Тер-Азизбеков». Мне хотелось действовать: разоблачать, выводить на чистую воду, срывать маски и поражать публику открытием тайн прошлого. Но как? В столицах был шум, гремели витии, кипела, говоря словами классика, словесная война патриотов с демократами, однако у нас в провинции все было не так интересно. В Саратов властители дум или хотя бы просто люди из телевизора заглядывали редко, поэтому все мои попытки взять скандальное интервью у какой-нибудь знаменитости разбивалось о суровую реальность. Филолог Роман Арбитман не роптал (о книжках можно было писать и в Саратове), но Аркадию Данилову было тесно. Для начала он решил проинтервьюировать Веронику Кастро...

— *Кого-кого-кого?*

— О! Это был самый известный человек в СССР, после Горбачева и Ельцина. Звезда мексиканского сериала «Богатые тоже

плачут». Если кто не помнит, наше еще советское ТВ закупало по дешевке импортное «мыло». Первой ласточкой была «Рабыня Изаура», благодаря которой все дачи стали у нас называть фазендами, а «Богатые...» стали ласточкой номер 2. Популярность мексиканской теледивы была настолько велика, что возник соблазн попаразитировать за ее счет, тем более, что и сюжет сериала, и его успех в нашей стране давали богатую почву для иронии. Чтобы подчеркнуть пародийный характер «интервью» с Вероникой, я определил г-на интервьюера на работу в информагентство «Реникса» (то есть чепуха), а самим вопросам и ответам придал черты взаимного идиотизма. К примеру, журналист сурово допрашивал актрису, верно ли, что сериал снимался на деньги КПСС, а на съемочную площадку их доставлял в чемоданчике особый агент КГБ. Глупышка-актриса будто бы всплескивала руками и хлопала ресницами, уверяя, будто никаких агентов у них на горизонте сроду не возникало, и тут же мельком проговаривалась, что к их продюсеру заходил с чемоданчиком какой-то милый культурный немец — Штиглиц или Штиплиц... Все это безобразие, я уж не помню какими путями, было опубликовано в питерской городской газете «Невское время», а дальше случилось непредвиденное...

— *Неужели Вероника Кастро прочла «свое» интервью?*

— К счастью, Бог миловал. Однако вероятность, что кто-то из агентов мексиканки докопается и устроит скандал, была велика: как раз в эти дни актрису привезли в Россию, и именно в это время материал из «Невского времени» перепечатал питерский же дайджест «24», который продавался по всей стране. Издатели дайджеста (надо же быть такими придурками!) приняли все за чистую монету: они отрубили ироничную вставку и финальную «Рениксу» и присобачили к этому наглому издевательству серьезную рубрику «Секреты профессии». А поскольку тираж дайджеста составлял два миллиона экземпляров и доверие к печатному слову тогда было еще очень велико... К счастью, обошлось. На встрече с Вероникой никто не стал выпытывать у актрисы подоплеку ее отношений с ее якобы-отцом, знаменитым кубинским Команданте... Мне бы порадоваться, что международных неприятностей не воспоследовало, однако этот казус меня ничему не научил. Напротив, я ощутил вседозволенность и пошел вразнос. Летом 1993 г. одновременно в трех газетах — одной саратовской, одной петербургской и одной московской — я опубликовал статью-расследование А. Данилова, по материалам книги «Некрократия» двух американцев, Малкольма Такера и Ларри Камински. И если в Саратове и Питере все прошло тихо, то в Москве после выхода публикации в свет началась легкая заварушка...

— *С этого места, пожалуйста, поподробнее.*

– Тираж газеты «Вечерний клуб» (приложения к «Вечерней Москве») был не таким уж великим, но вполне массовым – 150 тысяч экземпляров. Текст начинался на первой полосе, как и подобает сенсациям, да и оформлено все было прилично – фотографиями Брежнева, Черненко и пр. Вместе с двумя мифическими американцами журналист А. Данилов раскрыл в статье тайну «некрогенераторов»: оказывается, что еще лет 50 назад было изобретено устройство, позволяющее продлевать брэнное существование явным мертвецам. А потому реальные даты смерти всех советских вождей, начиная со Сталина, будто бы отличались от тех дат, что позднее преподносились народу. Про Сталина, кстати, Данилов придумал недурно. Будто бы Иосиф Виссарионович по-настоящему умер еще в 1952 году, но до марта 1953 года никто из приближенных не рисковал об этом сказать вождю, опасаясь его гнева... Там было еще много разоблачений: и про полет агента ГРУ Матвея Русанова (он же Маттиас Руст), которому поручили срочно доставить в Кремль деталь для тамошнего некрогенератора взамен сгоревшей, и про раскопки на Красной площади (где на самом деле, мол, искали обрыв в силовом кабеле, питавшем чудо-устройство), и про тайну августовского путча... Я отрывался по полной, пытаюсь спародировать и довести до абсурда массу печатных глупостей, которыми была заполнена уже тогда желтая пресса. У меня получалась такая, говоря языком современных тинейджеров, пурга, что поверить в нее было невозможно... Но, видимо, я выбрал неудачное время для шуток. 1993-й был нервным годом, особенно в Москве. Атмосфера в столице была наэлектризована, и народ готов был поверить любой чуши, которую только требовалось излагать с серьезным видом. По крайней мере, одним из первых звонков в редакцию «ВК» был звонок из секретариата Председателя Верховного Совета РФ Руслана Имрановича Хасбулатова: от газеты требовалось немедленно предоставить несколько экземпляров сенсационной книжки Такера и Камински. Все попытки объяснить, что редакция первоисточником не располагает, успеха не имели. Словом, меньше чем через две недели руководству газеты, напуганному им же спровоцированной бурей, пришлось давать опровержение, каяться в мистификации и журить журналиста Данилова за слишком невыдержанные шутки, благо я к этому времени успел там же еще напечатать интервью с мистером Камински, где развил тему... Все закончилась благополучно, мне даже заплатили премию, но я к этому времени уже отправил Данилова в многолетний неоплачиваемый отпуск. У меня появился новый фаворит – пожилой доктор филологических наук Р.С. Кац.

– «Р.С.» – это как же расшифровывается?

– Рустам Святославович. Каца я по-братски разделил между русским, татарским и еврейским народами, чтобы каждому досталась часть его бессмертной славы. Ибо из чресел Каца, автора «Истории советской фантастики», вышла целая литература, пусть даже и временами отчасти напоминающая советскую. Кац был вызовом унылому академическому литературоведению, в которое я после университета сам мог бы вляпаться, кабы человеку с моей биографией кто-нибудь доверил место в аспирантуре. Кацем я расплатился с родным филфаком за пять лет не слишком веселого учения. Особым иезуитством было то, что первое издание его «монографии» (в предисловии я, правда, назвал его вторым, поскольку первое, ИНИОНовское, придумал) вышло хоть и на деньги спонсора, но под грифом издательства СГУ: после возвращения из деревни я там работал корректором и сумел прикупить по дешевке ISBN. Мои бывшие коллеги, по-моему, до сих пор уверены, что выпустили научную монографию о фантастике...

– А на самом деле?

– На самом деле она сама была фантастикой. Точнее, это был первый (упоминаю об этом с чувством законной гордости!) в России случай «альтернативного литературоведения». То есть беллетристику в жанре «альтернативной истории» у нас уже потихоньку начинали писать, оглядываясь на Америку, а вот стилизовать наглый вымысел под ученую монографию, с соблюдением всего необходимого декорума (блеклая бумажная обложка, скучная верстка, имена рецензентов, список литературы, указатель имен), почему-то до Каца никто не догадался. Почтенный доктор изменил в истории всего два обстоятельства времени. Первое: вместо соцреализма большевики, придя к власти, стали двигать в народ научную фантастику. Второе: главной темой научной фантастики стало достижение и покорение Луны. В общем, не так много, но благодаря этим изменениям советская действительность (1917 – 1991), оставаясь неизменной по сути, значительно трансформировалась по частностям. Причем эти метаморфозы должны были вползать тихой сапой, и читатель должен был поначалу дрейфовать от реальности к вымыслу и обратно (20-е годы), лишь к 30-м годам догоняя, что здесь ЧТО-ТО НЕ ТАК. Я до сих пор не решил для себя, кем является Кац – то ли пожилым, но вполне здравомыслящим бузотером, решившим всколыхнуть болото и вызвать огонь на себя, то ли агрессивным сумасшедшим, который искренне верит в свои фантазмы и пытается заразить ими читателей. Хотя какая разница? Главное, что этот мой alter ego помог мне осуществить безумную идею, заслонив меня своим фиктивным именем, фиктивным званием и почтенным возрастом (доктору, по легенде, было на сорок лет больше, чем мне). Однако, признаться, я не очень

глубоко разработал биографию Рустама Святославовича и даже, в зависимости от конъюнктуры, варьировал его место жительства и работы: москвичам докладывал, что доктор — саратовец, землякам — что москвич, а когда пришла пора переиздавать «Историю советской фантастики» в издательстве Санкт-Петербургского университета (2004), я легко отыскал у доктора и питерские корни — в соответствии с духом времени... Но, повторяю, биографию Каца я детально не конструировал, полагаясь на авось. В отличие от Льва Аркадьевича Гурского, чьей биографией я с самого начала занялся основательнее. Это была уже почти полноценная личность — с готовым портретом и подробной, как говорят шпионы, «легендой»...

— *Гурский возник в том же году, что и Кац?*

— Нет, только через год после Каца. Впервые Лев Аркадьевич засветился в журнале «Урал», где я, двинувшись по пути Борхеса и Лема, напечатал несколько развернутых рецензий на вымышленные книги. Одной такой был роман писателя-эмигранта Л.А. Гурского «Янки при дворе вождя», эдакий ремейк знаменитого романа Марка Твена. Только у меня Хэнк Морган жил в конце XX века, имел профессию историка и, переместившись на два десятилетия в прошлое, попал ко двору не короля Артура, но Брежнева. И стал его первейшим советником, и подтолкнул Леонида Ильича к судьбоносным реформам, гласности и перестройке, но затем был возвращен злым колдуном Андроповым обратно в будущее... Рецензия та не прошла совсем уж бесследно (в дальнейшем кое-кто из читателей пытался найти эту книгу Гурского), но особой роли не сыграла, однако годом позже, когда пришла пора искать себе нового alter ego, уже ничего придумывать было не надо: и ФИО, и судьба были почти готовы. Правда, первоначально автор «Янки при дворе вождя» был у меня переводчиком с итальянского, а в новейшем изводе Гурский закончил юрфак ленинградского университета и работал в прокуратуре — до того момента, когда переключился на литературу, разочаровался в советской Фемиде, запил, был уволен из органов правопорядка и «по еврейской линии» (т.е. через Австрию и Италию) эмигрировал в Соединенные Штаты Америки, где впоследствии и написал первый десяток своих криминально-политических романов...

— **И зачем, интересно, ты сделал его эмигрантом? Жил бы себе в Питере. Или на родине своего папы, в Саратове.**

— Э-э, не скажи. Эмиграция в биографии Гурского была не прихотью, но суровой необходимостью. Вспомни: первая половина 90-х, отечественные беллетристы еще не отряхнули со своих ног прах советской цивилизации и не знают, что им делать. Книжные лотки заполнены, по преимуществу, беллетристикой переводной — той, что нам не додали при большевиках. Особый интерес вызы-

вают произведения наших бывших соотечественников, живущих за рубежом. С одной стороны, они почти такие же, как мы. С другой — уже знают вкус незнакомой жизни при капитализме и могут нас кое-чему научить. Беда в том, что среди эмигрантов было много Больших Писателей, но почти не оказалось шустрых беллетристов. Вот отчего произведения Эдуарда Тополя и Фридриха Незнанского шли нарасхват. Я решил, что Гурский должен быть из той же карточной колоды. Писать он должен был о российских делах (происхождение обязывало), но ничего не боялся (что ему, американцу, сделают?) и мог ошибаться в деталях (из-за океана некоторые частности не видны, и это извинительно). То, чего не простили бы беллетристу из Саратова, легко простили автору из Вашингтона...

— *А почему не из Нью-Йорка?*

— В Большом Яблоке живет большая русско-еврейская диаспора, все всех знают, и скрыть там Гурского нереально. А вот в Вашингтоне соотечественников мало, можно затаиться где-нибудь в Джорджтауне... Словом, с местожительством все было ясно. Примерно я представлял себе, как выглядит Гурский: старше меня на двадцать лет, лысый и бородатый (у меня самого тогда бороды не было). В ту пору, когда первые книги Льва Аркадьевича вышли в Саратове, никто в издательстве еще не владел фотошопом, поэтому на задней стороне обложки был не фотоколлаж, а рисованный портрет. Физиономия у Гурского получилась довольно неприятная, что впоследствии дало основание обиженному Эдичке Лимонову сердито обозвать писателя «корявым еврейским пеньком».

— *За что он его так?*

— Должно быть, рассердился из-за персонажа трех гурских романов Фердинанда Изюмова. Зря, кстати, обиделся. Если в первой книге герой был просто забавным клоуном, то во второй и третьей книге «президентского цикла» у этого персонажа все прибавлялось и прибавлялось обаяния. От какого бы то ни было сходства с реальным Эдуардом Вениаминовичем персонаж совсем уходил, зато с каждым романом выглядел симпатичнее. Это не только мое субъективное мнение, но и суждение многих читателей, которые давно уже подбивают Гурского посвятить Фердику И. целый роман. Но это слишком колоритный персонаж, его не должно быть чересчур много. И потом, основные мои герои — все-таки президенты...

— **Объясни, для чего ты с самого начала занесся в такие гибельные выси? Неужто обязательно писать детективы с участием главы государства и всяких там высших чиновников?**

— Может, кому и не обязательно, но Гурскому — обязательно. Замахиваться — так сразу на большое. Украденные кошельки или даже похищенные диадемы меня никогда не интересовали. Гурс-

кий был заточен под глобальные проекты: его персонажам в каждом романе приходилось спасать от злодеев как минимум всю Москву, а максимум — всю Россию и даже весь мир. Гурский выпустил десять романов (а всего, вместе с переизданиями, у него вышло штук сорок книг). В четырех романах слово «президент» является частью названия, и даже там, где этого слова нет, все равно описываются события глобального масштаба... То есть все начинается с мелочей и частных, но затем, как водится, интрига поднимается все выше и выше по иерархической лестнице. Вплоть до. Жанр политического триллера (на отечественном материале), которого не было и быть не могло в советской стране, дает автору бездну возможностей поиграть с проблемой «роли личности в истории», всякий раз доказывая своими сюжетами, что обычный человек в необычных обстоятельствах способен — если повезет — сделать колоссально много и даже по-настоящему изменить историю. К лучшему, разумеется. Эту мысль автор старался развивать во всех своих романах, но, что называется, не в лоб, а подспудно, исподволь, по ходу развития криминального или детективного сюжета... Главной задачей литератора Гурского было создание текстов, которые было бы читать ИНТЕРЕСНО. Эту программу-минимум автор старался выполнять лет пятнадцать — до тех самых пор, пока Гурский не почувствовал потребности сделать чуть больше. Дело не в том, что рано или поздно каждый пишущий чувствует реформаторский зуд и желает дать совет, как лучше обустроить Россию. Честно говоря, публицистические трактаты мне кажутся глуповатой архаикой. Поза Учителя, Знающего, Как Надо, вызывает у меня инстинктивное раздражение. Если уж делиться с миром не только своими сюжетами, но и своими мыслями, то здесь должен работать принципиально иной жанр. Поэтому, приступая к жизнеописанию второго президента России Романа Ильича Арбитмана, Гурский воспользовался методом доктора Каца — единственным возможным в этих обстоятельствах...

— *То есть?*

— То есть методом альтернативной историографии. Кацу пришлось в голову выдумать советскую литературу, существовавшую как бы в параллельной реальности, а Гурский обратил свой взор в совсем уж недавнее прошлое, которое опасно граничило с настоящим. Автор решил сочинить другого президента России, который был избран после Ельцина и сделал так, чтобы жизнь стала иной, несравненно более симпатичной, чем она есть в реальности. «В «Арбитмане» Гурский создал этакий альтернативный вариант новейшей истории, Россию с человеческим и интеллигентным лицом, — написал позднее один из рецензентов. — Перед нами не книга об Арбитмане, каким хотел бы себя видеть Арбитман, а книга о России, которой мы все хотели бы ее видеть, но которой, увы,

не случилось...» Если бы здесь был избран чисто беллетристический подход, идея, я думаю, провалилась бы, но беллетристика маскировалась под иные формы повествования. Автор выбрал стилизацию под «ЖЗЛ», под суховатое жизнеописание, переполненное цитатами из мемуаров и документов и лишь время от времени расцвеченное более-менее живенькими эпизодами. При этом автор не скупился на гротескные моменты и на вполне безумные трактовки уже случившихся событий, дабы не пересерьезнить текст и, упаси Боже, не выглядеть современным гуру. Книга должна была балансировать на грани между чистой интеллектуальной игрой без берегов и тщательно просчитанным историческим перевертышем, где всякий эпизод — на своем месте, а в совокупности эти импрессионистские мазки должны были сложиться в некую стройную картину страны и мира...

— *Слушай, а зачем тебе это надо? Денег это тебе не принесло никаких, особой славы — тоже... Тираж 800 экземпляров — слезы... Ты веришь, что «одно слово правды весь мир перетянет»? Так у тебя же вдобавок еще и неправда...*

— Все довольно просто. Очевидное скукоживание политических свобод еще не означает сужения свободы воображения. В реальной жизни мы не можем изменить уже практически ничего. Нет настоящих выборов, нет полноценной свободы слова, нет никаких реальных механизмов, которые позволили бы обычному частному человеку влиять — ну или хотя бы надеяться влиять — на принятие решений в высоких кабинетах. Но, к счастью, до фиксации оруэлловских «мыслепреступлений» мы покамест не дошли. За невесторженный образ мыслей не судят. Что мне как индивидууму, наделенному воображением, остается? Только мысленно пересоздавать реальную действительность, вытеснять ее придуманной мною самим действительностью фантастической. В былые годы это бы выглядело эскапизмом чистой воды, но сейчас все не так однозначно. Пусть в нанодозах, но мир вымысла все же влияет на мир реальный. Несмотря на царство издательских литтехнологий, литература все-таки остается сферой непредсказуемой. Нам не дано стопроцентно предугадать, как слово наше отзовется. А вдруг? В окружающей нас жизни уже так много виртуального, что любые подвижки в сфере вымышленного могут каким-то образом сработать. Мышь способна сдвинуть гору, моська — повлиять на слона. Если твой симулякр окажется ярче, точнее, уместнее, то, вполне возможно, произойдет чудо вытеснения. В мире физическом тебе не победить Левиафана, в мире виртуальном шансы есть. Получилось у Гурского? Не автору судить о том, удались ли его замыслы или нет. Но, как говорил Макмерфи из известного фильма Милоша Формана, я хотя бы попробовал.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК АВТОПРОЕКТ¹

ЕЛЕНА ХЕЛЛБЕРГ-ХИРН

Охота к перемене мест, как считал поэт, «весьма мучительное свойство», с чем нельзя согласиться по той простой причине, что лишение свободы передвижения ощущается гораздо мучительнее (что сознавал и сам «невъездной» Пушкин, мечтая о Европе).

Передвижение в пространстве в моем случае было изначально задано как спасение от страшной действительности осажденного Ленинграда в сравнительную безопасность детдома на Урале, где я, хотя и едва не умерла от дистрофии, выжила, вопреки всему.

Одинокое детство в послевоенном Ленинграде скрашивалось любовью к книгам. Отличница и впоследствии медалистка Елена Георгиевна Филатова, я легко сходила в школе за «свою», хотя ревнители национальной чистоты и находили в моей внешности (кто ищет, тот всегда найдет) признаки расового отличия – еврейство было зарублено на носу. Как и двойная идентичность: русский отец и мать-еврейка. На фоне Дела врачей и бытового антисемитизма, навязывание мне принадлежности к расово «чужим» больно затронуло меня, хотя я и ходила в женскую школу, где уровень агрессивности был намного ниже, чем в мужских школах.

Кроме расистской маргинализации, советский коллективизм определил выбор национальности при получении паспорта: с русским именем и фамилией я стала официально русской, пятый пункт был в порядке, я поступила с золотой медалью на английское отделение в Институт иностранных языков, позднее слившийся с Ленинградским университетом.

Выбор идентичности происходил как осознанное волеизъявление. Ощущая себя русской, я, тем не менее, стремилась быть причастной к европейской культуре. Английский язык открыл мне новые пространства, неизведанные и манящие, но, увы, запретные. Именно иностранный язык чудом вывел меня в зазеркалье. По окончании университета я вышла замуж за шведа и одной из первых в послесталинском Ленинграде уехала легально «за бугор» на постоянное жительство.

В Швеции началась практическая география: освоение нового социального и культурного пространства. Перемена места сказалась прежде всего в том, что этнически и социо-культурно я стала действительно чужой. Возникло растущее осознание того факта, что при перемещении в пространстве отчуждение возрастает с квадратом расстояния, обратно тому, как по законам физики слабеет сила притяжения.

Когда в Швеции у меня родился сын, я поменяла гражданство. Меня пугала перспектива того, что по советским законам дети, рожденные за границей от советской матери, становятся автоматически советскими гражданами и могут по достижении 18 лет быть призваны на военную службу. Зато шведский паспорт сделал меня иностранкой на родине, и там мне это до сих пор дают понять подчеркнуто тщательным досмотром при пересечении границы.

Мой диплом по английской филологии не признавался в Швеции, пришлось подавать прошение на королевское имя о высочайшем соизволении разрешить мне начать снова учиться в университете. Я закончила отделение славистики и стала преподавать русский язык и культуру, вести радио- и телекурсы, писать учебники. Я была в Швеции одной из первых свежих носителей языка, за что меня сразу же невзлюбили старые эмигранты: для них я стала олицетворением ненавистной советской власти.

С сыном я до трех лет говорила по-русски, но когда он пошел в садик, он запротестовал, не желая выделяться и быть чужим. Русскоязычной среды у нас практически не было, и постепенно мы перешли в семье на шведский; теперь после многих лет это мой второй родной язык. В Швеции я более или менее успешно старалась быть шведкой, избегая эмигрантских кругов, сплетен и интриг.

Тем не менее, русскость стала моей профессией. Я научилась петь народные песни и танцевать народные танцы, печь пироги и носить национальный костюм, чтобы пойти навстречу ожиданиям своих шведских коллег и учить всему этому студентов-русистов. После защиты диссертации, особенно работая в Норвегии, я ощутила себя русской по определению извне. Устарелые этнические стереотипы, почерпнутые из романов Достоевского и американских фильмов типа «Анна Каренина» с Гретой Гарбо в заглавной роли, с наивной неразборчивостью применялись там ко мне: считалось, что я, выпив водки, буду бросать рюмку об пол, плясать на столе, играть на гитаре и петь «Очи черные». Русская экзотика подпитывалась тем, что в эпоху железного занавеса живые контакты с Россией и ее жителями были слишком редким явлением в Скандинавии. Этот политический контекст порождал нереальный горизонт ожидания при встрече с реальными русскими людьми.

Тем не менее, в глазах скандинавов я все-таки не была «настоящей русской», главным образом потому, что не исповедовала православие. Я выросла в советскую антирелигиозную эпоху, без какой-либо конфессиональной принадлежности; не только без родителей, но и без семейных традиций бабушки и дедушки. Православие, как и христианство вообще, было для меня прежде всего связано с искусством, литературой и музыкой, библейскими сюжетами картин в Эрмитаже и Русском музее, с церковной архитектурой.

В Норвегии я преподавала на шведском языке, все понимали меня, а я сначала не понимала совсем никого, потом постепенно привыкла и начала разбираться в норвежских диалектах². Освоение этой культурной географии заняло десять лет.

Научная работа в Норвегии и занятия фольклористикой и семиотикой привели меня на стажировку сначала в Институт славяноведения и балканистики в Москве, а затем в Финляндию. В Хельсинки я нашла Славянскую библиотеку и русское меньшинство, сохранившее культуру и язык дореволюционной России³. Позднее я открыла для себя новое русскоязычное население переселенцев из Ингерманландии⁴. Появилось общение на русском языке. Теперь уже около 40 000 русскоязычных живет в Финляндии. По величине эта группа достигла уровня традиционно проживающего в Финляндии шведского меньшинства.

В Хельсинки я живу в шведском окружении. С моим финско-шведским мужем и с его друзьями я общаюсь по-шведски, а финский язык окружает меня как море вокруг моего шведского островка, и я осторожно окунаюсь в это незнакомое языковое море. На вопрос откуда я, отвечаю обычно, что из Швеции, чтобы не вызывать отпора местных русофобов. Для патриотических финнов Швеция тоже старый враг и захватчик, но Россия и русификация начала XX в. ближе по времени, да и финская война далеко не забыта.

Шведское меньшинство в Финляндии, несмотря на свою малочисленность (в настоящее время около 5% населения) имеет культурную автономию и уникальные права. Шведский язык официально второй государственный, у шведов есть свои социальные учреждения, политическая партия, университетское образование, газеты и журналы, фонды, издательства, школы, театры, радио и телевизионный канал... Русское меньшинство пока не требует себе прав наравне со шведским, но, кажется, это только дело времени.

Культура и быт Финляндии показались мне сразу ближе и знакомее, чем жизнь в других скандинавских странах. Общим был антропологический тип людей, их поведение, одежда, еда и обычаи, не говоря уже о природе. В Норвегии на меня падали горы, а в Финляндии я полюбила открытое пространство полей, бесконечные грибные и ягодные леса и тихие озера. Историческая общность с Московией, сложившейся на финноугорских территориях, и с Россией в период Великого Княжества Финляндского наложили свой отпечаток на культуру и традиции обеих наций, особенно в Карелии, колыбели финской этнической самоидентификации⁵. Но взамен безразличной шведской доброжелательности и наивно-романтического норвежского недопонимания, меня в Финляндии, особенно среди «простых людей», встретила глухая, а порой и явная,

упорная неприязнь, даже враждебность. Упрощенное стереотипное видение извне навязывало мне теперь маргинальность уже по трем измерениям: ибо финны недолюбливают шведов, и с большим недоверием относятся к русским; финские шведы не принимают мою русскость, а местные русские — мое предполагаемое еврейство, и к тому же, чуждую им шведскость.

Приходится лавировать между трех огней и не рассказывать всю историю жизни каждому встречному-поперечному. Защитой от этнической маргинализации становится статус и моя социальная роль. Теперь я профессор, автор учебников, статей, и монографий, где я критически рассматриваю символический мир русской идентичности на примере общепринятых национальных символов (двуглавый орел, народный костюм, матрешка, и т.п.)⁶. Я пишу и читаю лекции на шведском, русском и английском языках в достаточно интернациональной и толерантной университетской среде. Профессиональная идентичность в моем случае переплетается, хотя и не вполне совпадает с этнической и социальной. Личный статус сочетается с семейным: муж — известный ученый, его предки — несколько поколений университетских профессоров и деятелей культуры — обладают общепризнанным культурным капиталом⁷.

Моя история с географией представлена в свернутом виде в имени:

Елена Георгиевна Филатова обозначает исходную точку, русское начало; Елена Хеллберг, или Елена Филатова-Хеллберг (без отчества) это Швеция и Норвегия; Елена Хеллберг-Хирн это мой финско-шведский период. По иронии судьбы, моя нынешняя шведская-плюс-немецкая фамилия воспринимается в России как еврейская.

Иронично и то, что я теперь в Финляндии принадлежу к двум — трем меньшинствам одновременно и ни к одному из них полностью. Русское, шведское и еврейское меньшинства относительно хорошо ассимилированы, но все же с точки зрения финского большинства все они достаточно маргинальны. Больше всего моей собственной ассимиляции мешает плохое знание финского языка, и нет надежды, что оно станет лучше, пока я говорю дома по-шведски, на работе по-английски, а с друзьями по-шведски или по-русски.

Маргинализация затрагивает еврейские меньшинства во всех странах; в Финляндии финские шведы ведут себя изнутри и снаружи так же, как еврейство. Обе группы одинаково озабочены сохранением своих этнических традиций и культуры, уповая на тесные связи и знакомства. Их стратегия накопления материального и культурного капитала, широкой родственной взаимопо-

мощи и сплоченного отстранения от чуждых этносов вполне аналогична еврейской.

Мой личный опыт «меньшинства в кубе» включает в себя стратегию выживания в не всегда благоприятных условиях, без полной интеграции, но и вне тотальной маргинализации. Скорее это не групповой, а индивидуальный проект, ибо нет группы, в которой я считалась бы совершенно своей.

Практическая география заявила о себе как раскрытие личностного проекта *self-made woman* и как освоение соответствующих скандинавских идентичностей. В отдельном конкретном случае именно социально-культурный контекст определяет, какую роль я выберу для себя. Каждая новая самоидентификация не отменяет, а дополняет набор моих жизненных компетенций, открывая возможности для новых стратегий. Индивидуальный проект означает для меня как европейски ориентированного человека стать частью открытого и свободного мира. На языке советской эпохи я была и остаюсь безродной космополиткой.

Но идея личной свободы и основные европейские ценности были все же заложены в юности, в Ленинграде, ныне снова Петербурге. В городе, смысл и роль которого неоднозначны, а имена множатся: от девичьего «Санкт-Петербург» через советский «Ленинград» снова к Петербургу или скорее Ленинбургу, а в будущем возможно и Путинбургу... Его европеизированность и неукоченность в национальной культуре создает у его жителей раздвоенное сознание. Я изоморфна родному городу — он оставил во мне свой глубокий след⁸.

Мой роман с заграницей и «странная», т.е. странническая, жизнь складывались по принципу монтажа, разворачиваясь в пространстве и времени как параллельный процесс вынужденной ассимиляции и диссимиляции. Свой «добровольный крест» инобытия я несу с большой долей оптимизма, но и со смиренным сознанием того, что многим миллионам перемещенных и добровольно мигрировавших лиц подобный опыт достался гораздо тяжелее.

Моя Одиссея закончилась (пока?) в Хельсинки, совсем недалеко от того места где началась, описав если не полный круг, то растянутую петлю. Я обитаю в незаземленной сфере или в некоем «междумирии», под собой не чужа страны, но во мне идет непрерывное свертывание и развертывание очарованного пространства, как в русской народной сказке о трех царствах, каждое из которых закатано в яйцо⁹.

А если перейти от фактов к некоторым обобщениям, то пройденный жизненный путь и опыт практической географии хорошо иллюстрирует те стадии самоидентификации (этническая, статусная, ролевая и проектная), которые предложены в классифика-

ции Г.Л. Тульчинского¹⁰. Этническая стадия определяет личность по принадлежности к этносу и подтверждает ее идентичность внешним обликом, одеждой и поведением. Статусная представляет личность по заслугам и профессиональной востребованности, наряду с личной компетентностью, подтвержденной документально. Ролевая самоидентификация опирается на выполняемые социальные роли, а проектная строит жизненные стратегии и планы на основе известности и узнаваемости.

Переходя из личного плана в более общий можно сказать, что тема самоидентификации связана с многомерным комплексом социально-культурных контекстов, постоянно варьируемых в пространстве и времени. Переключение ролей в динамичном поле национальных и конфессиональных, семейных и корпоративных, поколенческих и статусных условий обеспечивает свободу выбора и гибкость при реализации жизненных стратегий, когда то одна, то другая сторона личности может проявлять себя в зависимости от обстоятельств.

Любой меняющий место жительства, а в особенности страну и язык, вынужден решать проблему своей причастности или непричастности либо как личный автопроект, либо коллективно, например, вступая в землячества или этно-национальные сообщества, начиная петь народные песни, носить по праздникам народный костюм и бороться за права своего этнического меньшинства. Но платой за невосполнимые потери при перемещении в пространстве нередко бывает отчуждение, изоляция, регресс, периоды депрессии. Неадекватность поведенческих и языковых кодов, невольные промахи и выпадание из нового социального контекста болезненно воспринимаются многими как личный недостаток или как несправедливые удары судьбы. Тем не менее, если срабатывает защитная реакция поиска «своих» и профилактическая магия причастности к делам бывшей родины, чувство надежности и уверенности в своих силах возрастает порой настолько, что практическая география приобретает характер игры, даже не лишенной озорства.

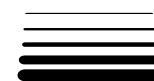
И хотя свобода всегда чревата опасностями, в лучшем случае игра с перемещением в пространстве становится хорошей школой независимости и личной самодостаточности, или «софийности», в том смысле, как это понимал В.Н. Топоров¹¹. Главное в этой ситуации все же — свобода передвижения и свобода выбора, которую несет с собой глобализация. Это ее бесценные дары. А горькие издержки глобализации познаются как утрата былой стабильности, когда все растущее число людей живет подобно перелетным птицам, под собой не чужа страны, во все более непредсказуемом виртуальном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

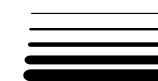
- ¹ Под практической географией здесь имеется в виду не столько география сама по себе, сколько освоение жизненного пространства и соответствующих идентичностей в личной практике субъекта во внесоветском и постсоветском контексте.
- ² Норвежских диалектов около 40, при том, что нет единого устного национального языка, но есть два письменных варианта.
- ³ О русском меньшинстве в Финляндии см.: *Baschmakoff N. and Leinonen M. Russian Life in Finland 1917 – 1939: A Local and Oral History // Studia Slavica Finlandensia. Т. XVIII. – Helsinki, 2001.*
- ⁴ Ингерманландцы начали переселяться в Финляндию в 1970-е гг. по инициативе президента Мауно Койвисто.
- ⁵ «Карелианизм» стал основой финского национального самосознания как реакция против насильственной русификации на рубеже XIX – XX вв. Поэтика Калевалы, карельские мотивы в картинах Галлен-Каллелы и музыке Сибелиуса дали поборникам финномании желанные образы исконной финской культуры.
- ⁶ См.: *Hellberg-Hirn E. Soil and Soul. The Symbolic World of Russianness. – Aldershot: Ashgate, 1998.*
- ⁷ Наибольшей известностью в Скандинавии пользуется Юрье Хирн (Yrjö Hirn, 1870 – 1952), профессор эстетики и автор многих книг по теории литературы и культуры. Согласно Бурдьё (Pierre Bourdieu), культурный капитал имеет идеальный характер; сюда относится идеология, образование и культурные практики, а также престиж, слава и честь. Культурный капитал является символическим выражением более или менее прочных социальных позиций. Это синоним социального статуса.
- ⁸ Петербург – тема моей монографии «Imperial Imprints. Post-Soviet St. Petersburg» (Helsinki: SKS, 2003). Русский перевод: Печать империи. – СПб.: Европейский дом, 2008.
- ⁹ *Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 1. – М.: Наука, 1985. – С. 128 – 130.*
- ¹⁰ См.: *Тульчинский Г.Л. Культурная идентичность, самозванство и новая антропология: перспективы постчеловечности. Семиозис и культура. – Сыктывкар: КГПИ, 2008. – С. 12 – 17; Тульчинский Г.Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности // Человек.ru. Гуманитарный альманах. № 4. Антропологические практики в искусстве. – Новосибирск, 2008. – С. 42 – 66; Тульчинский Г.Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология // Человек. 2008. № 1. – С. 43 – 57; и др. работы.*
Последняя, постчеловеческая перспектива статья «человеком без свойств», видимо, мне еще предстоит. Способность к быстрой ориентации и переключению кодов восприятия и поведения стала условием жизненной компетенции.
- ¹¹ См.: *Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. – М.: Гнозис, 1995.*

ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ

Философия и образование

Продолжаем публикацию материалов
Философского Форума «Философия и образование»
(см.: «Философские науки». 2009. № 8).

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОЕКТЫ ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

В.И. ПРЖИЛЕНСКИЙ

Если хотя бы в общих чертах вспомнить все то, что связывает философию и образование на протяжении последних двух с половиной тысячелетий сначала греческой, затем римской, арабской, европейской и, наконец, всемирной истории, то станет ясно, что эти отношения сложны и «нелинейны». Философы неоднократно и весьма существенно влияли на образование, участвовали в формировании его целей, ценностей, структуры и содержания. Помимо непосредственного участия в образовательных практиках, можно выделить также прямое и косвенное воздействие философских идей и целых учений, не говоря уж о создаваемых философами интеллектуально-аналитических технологиях.

Когда ставится вопрос об отношениях между философией и образованием, то сразу же возникает желание обобщить, сформулировать, определить через функции и т.п. Но отношения между философией и образованием вовсе не являются однозначными и гармоничными. Напротив, они сложны, многогранны и зачастую выглядят крайне запутанными. Ведь при ближайшем рассмотрении под титулом философии в случае интеракции между нею и образованием мы обнаруживаем бесчисленное количество очень разных, иногда альтернативных интеллектуальных практик. Да и образование – это множество институций, возникших в разное время и по разному поводу, а затем еще претерпевших определенную и весьма существенную эволюцию. И вот эти философские практики встречаются с образовательными в рамках соответствующих институтов. Они

наполняют образовательный процесс идеями, текстами, девидами, причем не обязательно философскими, модернизируют язык и риторику, непредсказуемо влияя на различные институционально-образовательные структуры. Объектами такого непредсказуемого влияния становятся не только строение и содержание учебных курсов, не только представления о наборе нужных компетенций, воздействие философских практик испытывают легальные административно-управленческие и иные властно-политические структуры.

В процессе функционирования образовательных институтов в условиях социальных изменений с неизбежностью происходит рождение новых смыслов и контентов, зачастую деваивирующих сложившиеся порядки дискурса и системы действия. Их утилизация или консервация также может стать объектом философского осмысления и опираться на критическую рефлексию: одни философские учения включают в себя конструктивные программы изменения жизни в целом и образования, в частности, тогда как другие являются нигилистическими по своей сути. Как правило, отправным пунктом создания нового философского учения выступают не только и столько чьи-то интуиции и теоретические построения, сколько их реализации в жизни и, главным образом, в образовательных практиках. Так было и с пресловутой схоластикой, и с не менее пресловутым марксизмом — список можно легко продолжить.

Хорошо известно, что в процессе образовательной деятельности с философами и их идеями редко обходятся бережно. Разработчики учебных курсов спонтанных, дерзких и даже скандальных философов выстраивают в ряды, позволяющие иллюстрировать некую логическую последовательность, демонстрировать развитие то ли идеи, то ли схемы. Но вот вывести из этой последовательности продолжение, предсказать дальнейший ход вещей, вычислить будущее почему-то никому еще не удавалось. Отсюда и та растерянность, которая наступает всякий раз, когда по-старому уже нельзя, а новое смутно и неопределенно. Кажется, только сами философы смогут понять, что именно несет нам день грядущий. Угадать, прозреть, увидеть, получить откровение...

Вопрошать бытие, проникать в суть вещей, готовиться к смерти — это и есть традиция философствования. Можно искать в этом «вечном» культурном образе философии, совпадающем, кстати, с ее самоописанием, основания для схематизации образовательной функции философии. Нечто вроде «на-

уки о предельно общих законах природы, общества и познания». Философия, таким образом, укрепляет и направляет, указывает путь и даже контролирует.

Но есть и иная точка зрения, согласно которой период господства философии в системе знания и познания давно прошел, и сегодня эта традиция может быть полезна, конечно при условии успешной модернизации последней. Отсюда и призыв: трезво оценить потенциал и познавательные ресурсы философствования, «пристроить» философию к нуждам эпохи, сделать ее более функциональной и продуктивной в условиях торжества научного знания.

И первая, и вторая позиции могут быть проиллюстрированы многочисленными примерами из жизни. Несть числа попыткам понять смысл настоящего и узреть образ грядущего, что должно иметь судьбоносное значение, изменив всю систему целеполагания и повседневной деятельности. Когда Хайдеггер утверждал, что его смогут понять лишь через триста лет, он как будто заявлял, что увидел нечто такое, что имеет отношение не только к истине, но и к будущему. Его «открытие» как бы давало ключ к пониманию будущего или, по крайней мере, к пониманию того, что станет общедоступным через столетия. Но то, что открыто заявил Хайдеггер, незримо присутствует в огромном количестве философских предприятий и свершений, известных и неизвестных, забытых и ставших достоянием истории. И, несмотря на всю нищету и тиражность современной футурологии, этот вид философской (или квазифилософской) деятельности долго еще будет определять нерв взаимодействия философии и образования.

Утилитарное отношение научно-образовательного сообщества к философии также явлено достаточно отчетливо. Еще во времена патристики, когда шли споры о том, надо ли считать философию языческим заблуждением или она может быть полезна христианскому богопознанию, ей была отведена роль средства выполнения тех задач, которые ставились религией. Затем, в эпоху торжества научного разума, шефство над философией перешло от религии к науке, и философы стали разрабатывать научный метод, теорию познания и т.п. Идея самодостаточной философии и идея полезной философии всегда конкурировали друг с другом, что не привело к победе ни одной из них. Их конкуренция самым непосредственным образом повлияла на понимание взаимоотношений между философией и образованием, спроецировав на них модели отношений между философией и

наукой. Либо философия постигает универсальные истины и творит вечные ценности: тогда задача образования – обеспечить доступ к сокровищам философской мысли, хранить и распространять их. Либо философия помогает образованию быть эффективнее в решении своих собственных задач, например, служить целям научного или социального прогресса.

Сегодня в российском обществе, несомненно, возобладала вторая идея, чему всемерно способствовало осознание необходимости очередной догоняющей модернизации экономики, общества и самого образования. Раздающиеся же голоса о том, что советское образование было самым лучшим в мире и надо просто его сохранить, не находят отклика ни у властной элиты, ни среди широких масс просвещенной общественности. Но и в том случае, когда кажется, что философия что-то должна образованию, науке, обществу, это требование может быть прочтено по-разному. Можно обязать философов систематизировать научные знания, совершенствовать методологический реквизит, осуществлять критическую рефлексию и социальное проектирование. И соответственно в сфере образования – найти свое место в процессе перестройки учебного процесса, помочь преодолеть устаревшую форму гумбольтовского университета, внедрить компетентностный подход и др. Все так, но можно увидеть и другую перспективу. История науки и образования дает основания предполагать, что во время радикальных перемен в жизни человека и общества возникает потребность в не менее радикальной модернизации науки и образования: новые познавательные практики, новые способы производства знания и, самое главное, новые науки. Возникновение новых наук совершенно иным образом определяет содержание отношений между философией и образованием. Не будем забывать, что и галилеевская наука, и контовская социология, и многие другие науки – это философские проекты, изменившие повседневную практику образования не менее радикально, чем хозяйственно-экономическую и социально-политическую.

Таким образом, создание нового философского проекта, подразумевающего совершенно иную технологию получения знания и способы его применения в различных областях человеческой деятельности, вновь вывело бы отношения между философией и образованием в иную степень глубины и интенсивности. Особенно если при этом учесть, что гуманитарные науки, по сути, так и не отделились от философии, по крайней

мере, в той степени, в какой отделились науки естественные и социальные. Собственно говоря, социальные науки и появились как проект технологизации и операционализации гуманитарного знания по аналогии с науками естественными.

Дело в том, что и естественные науки в Новое время существенно отличаются от античного и средневекового естествознания не только точностью, строгостью и поразительной эффективностью. Сам факт эффективности этих наук не является дополнительным и нечаянно приобретенным ценным качеством. Так называемая научная революция Нового времени помимо привнесения в исследовательскую практику пресловутого экспериментального метода, позволила создать и настолько новую физику, что называть ее правопреемницей перипатетической физики кажется все менее правомерным. Не случайно Гёте и романтики обвиняли Галилея в том, что он подменил физику механикой и созданная им наука не изучает природу, а разрабатывает способы овладения последней. Даже Гуссерль в поздний период творчества все чаще писал о математическом естествознании, а не о физике, считая методическую индукцию, применяемую Галилеем теорией, выросшей из метода и из задач, а не из предмета исследования.

Распространение на сферу сведений о человеке, его внутреннем мире и истории теоретико-методологических идеалов объективности, законосообразности и точности привело в последние два столетия к рождению социологии, психологии, криминалистики, экономики, политологии, лингвистики, семиотики, культурологии, социальной и культурной антропологии и т.п. Их появление не только способствовало существенному углублению знаний человека о нем самом и сферах его деятельности, но и позволило самым кардинальным образом усовершенствовать и рационализировать собственные действия в этих сферах. Если галилеевская физика открыла невиданные возможности в процессах технического конструирования и преобразования природы, то социология и психология сделали невозможное в сфере управления и совместной деятельности. Не стоит ли мир сегодня на пороге третьего масштабного прорыва, сопоставимого с вышеназванными?

Древняя этика позволяла рационализировать персональное целеполагание, сделать его предметом обсуждения, связать с некой теорией мира и выводимыми из нее принципами. Древняя политика также представляла собой учение о правильном и обо-

снованном выборе целей, только, в отличие от этики, в политике речь шла уже о коллективных целях. Социология и психология — это объяснение человека исходя из внешней и внутренней реальностей, формирующихся естественным путем, подчиняющихся соответствующим закономерностям социальным и психическим. Таким образом, рационализация на основе психологии и социологии качественно отличается от рационализации на основе этики и политики. Здесь уже не идет речь о том, какие выбирать цели — социологи и психологи ищут кратчайшие пути их достижения и предупреждают об опасностях, предостерегающих на этих путях. Поэтому социология и психология могут мирно сосуществовать с философскими и религиозными учениями об общественном идеале и идеале личностном, но в то же время создают соблазн распространить полученные технологии на сферу должного, проектировать личность и ценности.

Психология в первые десятилетия своего существования стремилась быть предельно натуралистической, да и социология генетически оказалась связанной с позитивизмом, историческим материализмом, функционализмом. То же самое можно сказать о лингвистике и семиотике, политологии и культурологии. Результатом развития всех этих наук становятся теории, построенные в виде дедуктивно-аксиоматических схем, где роль аксиом выполняют то ли принципы, то ли законы, то ли положения, являющиеся и первым, и вторым вместе. Выявленные генеральные закономерности позволяют не только объяснять прошлое и настоящее, но и прогнозировать будущее, что позволяет говорить о воплощении во всех этих областях знания главного эталона научности.

Но постепенно, по мере развития социальных наук в них стало «прорастать» нечто чужеродное, не соответствующее их исходному замыслу, но зато связанному с самой природой человека и его самопознания. Речь идет о влиянии гуманитарной традиции, которую трудно назвать научной без существенных оговорок. Более того, ее трудно уловить в сеть понятий, категорий и описаний, ибо она самодостаточна, существует сама по себе и вне институтов современной науки, хотя ее влияние, особенно в кризисные эпохи, оказывается весьма значимым. Ее исследованием неоднократно занимались философы, но все попытки ее превращения в «строгую науку» пока не увенчались успехом.

Не до конца научный характер этой интеллектуальной традиции, способной создавать ценности и открывающей путь к

постижению уникального в его уникальности каждый раз преодолевался по-разному. Противопоставление чистого и практического разума, попытка концептуализации воли и, наконец, противопоставление понимания объяснению — вот лишь неполный перечень попыток справиться с тем, что сегодня называется проблемой субъективности социально-гуманитарных наук. Действительно, почему по мере развития социальных наук, которые замышлялись как позитивные и предельно объективные, все большее значение стали приобретать такие направления и парадигмы как феноменология, герменевтика, понимающая социология, онтопедагогика, недирективная психология и т.п.? Видимо обращение к этой не скованной дисциплинарными запретами и методологическими предписаниями практике позволяет познавать особые предметы, уникальные по своей сущности: смыслы, ценности, идеалы. Близость к этой традиции, не подчиняющейся строгим дисциплинарным запретам и четким методологическим предписаниям, и по сей день составляет специфику гуманитарных наук, таких как филология, история, поэтика. Другой отличительной особенностью, как уже отмечалось, служит неотдифференцированность философского знания, философских установок и интуиций, содержащихся и в структуре, и в содержании этих наук.

Сегодня становится все более зримой потребность в новой великой концептуализации, которая позволила бы технологизировать еще одну важнейшую сферу человеческой деятельности. Я имею в виду сферу, которую с некоторыми оговорками можно было бы назвать знаменитым термином Гуссерля, т.е. жизненным миром. «Лабиринт идентичностей», в котором человек оказался не по своей воле, ставит перед наукой принципиально новую задачу научить его выходить из этого лабиринта, причем не единожды. На протяжении всей жизни нашего современника от десятилетия к десятилетию эволюция его взглядов, мнений и убеждений помноженная на разнообразные внешние влияния заставляет его все время возвращаться к вопросу о том, кто он такой. И все меньше шансов найти ответ на него, примкнув к какой-то группе или какому-то движению, освоив какой-то образ или какую-то модель. Если прежде независимость и самостоятельность в суждениях, оценках и принятии решений была в ранге добродетели, к которой следовало стремиться, то сегодня состояние независимости становится, как ни странно это звучит, вынужденным и единственно возможным. А длитель-

ное и неизбежное пребывание человека в этом состоянии переводит потребность в соответствующих гуманитарных технологиях в разряд фундаментальных.

Как утверждалось ранее, инструментом для реализации данного философско-образовательного проекта решения проблемы «ловушки идентичностей» должны выступить гуманитарные науки, находящиеся в стадии рождения. Среди наиболее вероятных претендентов на эту роль постчеловеческая персонология¹, ставящая перед собой задачу изучения феномена свободы в изменившихся условиях и разрабатывающая средства для ее обеспечения. Интересны также идеи М. Эпштейна о необходимости разработки целого комплекса частных гуманитарных наук, таких как тегиминология, гуманология, культуроника, стереоэтика, хоррорология и др.²

Представляется существенным, что для решения поставленной задачи необходимо будет решить важнейшую проблему, связанную с особым типом онтологии, лежащим в фундаменте гуманитарного знания. Речь идет об онтологизации уникального, имеющей важнейшие теоретические и методологические следствия³. И здесь главным средством должны выступить образовательные практики, доверие к которым может стать ключом к успеху.

Известный исторический анекдот повествует о том, как заплакал египетский фараон, узнав об изобретении письменности и предвидя расставание с дописменным обществом — целым миром, в котором все было органично и которого также не стало целиком. Сегодня впору оплакивать «идентичностное» общество как величайшую драму современности. «В наши дни на рынок выводятся мечты, чаяния и надежды потребителей, их представления о себе, какими бы они хотели стать. Не просто идентичность, а идентичность о себе, чаемом, хорошем. Бренд — не просто социальный миф, а миф индивидуализированный. Брендинг — технология тотального и глобального самозванства»⁴.

Пионеры неосамозванства оказались в пространстве моральной невесомости не по своей воле. Этот новый вид моральных преступлений — самоидентизванства — возник на почве перехода от «идентичностного» общества к новой макросоциальной форме. Эту форму социальности можно было бы называть «постидентичностным», или «полиидентичностным», или даже «переменно-идентичностным» обществом. Хотя, быть может, речь идет уже не об обществе, а о рождении постсоциальных форм жизни,

об окончательном укрощении стихии социального с его зависимостями и специфически социальными (небиологическими) видами насилия. Но, скорее всего, общество справится и с этой напастью. Более того, избавление придет оттуда же, откуда пришла опасность: технологизации должна подвергнуться сфера жизненного мира как места, где творится идентичность. Не пространство самосознания личности и не поле чистой субъективности, а мир значений, смыслов и очевидностей, имеющий интерсубъективную природу, данный индивиду в персональном и коллективном опыте, может стать объектом технологизации.

Технологизация «идентичного пространства» может идти двумя разными путями. Первый путь соответствует перефразированной формуле: если идентичности нет, то все позволено. Действительно, можно ради избавления от ситуации «лабиринта идентичностей», ради выхода из ловушки идентичностей забыть обо всем, кроме поставленной задачи. Тогда неизбежно превращение средства в цель. Самозванство как способ достижения целей, поставленных в рамках прежней, т.е. исходной идентичности — не самое худшее, что может произойти в этом случае. Не меньшую угрозу представляет собой вариант непредвиденной утраты контроля над собственной идентичностью, вызванной каким-либо вмешательством извне или же собственными неудачными инициативами.

Второй путь — это путь, указаний и ограничений, связанных с кантовским категорическим императивом, правда, перетолкованным в связи с изменившимися «обстоятельствами» на новый лад. Теперь уже не только другого, но и себя самого нельзя рассматривать как средство. Особенно в условиях, когда словосочетание «себя самого» теряет привычную ясность, определенность и идентичность.

И, наконец, последнее, позволяющее вспомнить о том, что статья посвящена образованию. Рискну высказать предположение — образованию в проекте, соответствующем второму пути отводится роль и поводыря, и надзирателя, и локомотива. Точно так же, как потребности механики и технического конструирования обеспечили прежде невозможный союз математики и физики в рамках экспериментального метода Галилея, точно так же, как потребности управления обществом обеспечили встречу истории, филологии и биологии в рамках создания научного общественнознания (социология, психология, менеджмент), также задача «придания образа» могла бы организовать сферу лично-

го опыта с различными технологиями знания, а также породить новые. Кстати, роль образования в формировании античной классики до сих пор еще не осмыслена в полной мере.

То, что именно практический разум образовательных практик главенствовал над чистым разумом философских теорий не только в учебных заведениях (Мыслильня, Академия, Ликей), кажется общеизвестным. Но вот на то, что этот самый практический разум через процедуру формулирования целей, формировал и структуру, и содержание теоретического знания, обращали внимание крайне редко. М. Фуко утверждал примерно то же, когда писал о смещении акцента в понимании смысла античной философии. «До настоящего времени проблема субъекта и его понимания звучала иначе: согласно Дельфийскому орakулу, “познай самого себя”. Однако призыв к самопознанию всегда сопровождался требованием “проявить заботу о самом себе”»⁵. Далее французский философ обосновывает идею о том, что забота о себе — это главный момент философствования и рождается он из повседневных образовательных практик.

Развитие третьего направления взаимодействия философии и образования не препятствует первым двум и не изменяет их конфигурации. Соединение в контексте образовательных практик сферы фактического и сферы значимого, умение обращаться со знаниями, относящимися к сфере фактического и, в то же время, играющими фундаментальную роль в процессе обретения идентичности могут и должны стать не менее масштабным событием, чем то, которое произошло в эпоху Возрождения, когда закладывались основы современной гуманитарности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. — СПб., 2002.

² См.: Эшттейн М.Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. — М.: Новое литературное обозрение, 2004.

³ См.: Шаповалов В.А., Пржиленский В.И. Две культуры знания в истории науки и образования: онтологические предпосылки и методологические следствия // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 1. — С. 5 — 16.

⁴ Тульчинский Г.Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4. — С. 51.

⁵ Фуко М. Герменевтика субъекта // СОЦИО-ЛОГОС. — М.: Прогресс, 1991. — С. 284.

НОВЫЙ СИНКРЕТИЗМ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Г.В. СОРИНА

Несмотря на то, что идея нового синкретизма в определенном смысле носит метафорический характер, за ней, как мне представляется, скрываются реальные потребности современного уровня развития знания, в рамках которого вместо жесткой дисциплинарности, с одной стороны, формируются все более устойчивые междисциплинарные связи, с другой стороны, происходит поиск философских оснований конкретных наук. Вместе с тем в рамках возникающего нового синкретизма системность и междисциплинарные контакты формируются таким образом, чтобы не мешать собственно дисциплинарному развитию каждой из областей взаимодействия, включая как саму философию, так и множество других дисциплин.

Необходимость взаимосвязей между философией и множеством специальных дисциплин определяется внутренними потребностями каждой из сторон. В этом смысле сохраняется та ситуация, о которой писал еще Кант. Философия остается той единственной наукой, которая «как бы замыкает научный круг, и благодаря ей науки впервые только и получают порядок и связь»¹.

Философские проблемы возникают в разных контекстах специально-научного и гуманитарного знания. Вне философского анализа невозможно постигнуть глубинную онтологию ни одной специальной дисциплины. Без философского анализа нельзя понять и объяснить множество феноменов культуры. В этом смысле философия в культуре порой «оборачивается» к нам своей прагматической стороной.

Более того, думаю, что именно в этом и заключается важнейшая задача/миссия современной философии. Философия в современном мире, как и во времена Античности, должна обращаться не только к анализу своей внутренней проблематики. Очень важно чтобы методологический инструментарий и интеллектуальный потенциал философии были обращены и к анализу других, самых различных областей знания и культуры.

Дело, на мой взгляд, заключается не только в том, что философия в качестве какой-то эзотерической науки, замкнутой только на самой себе, оказывается не нужна социуму. Скорее

дело в том, что социум, лишенный философского знания, попадает в ситуацию незащитности перед догматизмом, тоталитаризмом и другими «-измами», которые легко внедряются в общество, лишенное философской мысли во множестве ее подходов. Исконно, начиная с Античности, философский подход демонстрировал обществу, наряду с прочим, право на существование различных верований и традиций, возможность получения вполне обоснованных, но разных ответов на один и тот же вопрос. «Инаковость», существование другого — это одна из тех философских тем, которые исконно были присущи философии, но стали особенно важны для современного мира.

В определенном смысле будущее современной науки в России зависит от качества подготовки специалистов высшей квалификации, кандидатов наук. Управленческое решение по введению нового кандидатского экзамена серьезным образом изменило всю систему подготовки специалистов этой квалификации². Впервые в истории культуры новая дисциплина была введена директивно, а не возникла постепенно, в результате дифференциации и интеграции научных исследований в каких-то конкретных областях знания или в междисциплинарных пространствах. Именно таким образом возникали те науки, которые составляют, условно говоря, реестр дисциплин школьного и различных форм последующего образования, включая высшее.

При этом я хотела бы подчеркнуть, что введение в образовательный процесс новой общенаучной дисциплины происходило не просто директивным образом. Оно было обусловлено, в первую очередь, определенными идеологическими, индивидуально-личностными, социокультурными, но отнюдь не собственно научными факторами³. Более того, я полагаю, что *инициаторы введения нового кандидатского экзамена* не предполагали, что они не просто меняют кандидатский экзамен, но вводят новую общенаучную дисциплину, способствующую формированию нового синкретизма, в основании которого вновь, как и в осевое время, оказывается философия.

Сложившееся положение дел как раз и поставило как перед философами, так и представителями всех других дисциплин дополнительные задачи по исследованию:

- философии науки как таковой, общей для всех научных специальностей;
- философских проблем конкретных областей научного знания, включая философские проблемы математики,

естествознания, техники и технических наук, социально-гуманитарных и военных наук.

Новая общенаучная дисциплина явным образом включает в себя две отдельные, но взаимосвязанные части: историю науки и философию науки. В результате оказывается, что принятое управленческое решение, внешне сформулированное лишь по отношению к кандидатскому экзамену, ставит перед современными философами и специалистами в конкретных областях естественнонаучного и гуманитарного знания задачу: показать единство в их различии между философией и конкретными областями научного знания. При этом речь идет о философии в контексте современных теоретико-методологических и теоретико-познавательных установок.

В соответствии с принятыми документами⁴, аспиранты, должны писать рефераты по истории своей научной дисциплины. Выбранная тема должна соответствовать теме диссертационного исследования. В то же время эта тема фактически встроена в общую дисциплину «История и философия науки». В силу этого в текстах рефератов должен быть, во-первых, представлен философско-методологический уровень исследования, во-вторых, перед специалистами в самых разных областях научного знания возникает вполне определенная задача: находить междисциплинарные связи с философией.

Оказывается, что директивное решение, реализация которого носит инструктивный характер, затрагивает глубинные онтологические и гносеологические проблемы взаимоотношений между философией и всеми другими областями знания. В то же время они на каком-то новом уровне проявляются и в организационной сфере, затрагивая всю систему подготовки специалистов высшей квалификации, весь профессорско-преподавательский состав, вовлеченный в подготовку аспирантов.

Управленческое решение по созданию новой дисциплины повлекло за собой множество других управленческих решений. В частности, появилась необходимость в обучении специалистов, которые должны представлять новую общенаучную дисциплину. Кроме того, возникла насущная потребность в подготовке соответствующей учебной литературы.

Непосредственно для реализации моей методики наиболее важным оказался учебно-методический комплекс по философии науки, подготовленный под руководством Л.А. Мишеиной. При подготовке этого комплекса она, с одной сто-

роны, выступила в качестве автора, написавшего учебное пособие для работы в рамках новой дисциплины⁵, а с другой стороны — в качестве высокопрофессионального менеджера, объединившего для работы над хрестоматией по данному курсу⁶ огромный коллектив авторов, докторов философских наук, профессоров, кандидатов философских наук, доцентов. Это — представители кафедры философии МПГУ, философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Института философии РАН, различных вузов Москвы. В авторский коллектив по подготовке хрестоматии вошло 39 человек. Комплекс вышел под грифом «Рекомендовано Министерством образования и науки РФ в качестве учебного пособия для аспирантов гуманитарных и негуманитарных направлений и специальностей вузов России».

Хрестоматия, входящая в данный комплекс, в моих учебных занятиях стала важнейшим инструментом по реализации авторской методики экспертного анализа текста. Составители хрестоматии собрали под одной обложкой и представили для работы аспирантов фрагменты текстов философов и методологов науки, предварив их биографическими справками, раскрывающими основные характеристики важнейших философско-методологических идей за многовековую историю существования философской мысли. Выбор авторов определялся их причастностью к проблемам эпистемологии, философии науки, философским проблемам конкретных наук. Авторам хрестоматии удалось хорошо сочетать между собой исторические и логические методы изложения материала. Сама проблематика истории и философии науки стала обозримой для молодых ученых, готовящихся к сдаче кандидатского минимума.

В структуру хрестоматии по Философии науки включены основные разделы, соответствующие позициям и требованиям Программы ГОС. Это — Философия науки: социологические и методологические аспекты; Общая методология науки: методология исследования в естественных науках, социальные и гуманитарные науки и др. Уже сама хрестоматия демонстрирует возможности формирования нового синкретизма и в определенном смысле является его воплощением.

В хрестоматию включены фрагменты текстов из трудов философов и методологов науки разных стран и периодов истории, включая современных отечественных философов и методологов науки. В ней представлено 155 имен авторов текстов, фрагменты которых вошли в хрестоматию от Античности до

современности. Каждый текст сопровождается вступительной статьей. Авторы, включенные в хрестоматию, наиболее полно представляют комплекс проблем по философии и методологии науки. Тексты хрестоматии позволяют последовательно изучать не только ту часть курса, которая называется «Философия науки», но и целостный курс «История и философия науки».

В хрестоматию вошли тексты наших современных российских философов: Л.Б. Баженова, П.П. Гайденко, А.Я. Гуревича, В.А. Лекторского, Е.А. Мамчур, Н.В. Мотрошиловой, А.П. Огурцова, Т.И. Ойзермана, М.А. Розова, В.Н. Садовского и других авторов. Можно выразить только сожаление, что непосредственно в хрестоматийных текстах не представлено имя самой Л.А. Микешиной как одного из крупнейших современных российских философов и выразить надежду, что это досадное недоразумение будет исправлено при переизданиях хрестоматии.

Практика введения нового экзамена показала, что отнюдь не все последствия принятых решений были заранее просчитаны. В то же время новый кандидатский экзамен сдавался/принимался уже три раза: в 2006, 2007 и 2008 годах. В силу этого можно уже говорить о некоторых результатах реализации принятого решения.

Мне представляется, что это, исходно не просчитанное по своим последствиям управленческое решение, уже дает некоторые интересные результаты в междисциплинарном пространстве взаимодействия между философией и конкретными научными дисциплинами, создавая, в конечном счете, дополнительные внешние условия для формирования нового синкретизма.

Некоторые результаты могут оценить те аспиранты, которым пришлось готовиться к новому экзамену, а затем сдавать его. Я хотела бы привести ряд отзывов аспирантов, работавших в курсе «История и философия науки»⁷. Эти отзывы были написаны аспирантами психологического факультета МГУ им. Ломоносова по моей просьбе после сдачи кандидатского экзамена. Я получила эти отзывы по электронной почте все сразу и без подписей внутри отдельных фрагментов. В этом смысле, думаю, была проведена вполне независимая экспертная оценка того, что дала им работа в курсе.

В отзывах содержатся размышления аспирантов по поводу как самого курса «История и философия науки», так и методики ведения занятий. В связи с этим, прежде чем предста-

вить отзывы аспирантов, сохраняя их стиль и манеру изложения, я хочу сделать несколько уточнений.

Поскольку в отзывах анализ особенностей курса вплетен в анализ методики проведения занятий, я представлю краткое изложение основных идей этой методики⁸. Эта методика стала основой моей работы со студентами. Затем я перенесла ее на работу с аспирантами. В отзывах аспирантов говорится о том, что целесообразно начинать работать по данной методике уже со студенческих лет.

Основные идеи методики экспертных групп могут быть представлены следующим образом. Работа в рамках экспертных групп ориентирована на формирование у людей, работающих в курсе:

- способности к управлению своей собственной интеллектуальной деятельностью, способности к критическому мышлению, которое проявляется не только в рамках изучаемой дисциплины, но и в профессиональной сфере;
- вкуса к самостоятельной работе с источниками;
- умения осуществлять экспертную работу, направленную на анализ текста;
- интереса к гуманитарным технологиям и к философии, в рамках которой эти технологии формируются.

Данные идеи поддерживаются системой организационных и этических правил, которые являются необходимой предпосылкой и условием работы правил организационных.

Этические правила:

1. В период работы семинара учебная группа — это единый субъект. Если в группе звучат какие-то ошибки, то они являются ошибками группы.

2. Если какой-то член группы допускает ошибку, а другой ее исправляет, то он, условно говоря, не подставляет подножку товарищу, а помогает общему росту группы.

3. Анализ работы друг друга помогает росту коллективного субъекта и каждого отдельного индивида.

4. Критические суждения должны носить толерантный характер, высказываться в форме критических размышлений и диалога.

5. Если эксперт по каким-то причинам не может присутствовать на семинаре, он должен передать свою работу кому-то другому в группе.

Организационные правила работы:

1. Экспертные группы формируются аспирантами в результате самостоятельного выбора.

2. При отсутствии в группе желающих работать экспертами эксперты *назначаются* преподавателем. (В обычной практике перед преподавателем стоит задача выбора среди тех, кто хочет работать экспертами.)

3. Экспертная группа состоит минимум из двух человек (иначе это не группа), максимум — четырех (в случае если в группе больше четырех экспертов, она оказывается не способной к самоорганизации, к самоуправлению).

4. Схема задания (анализ конкретного текста) у группы и экспертов одна и та же, но, конечно же, эксперт традиционно готовит больше материала по своей теме.

5. Накануне семинара эксперты собираются и обсуждают стратегию и тактику своего поведения на семинаре (кто и в какой последовательности задает вопросы, кто и когда комментирует ответы).

6. Семинар проходит в форме своеобразной игры-тренинга, где каждый, включая главного эксперта (преподавателя), имеет право задавать вопросы. Звучащие вопросы формируют ритм и направление работы. Такое положение дел не случайно, ведь еще Сократ определил: вопрос ведет за собой своих слушателей.

7. Эксперт имеет право на своеобразную вставку по своей теме, но она не может быть рассчитана больше, чем на три — пять минут. Затем он формулирует для группы вопросы по конкретной теме, по конкретному тексту. Вопросы заранее в письменной форме готовятся дома. В случае, если эксперт не принимает ответ, прозвучавший из группы, он не должен сразу же исправлять отвечающего. Эксперт подводит промежуточные итоги рассмотрения вопроса лишь после того, как в группе прозвучат несколько вариантов ответов и группа в целом будет готова к подведению итогов.

8. В конце семинара подводятся общие итоги работы: группа оценивает работу экспертов, эксперты — работу группы. Такое достаточно объективное и строгое подведение итогов становится возможным, как уже отмечалось, на базе введенных этических правил работы. Критика рассматривается в качестве инструмента развития интеллектуальных возможностей индивидов и группы в целом.

9. В рамках практических занятий обсуждаются конкретные тексты, соответствующие теме практического занятия.

10. Аспиранты должны завести специальную папку, в которую они в процессе изучения курса вкладывают так называемые листы описания текстов. В конце работы семинара отдельные листы описания превращаются в аналитический отчет по курсу «История и философия науки».

11. Аналитические отчеты готовятся на листах А4. Каждый лист делится на четыре колонки, в которых должны быть следующие рубрики:

Список основных понятий, представленных в тексте, и их важнейшие характеристики	Вопросы к тексту	Размышления и комментарии	Возможные ассоциации и аналогии, связанные с темой диссертационного исследования
---	------------------	---------------------------	--

Фактически в отчетах участников семинара должны совпасть тексты лишь первой колонки. В остальных разделах аналитического отчета проявляются индивидуальные особенности авторов отчетов.

Лекции и практические занятия не дублируют, а взаимно дополняют и развивают друг друга. Метод экспертных групп в курсе «История и философия науки» *практически ориентирован* в том смысле, что аспиранты приобретают не просто соответствующие философские знания, но и аналитические навыки, которые затем используются ими при анализе текстов, принадлежащих к области их собственной научно-исследовательской работы. В основе методики экспертных групп лежит командный принцип работы и в то же время личная ответственность каждого человека, работающего в курсе, за результаты усвоения, понимания и представления своей работы.

А теперь — слово аспирантам. Свои отзывы они по привычке назвали отчетами.

***Аспиранты факультета психологии МГУ
о методе экспертных групп в контексте курса
«История и философия науки» (2006 – 2007)***

Отчет № 1

О способе работы с текстами

Положительным моментом мне кажется то, что акцент сделан не на объеме изучаемого материала, не на охвате основных работ автора и т.д., а именно на качестве прочтения. Это помогает сформировать представление об авторе через понимание его текста, а не через получение большого количества информации о нем.

Кроме того, такая форма занятий позволяет упражняться в философствовании. До занятий по курсу ФН⁹ у меня не было такой возможности.

Происходит вовлечение участников в процесс философствования. Предусмотрено некоторое разнообразие ролей: рядовой

участник, эксперт. Этим новая форма занятий отличается от обычного семинара. Эксперт — важная роль, *предполагающая проблематизацию и управление коллективным процессом мышления*. Такая ситуация хорошо высвечивает зону ближайшего развития для эксперта: насколько хорошо он умеет ставить вопросы? Насколько последовательно может искать на них ответы? Насколько эффективно подводить итоги? На эти и другие вопросы, как правило, легко ответить, побывав хотя бы раз в роли эксперта.

О моей работе

Что касается моей диссертационной работы, семинары по философии науки помогли мне осознать, образно выражаясь, место на топографической карте научных дисциплин, школ, направлений, парадигм и пр., куда должна встроиться моя работа.

Отчет № 2

Мое мнение об эффективности такого метода преподавания

Заданная форма работы (аналитические отчеты по тексту с выделением вопросов к тексту, основных понятий, собственных комментариев, а также отнесенности текста к теме диссертационного исследования) *позволила читать тексты не в «ученическом» порядке, а зачастую полемизируя с автором*. Вопросы к тексту помогали наиболее четко вычленивать ведущие мысли текстов и резюмировать основное их содержание. Отдельная графа «связь с диссертационным исследованием» позволяла подчас под новым углом зрения взглянуть на проблему как диссертации, так и философской мысли. Так, аналитические отчеты хорошо структурировали текст и позволяли более продуктивно резюмировать его основные мысли. Кроме того, форма «домашней заготовки» вела к более живым и захватывающим дискуссиям: на семинарских занятиях уже не просто «пересказывался» текст, а находились новые связи, дискуссионные и неоднозначные моменты, противоречия в текстах и т.п.

***Мое мнение о пользе курса и такого метода изучения текстов
в работе над диссертационным исследованием***

Прямо переносить такой способ изучения текстов в работу над диссертационным исследованием я пока не готова, но само структурирование информации по определенным критериям, безусловно, является одним из важных способов работы с текстами. Аналитические отчеты во многом «подстегнули» меня к тому, чтобы даже в художественной литературе находить связи с диссертационным исследованием. У меня не было особых трудностей с методами работы с литературой и до ФН, но мне кажется, это хорошая система работы и ее надо внедрять еще до аспирантуры, по-

скольку к диссертационному исследованию мы приступаем, когда во многом тем или иным путем мы уже нашли способы научной работы, наиболее приемлемые для себя, в то время как в студенчестве это очень помогает не интуитивно и стихийно, а планомерно научиться структурировать информацию и мыслить критически и аналитически.

Мое мнение о навыках работы с текстами и роли текстов в профессиональной деятельности вообще

Мне кажется, навыки работы с текстами – неотъемлемая часть умения писать любую научную работу, начиная с курсовых и заканчивая монографиями. Специальное обучение, по-моему, не лишнее не только для аспирантов, но и для студентов. Это очень важный шаг в подготовке высококвалифицированных психологов, и чем раньше студент начнет подходить к тексту как к «сырью для анализа», чем лучше он сможет структурировать его, анализировать содержание (то, что на поверхности, и то, что между строк). Чем раньше он сможет отделять существенные моменты от несущественных, тем продуктивнее будет его деятельность (в науке и не только). В целом процесс обучения в университете дает достаточно стимулов для развития настоящего системного мышления, однако часто это происходит скорее в интуитивно-подражательной форме, нежели в рамках специального обучающего процесса. А между тем организация такого процесса могла бы быть не лишней. Однако очень важно сделать такую работу собственно обучением навыкам системного мышления, а не свести ее к чистой формальности.

Отчет № 3

На мой взгляд, особое преимущество аспирантского курса «История и философия науки» заключается в «расхождении» материала лекций и семинарских занятий. Думаю, этот подход должен все-таки реализоваться уже в студенчестве. *Ведь цель университетского образования – не заучить что-либо, а расширить кругозор, научиться мыслить, анализировать, формировать свою точку зрения на проблему на основе анализа некоего материала.*

Предлагаемая на семинарах работа с текстами показалась мне необыкновенно продуктивной. Во-первых, необходимость не просто прочитать, а осмыслить и проанализировать текст хорошо структурирует и организует рассеянных, забывчивых и разбрасывающихся людей (как я). Во-вторых, роли (эксперт, «старший эксперт» – преподаватель и дискутирующие участники обсуждения) позволили очень динамично, разносторонне работать с материалом семинаров и по-новому общаться с сокурсниками. В-

третьих, эти роли пробуждают честолюбие, ответственность за свои слова, гордость и желание «блеснуть мыслью» (успешность этого блеска, конечно, вопрос открытый). Таким образом, они оказывают *особое мотивационное воздействие* на участников практических занятий.

Очень важной для меня была возможность дискутировать, философствовать и о чем-то спорить. Это помогло мне более строго относиться к своим словам и словам других, научило четко различать свою позицию и предлагаемую (навязываемую) и т.д.

Сам материал помог расширить кругозор и составить непосредственное впечатление о мыслителях, авторах.

В плане диссертационного исследования семинары способствовали пониманию развития научных идей, их преемственности, динамики и трансформации. В целом используемый мною ранее способ работы с текстами давал мне достаточно материала; наиболее ценным было для меня расширение «зоны поиска» материала и переосмысление науки, развития научных идей, роли фундаментальных и прикладных исследований.

Еще раз повторю: на мой взгляд, эта система преподавания должна активнее использоваться еще в студенческих курсах.

Отчет № 4

Немного о самом курсе

Мне кажется, этот новый курс принес гораздо больше пользы, чем курс философии. Для научных исследований гораздо важнее знать эту область философии, поскольку какие-то направления, особенно современные, становятся более понятными – их корни, причины возникновения и объяснительная сила, какая методология может быть применена в моей собственной работе, а какая – нет. Ну и вообще многие идеи раскрываются с новой стороны.

О моей работе

Мне очень помогло также написание реферата. Работа вышла на другой уровень понимания происходящего в реальности процесса, опять-таки стало понятным общее направление развития искусства, что объяснило некие перемены в самом искусстве (для меня важнее именно стихотворное искусство). Появилось некоторое объяснение наблюдаемых изменений. К тому же курс позволил выйти на более обобщенный уровень конкретно в моей работе и посмотреть на все с другого ракурса (так называемая позиция вненаходимости).

Я считаю, что курс будет наиболее адекватен для аспирантов, если они сами смогут оценить эту пользу, а не просто прослушают его и сдадут экзамен.

О самом методе

Скажу сразу, что для меня он был непривычен, поэтому сначала мое отношение к нему было необъективным. Нас не учили по-настоящему работать с текстом, да и вопросы к самому тексту раньше возникали редко. Так сложилось в ходе обучения, что при чтении текста все кажется понятным, в таком случае задать настоящий вопрос к тексту — сложно. Спрашивать что-то банальное не хочется.

Данный метод прекрасен тем, что позволяет наконец-то научиться ставить вопросы к тексту, и тогда ты начинаешь более глубоко его прорабатывать, не просто читать написанное, а понимать. Начинать учить такой работе с текстом нужно как можно раньше. Переучиваться в аспирантуре после пяти лет обучения очень сложно, это было моей большой трудностью при выполнении заданий.

Также с самого начала было очень сложно понять, какого рода вопросы должны входить в выполнение задания: вопросы, ответы на которые нельзя найти именно в этом тексте (потом оказалось, что не они), или вопросы, ответы на которые присутствуют в самом тексте, но не всегда лежат на поверхности, а может быть и напрямую написаны. Для меня лично важны были и вопросы, выходящие за пределы текста, поскольку они заставляли задуматься, гораздо глубже проникнуть в текст и прожить в какой-то мере весь текст, связать вместе несколько авторов, выйти за пределы только конкретного текста. Понимание отрывка возможно лишь в контексте, и мне кажется, такие вопросы (пусть и остающиеся без ответа) должны звучать на занятиях (иногда важнее поставить вопрос, чем получить сразу на него ответ).

Я не буду комментировать эти позиции аспирантов. Замечу лишь следующее. Новая общенаучная дисциплина «История и философия науки» уже на уровне аспирантов позволяет задать новое видение своей научной проблематики. Перефразируя один из ответов, полученных от аспирантов, хотела бы отметить следующий факт. Курс «История и философия науки» позволяет создать некий целостный образ топографической карты научных дисциплин. Но чтобы такой целостный образ появился, необходимо новое видение целостности. А это, в свою очередь, предполагает переход на метауровень обозрения, заданный общим философско-методологическим видением всей топографической карты научных дисциплин. Именно такой результат и свидетельствует, на мой взгляд, о том, что формируется своеобразная новая форма синкретизма между философией и множеством специальных дисциплин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кант И. Логика // Кант И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. — М., 1994. — С. 282.
- ² Проблемы принятия решений в системе образования исследуются в рамках научно-исследовательского проекта МГУ имени М.В. Ломоносова по теме: «Формы и уровни принятия решений в системах профессионального образования и науки (в условиях формирования экономики, основанной на знаниях)». Проект стал победителем конкурса на проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров (НОЦ) в области философских наук, социологических наук и культурологии. Этот конкурс проходил в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 — 2013 годы. Ядром коллектива исполнителей проекта стал Научно-образовательный центр (НОЦ) «Философско-методологическое проектирование и принятие решений» философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (научный руководитель центра проф. Г.В. Сорина). Работа проводится при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям. Государственный контракт № 02.740.11.0366.
- ³ См. подробнее: *Степин В.С.* Кандидатский минимум по философии: история и суть вопроса // Вестник Российского философского общества. 2002. № 3. — С. 59 — 64.
- ⁴ Решение о введении новой общенаучной дисциплины было утверждено специальным постановлением Правительства РФ. После этого были подготовлены программы кандидатских экзаменов по новой дисциплине. Затем программы были рассмотрены и утверждены сначала в профильных учебно-методических объединениях (УМО), потом их официально одобрил президиум Высшей аттестационной комиссии Минобразования и науки РФ, наконец, в 2004 г. они были утверждены специальным Приказом Минобразования и науки РФ.
- ⁵ *Микешина Л.А.* Философия науки: Учебн. пособие. — М., 2006.
- ⁶ Философия науки: Хрестоматия. Эпистемология. Методология. Культура. — М., 2006.
- ⁷ В данной статье речь идет о курсе для аспирантов гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова. Поточные лекции читаются для аспирантов всех гуманитарных факультетов (курс читают профессор и доценты кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ, философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова). Семинарские занятия проводятся отдельно на каждом факультете для соответствующих групп аспирантов. Лекции и семинары носят взаимодополнительный характер.
- ⁸ Более подробно см.: *Сорина Г.В.* Критическое мышление и метод экспертных групп // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. III. № 1. — С. 194 — 204.
- ⁹ При помощи такой аббревиатуры в своих отчетах аспиранты обозначали курс «История и философия науки».

ФИЛОСОФИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ ИННОВАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Проблема технологического представления философских инноваций в современном образовательном процессе может быть раскрыта в двух планах. Во-первых, как способы мировоззренческого обоснования нововведений в современном образовании вообще. Во-вторых, и это представляется более плодотворным, – как возможность технологически-инновационного рассмотрения, как философии, так и ее преподавания. Такой взгляд, при всей громоздкости формулировки, сопрягает такие концепты, и в такой смысловой комплекс, что невозможно обойтись поверхностным, скользящим рассмотрением. Пересечение понятий «философия», «образование», «технология» и «инновации» находится где-то на очень глубоком уровне содержания каждого из них. И без достижения этого уровня невозможно нащупать их общую ткань.

Технологическое видение любой проблемы весьма полезно хотя бы тем, что в этом случае возникают вполне конкретные вопросы: что именно, каким образом, где, когда, кто... Особенно уместным представляется «технологический» подход к философии. В этом случае как-то сами собой возникают вопросы о природе философии, понимании ее сущности и форм социального проявления этой сущности, репродукции и трансляции – вплоть до ее востребованности.

Философия как технология

На первый взгляд, технологический подход к философии выглядит странно и даже неуместно. Какая может быть технология у мировоззрения и миропонимания? Более того, философия – феномен европейской культуры, результат «встречи Иерусалима и Афин» – иудео-христианского монотеизма с греческим рационализмом, выражающийся в рациональной рефлексии осмысления мира в его целостности, места человека в этой целостности. Восточные культуры собственно философии не знали. Даосизм, йога, буддизм и проч., прежде всего – духовный опыт, обретаемый в результате конкретных практик, в том числе телесных. Вот где уместен реальный и конкретный технологический подход!

Между тем, философия, и именно в своей европейской традиции, всерьез и по большому счету – не что иное, как технология. Со времен античных софистов и Сократа она предстает именно как технология рационального, ориентированного на публичное позиционирование способа осмысления действительности, общества, человека и его места в этом мире и обществе. Что, как не технология, – ирония и майевтика Сократа, учение о методе Декарта, феноменология Гуссерля, деконструкция Дерриды?

При этом важно помнить, что живая философская мысль возникает и живет отнюдь не исключительно на кафедрах вузов и в тиши академических кабинетов. Не секрет, что в отечественной мысли давно уже сложилась традиция «нефилософской философии». Характерно, что такие глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А.А. Любищев, Б.Ф. Поршнев, С.С. Хоружий, В.Б. Шкловский – не профессиональные философы, хотя и являются таковыми по самому «гамбургскому счету». Их философствование, осуществлявшееся и осуществляемое за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу, входит в ткань духовной жизни общества, определяя и содержание концептуализаций профессиональных философов.

Такая тенденция характерна для российской философской культуры вообще. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры – П.Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, В.В. Розанов, Вяч. Иванов, П.А. Флоренский, П. Савицкий и др. – не были философами ни по специальной подготовке, ни по официальному статусу и роду занятий. В. Соловьев был отстранен от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой?

Можно сказать, что типологической закономерностью развития российской философии оказывается философская канонизация нефилософского философствования. Психологи Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев оказали решающее влияние на формирование деятельностного подхода в отечественной философии. Ныне живущие в Германии, но с очевидностью яркие русские мыслители Б.Е. Гройс и И.С. Смирнов – изначально но матлингвист и филолог соответственно. По словам студен-

тов и выпускников философского факультета Санкт-Петербургского госуниверситета последних лет, их самое яркое философское впечатление за время учебы – спецкурс Н.А. Шанина, одного из создателей конструктивистской школы основной математики.

Но эта же тенденция характерна и для мировой философской культуры. От философии Возрождения и Нового времени до наших дней в динамике философской мысли нередко ключевую роль играли отнюдь не профессиональные философы и сама эта динамика зачастую реализовалась на основе противопоставления и противостояния философии как таковой. Ф. Бэкон, позитивизм, З. Фрейд, Ж. Деррида – только первые пришедшие на ум фигуры и направления. А. Эйнштейн и Н. Бор, А. Пуанкаре и В. Гейзенберг – яркие, ключевые фигуры в философской мысли XX столетия, их интуиции дали богатую пищу для ума не одного поколения профессиональных философов. Живое философствование всегда получало и получает мощный импульс развития из-за пределов собственно философской культуры.

Таким образом, есть живое философствование, и есть академическая философия. Есть собственно философы – те, кто философствует, и есть преподаватели философии, делящиеся радостью узнавания чужого философствования. Парадокс заключается в том, что профессиональной философией считается второе, тогда как первично и существенно первое, а реализовываться оно – философствование – может где угодно, в каком угодно жизненном материале, а отнюдь не только в учебных аудиториях или на профессиональных философских конференциях¹.

Философствование реализуется практически во всех сферах жизнедеятельности. Но как тогда отличить его от чего-то иного? Существует ли какая-то специфически философская тематика осмысления, форма мышления, язык, поступки, образ жизни?

В этой связи представляется плодотворным и оправданным взять за точку отсчета «технологическое» представление о философии как о том, чем занимаются философы, а точнее – философствующие, люди, идентифицирующие себя как философы. Философия предстает не как вид знания, а как социально организованная и социально значимая деятельность. Она может иметь свои цели и ценности (предмет деятельности) и

реализуется по определенным правилам как любая нормативно-ценностная система культуры со своей системой формальной и неформальной коммуникации, выдвижением лидеров, вербовкой и подготовкой учеников и т.д.²

Точнее говоря, с таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, подобных «семействам языковых игр» Л. Витгенштейна. Эти отношения и связи напоминают плетеную (типа кольчуги) или войлочную структуру. Философские концепции и способы философствования относятся друг к другу не как род и вид. Они образуют сложные цепочки и плетения, в которых каждое из звеньев пересекается с близлежащими, цепляется за них, но при этом может не иметь никаких непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без опосредующей роли феноменологии практически невозможен. Поэтому очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга – ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вместе, в своей целостности они образуют прочную и всюду плотную ткань философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности.

При всем разнообразии своих форм философия – на редкость целостная нормативно-ценностная система культуры, если только понятие целостности применимо к универсуму вообще, к полноте мира и жизни человека. Действительно, философия – универсальное, предельное, если не запредельное осмысление. Выражается это в характере ее традиционных вопросов. Будучи мировоззрением и миропониманием, если не мироощущением, любая философия – как осмысление мира, человека и его места в мире – связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих» вопросов: Какова природа действительности? Что представляет собой реальность самой реальности? Что такое человек? Что происходит в момент смерти? Почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? В чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный

мир. И человек — как конечное существо — всегда делает это с какой-то точки зрения, с какой-то позиции, в каком-то смысле. Из этого следует, что философия в принципе не является и не может быть наукой в самом точном смысле этого термина — в смысле science. И это несмотря на самые наукообразные и рациональные формы возможного философского осмысления. В своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще, который может быть найден только с позиций «не от мира сего». Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Из трансцендентности философствования следует ряд принципиальных обстоятельств, характеризующих любое его проявление.

Во-первых, философия оказывается индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Будучи предельным осмыслением, она есть свобода выбора идеала, реализующаяся как поиск, нахождение и утверждение человеком самого себя — конечного существа — в бесконечном мире. Философствование дает человеку смысло-жизненное оправдание — таков «социальный заказ». Всякая философия, так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни — обстоятельство очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование, как самоопределение, в конечном счете, есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это — во-вторых. Сколь бы ни стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле, его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии» — как говорил М.М. Бахтин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии.

В-третьих, в силу первого и второго, философствование должно располагать богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Ф.М. Достоевский говорил, что «ум — подлец, потому как виляет» — ищет и находит объяс-

нения и оправдания происходящему. В этом плане философский ум — самый «подлый», так как по самой своей природе занят объяснениями и оправданиями мира в целом, фактически — чего угодно. Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле, как универсальное, предельное самоопределение, философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным — как само это бытие — способом реализации свободы самоопределения.

Но тогда — как реализуется технология философствования? Имеется ли универсальная форма выражения предельного осмысления? Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным каноном — идеал, к которому стремится практически каждое учение. Достижим ли он и насколько он соответствует реальному бытованию философствования?

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в поговорках — пословицах, поговорках, инвективах и т.п. — даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе — на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанского»; «езде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет» и т.п. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот — укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В.В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается

целостность «паремиологического» философствования? Его «противоречивая полнота» есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития — личная биография мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой «паремиологического» философствования являются дневниковые записи³.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма), могут разрастаться в назидания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как скажем, в творчестве Платона, Унамуно, Достоевского, Толстого, могут иметь самостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

Общей чертой паремиологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, К. Вольфа. Различия — в степени упорядоченности. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором.

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Декарта и Спинозы до Фихте и Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и

несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Хотя уже на примере этих форм выражения, так сказать, «левополушарного», словесного философствования видно богатство философской палитры. И опыт показывает, что существует и «правополушарное» философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию иконическими знаками. Причем характер используемых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений и даже склонность к вполне определенным фигурам (или треугольникам, или кругам, или прямоугольникам, или стрелкам и т.д.) — способен многое сказать о способе и стиле философствования.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, в поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму.

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья. Она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения, самосознание, самообъяснение и самооправдание. Поэтому вряд ли обоснованы претензии какого-то одного способа философ-

ствования на исключительность и общезначимость. К такому выводу приводит рассмотрение даже чисто внешних форм бытования философии. Что же говорить о разнообразии философствования, если включить в поле зрения концептуальное разнообразие его технологий?!

Философия и инновации

Философия не только технологична, но и инновационна по самой своей природе. Во-первых, и прежде всего, она инновационна в том смысле, что необходимость в философствовании возникает в кризисной ситуации, в ситуации смыслового сдвига, поиска новых оснований. Это относится не только к отдельно взятой личности, но и к социуму, к конкретным научным дисциплинам, к художественному творчеству. Например, философские проблемы математики, естествознания, социологии и т.п. возникают, когда установившиеся парадигмы, дисциплинарные матрицы сталкиваются с противоречиями, когда необходим поиск новых оснований, выводящий в лиминальную фазу.

Ситуация та же, что и со смыслом жизни. В самой жизни смысла нет, но есть проблема смысла жизни, возникающая в кризисной, «пограничной ситуации»: утраты близкого человека, личностной трагедии, профессионального краха, неизлечимого диагноза, когда жизнь ломает человека через колено и он начинает задумываться — зачем жить дальше. Невозможно, да и незачем думать постоянно о смысле жизни. Наоборот, если человек задумался о нем — это верный признак того, что что-то серьезное в его жизни проблематично для него самого.

То же самое можно сказать и об обществе в целом. Интерес к философии, особо активный спрос на нее возникает в общественном сознании на изломе, «в трансфере», в эпоху радикальных перемен, когда утрачивается привычное, в чем-то уютное понимание действительности. Достаточно вспомнить отечественные: конец 1980-х — начало 1990-х, когда плодились философские клубы, семинары, публичные дискуссии, собиравшие сотни людей.

Философия инновационна тем, что открывает новые горизонты осмысления. Она не столько дает некое знание, сколько открывает новый путь к новому знанию. Она инновационна, поскольку формулирует новый метод осмысления, как инновационно было не только Декартово учение о методе или ана-

лиз языка, предложенный Л. Витгенштейном, но и любой серьезный мыслитель — не только в критике предшественников и в новой постановке (иногда традиционных) проблем, в формулировке нового языка, в описании и осмыслении действительности — объективной и субъективной.

Три последних столетия завершались беспощадной критикой философии (И. Кант, Ф. Ницше, Ж. Деррида). Каждый последующий начинался открытием новых методов и новых перспектив философии (Г.В.Ф. Гегель, Э. Гуссерль...). Думается, что и XXI век вряд ли станет исключением. Задача философии — не просто анализировать, осмыслять, но и расширять концептуальный аппарат, существующий язык, синтезируя новые слова и понятия. Творчество мыслителя всегда стремится принять форму новых слов, открывающих новые предметные и смысловые значения, конструируя новый мир, переформируя старый, творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы. Каждый оригинальный мыслитель вводит такие семантические поля с помощью новых слов или наполняя новым смыслом старые. «Идея» Платона, «вещь-в-себе» И. Канта, «диалектика» и «снятие» Г.В.Ф. Гегеля, «позитивизм» О. Конта, «сверхчеловек» Ф. Ницше, «интенциональность» Э. Гуссерля, «Dasein» М. Хайдеггера, «différance» Ж. Деррида... — в таких терминах интегрируется новая система мышления, конденсируя радикальный инновационный сдвиг в понимании⁴.

Инновационна философия и в силу отмеченного выше ее принципиально личностного характера. Наконец, философствование — это всегда «технология» приспособления мира с целью придания собственному существованию осмысленного характера, в конечном счете — оправдания собственного бытия. Она всегда — презентация личности, ее самопознания и самоопределения. И, как, например, показала реализация первой части моего проекта «Опыт персонологической систематизации», такая попытка рефлексии над собственным обыденным опытом и презентация такой рефлексии не всегда оказываются приятными для современников, вызывая определенный нравственный дискомфорт⁵.

Успешная концептуальная инновация в философии зачастую предполагает буквальную инновационность в плане технологии продвижения новых идей. Это связано с созданием устойчивого сообщества единомышленников, с привлечением

общественного внимания, иногда с судьбой философа, с эпатажностью поведения его самого и учеников. Фактически речь идет о чаще бессознательном, стихийном, а иногда и рассчитанном использовании технологий маркетинга и PR.

Инновационность философского образования

Инновации инновациям рознь. Инновация всегда соотносится с конкретным опытом. Для кого-то это новое, а для кого-то уже ставшая рутинной обыденность. Например, что может быть инновационного в образовании, задача которого дать жизненную и профессиональную компетентность, способность решать соответствующие задачи, научить и вышколить, научить воспроизводить уже кем-то освоенное. Однако для ученика, студента это усвоение всегда и каждый раз инновационно, потому что его жизненная и личностная компетентность переживает вызов, испытание способности освоить нечто новое, непривычное — для данной личности. Вне такой социальной репродуктивности в сочетании с личностной инновационностью образование просто невозможно.

Более того, есть разные виды инновационности — в зависимости от степени «новизны». Так, научить творчеству, открытию принципиально нового — невозможно. Природа этого дара или проклятия неясна и непонятна. Творчество и гениальность — не от технического мастерства и даже не от способности воплотить замысел. Это результат некоего откровения, когда личности открывается новая гармония целостности мира, а ему только остается как-то выразить эту гармонию — в красках, нотах, математических формулах, собственных поступках...

Но есть новизна другого уровня. Не говорите, что я не создал ничего нового, если я иначе скомпоновал хорошо известное старое, писал Паскаль. Новое, «креативное» решение предполагает выявление нового контекста осмысления. В.Б. Шкловский называл эту «технологию» остранением: представлением хорошо известного странным, необычным. Есть специальные приемы такого остранения, которым можно и необходимо учить. Это важно при решении математических задач⁶, в художественном и научном творчестве⁷, в социальных технологиях⁸.

Что до преподавания философии, то здесь нет пределов инновационности. Некоторые преподаватели логики на философском факультете дают практические задания по теме «Оп-

ределение» в форме кроссвордов. Финский философ и логик Э. Сааринен взял в руки гитару, записал несколько дисков песен и использует их на лекциях и семинарах, а то и поет живую на занятиях...

Дело не в форме. Например, много копий сломано вокруг тестов по философии. Тесты, как средство контроля и самоконтроля, важны и полезны, особенно в нормативных дисциплинах, потому что тестирование предполагает наличие правильного ответа, знание которого предполагается и у успешного ученика. Более того, составление программы теста предполагает нормативность знания у составителя этого теста.

Для философии же характерно не столько знание ответов, сколько постановка вопросов, потому что она — как технология (!) — есть постоянный выход за рамки нормативного, трансцендирование за его пределы.

С этим даже связана определенная парадоксальность философского образования. Любое образование по самой своей сути консервативно, ориентировано на репродукцию готовых стандартов знаний, умений, навыков. Оно «упаковывает» смыслы в некие готовые продукты, которые необходимо усвоить с помощью не менее стандартных процедур. А отсюда и своего рода инновационность в образовании — особая эвристичность шлифовки и подачи знания как готового продукта. Но если образование «упаковывает» смыслы, то сама суть философии в том, что она смыслы «распаковывает», выявляя новые и новые смысловые связи и отношения, раздвигая в этом «инновационном» процессе горизонты осмысления.

Поэтому, как представляется, главный вопрос в «технологии философских инноваций в современном образовательном процессе» — это не столько вопрос о том, «как» преподавать (и уж точно — не вопрос о каких-то нетривиальных приемах преподавания), сколько вопрос о «где» и «когда» преподавать философию.

По моему глубокому убеждению, преподавать философию (студентам нефилософских специальностей) в вузе не только бессмысленно, но и вредно. Ее место — в средней школе, когда подростки 13 — 15 лет живейшим образом впитывают «мудрые мысли», впервые и серьезно задумываются о смысле жизни. Не случайно специалисты по девиантному поведению давно зафиксировали статистически значимую суицидоопасность этого возраста. Вот тут-то как раз и нужен ответ на экзистенци-

альный запрос, но не в виде усвоения готовых мировоззренческих формул, а в виде честной постановки вопросов и, по мере возможности, с опытом ответов на них человеческой духовной истории. Иначе говоря, в виде живого философствования, очень важного именно в этом возрасте и очень уместного для самой философии хотя бы в силу ее отмечавшегося выше неизбежно личностного начала.

Такие попытки предпринимались и предпринимаются, и неоднократно. В США уже много лет реализуется школьная программа «Босоногий Сократ»⁹. Инициативной группой питейских философов (С.С. Гусев, В.А. Карпунин, Б.И. Липский, Е.М. Сергейчик, Г.Л. Тульчинский, Б.И. Федоров) был подготовлен учебник по философии для средней школы, и на его основе — учебно-методический комплекс, включающий хрестоматию, учебную программу, методические рекомендации¹⁰. При этом хрестоматия содержит не только фрагменты «профессиональных» философских текстов, но и притчи, фрагменты текстов из художественной классики, писем... Реализация проекта в ряде школ Санкт-Петербурга вызвала живейший интерес преподавателей обществоведения, но не нашла поддержки органов государственного управления народным образованием.

Между тем философский компонент в гуманитарном образовании важен именно для школьников, когда закладываются основы осознания себя свободной и ответственной личностью, занимающей свое место в обществе и государстве, обладающей собственной ценностью и значимостью. И познание человеком самого себя отнюдь не является далеким от жизни абстрактным теоретизированием, напротив, оно выражает практический подход к жизни, способствующий не только утверждению сложившейся в современном обществе системы ценностных ориентиров, но и обретению некоторых навыков самостоятельного осмысления важнейших жизненных вопросов.

Делать это в вузе, в возрасте «бури и натиска» освоения профессии, решения предельно практических вопросов личностного и профессионального самоутверждения, уже поздно. Поэтому преподавание философии в этом возрасте большей частью студентов воспринимается как отвлеченное теоретизирование на каком-то птичьей языке, странная дисциплина, по которой нужно почему-то сдавать экзамены, а после сдачи — поскорее забыть. Ничего, кроме дискредитации философии, это не вызывает. Наверное, такой подход был «оправдан» в ус-

ловиях идеологического нормативизма, когда «марксистско-ленинская философия» выступала транслятором конкретной идеологии, а то и откровенного программирования личности. И понятно, что от такой инерции, прежде всего, в организации учебного процесса, при наличии кафедр, штатных преподавателей, отойти трудно. Однако явочным порядком процесс перепрофилирования философских кафедр в технических вузах уже идет и идет активно. Где-то они становятся выпускающими по специальности «связи с общественностью», где-то — по конфликтологии... Более обоснованной представляется их специализация на методологии профессиональных дисциплин, базовых для вуза, а также на политической философии.

Но в обоих случаях — школы и вуза — необходимо учитывать «инновационную» особенность нашего времени. В силу ряда общецивилизационных факторов (формирование массового общества, переход от статусного к ролевому позиционированию личности, смещение акцента с сущего и должного на возможное, достижения медицины и генной инженерии, информационные технологии, превращение маркетинга в универсальную технологию социально-культурных нововведений и т.п.) активно формируется новая персонология, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже как серия проектов, автором которых выступает сама личность. В этой связи чрезвычайно важной становится и роль образования, которое не может ограничиваться только передачей совокупности дисциплинарных знаний и обучением стандартным навыкам. Оно должно не только учить элементам такого самоопределения и самопозиционирования личности, но и выступать площадкой реализации и продвижения личностных проектов.

Так что главная технология философской инновационности в образовании в наши дни видится именно в смещении сферы повышенного внимания на среднюю школу. И тогда возникает главный «инновационный» вопрос — «кто?». Готово ли философское профессиональное сообщество к такому развороту? Готово ли оно сменить технологию проявления своего профессионализма — к переходу от искусства самодовольного, но не востребованного обществом теоретизирования к искусству разговора всерьез с теми, кто ждет искреннего разговора по существу?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Тульчинский Г.Л. К живому философствованию // Философская и социологическая мысль. 1991. № 3. — С. 123 — 128. См. также: Энергия понимания. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — С. 199 — 205.
- ² См.: Тульчинский Г.Л. Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. (Философский век. Альманах. 17) — СПб.: Центр истории идей, 2001. — С. 28 — 58.
- ³ О скриптации бытия см. тематический номер журнала «Философские науки» (2008, № 8).
- ⁴ Подробнее см.: Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. — СПб.: Алетейя, 2003.
- ⁵ См.: Тульчинский Г.Л. Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. — СПб.: Алетейя, 2007.
- ⁶ См.: Пойя Д. Как решать задачу. — М.: Учпедгиз, 1959.
- ⁷ Родари Дж. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй. — М.: Прогресс, 1978.
- ⁸ Грин Э. Креативность в публичных речах. — СПб.: ИД «Нева», 2003.
- ⁹ См.: Юлина Н.С. Философия для детей. — М.: Канон+, 2005.
- ¹⁰ См.: Начала философии. Кн. 1. Учебник для старших классов общеобразовательных школ. — СПб.: Ивана Федорова, 2001. — 304 с.; Начала философии. Кн. 2. Методическое пособие. Программа и методические рекомендации. — СПб.: Ивана Федорова, 2001. — 176 с.; Начала философии. Кн. 3. Хрестоматия (для учащихся средней школы). — СПб.: Иван Федоров, 2001. — 352 с.

Новые технологии

ОПТИМИЗАЦИЯ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК УСЛОВИЕ РЕШЕНИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Б.И. ФЕДОРОВ

Процедура оптимизации

Во многом формированию целевой установки способствует применение логико-информационной процедуры *оптимизации*. С учетом выявленной информационной структуры текста, можно утверждать, что задача минимизации получаемой информации сводится либо к сворачиванию только новой, если ясна связь этой новой информации с ранее известной, либо к сокращению новой и ранее известной избыточной информации. Прежде чем ответить на вопрос — как это делается — остановимся еще на одном моменте. Любой осмысленный текст организован таким образом, что в нем присутствуют термины (слова или совокупности слов), несущие наиболее важную информацию, передающие основную мысль языкового сообщения. Такие термины принято называть *ключевыми*, а составленные из них фразы (фразы, в которые они входят) — *ключевыми* или *опорными* фразами (семантическими или смысловыми вехами).

Помните, какие приключения выпали на долю героев романа Ж. Верна «Дети капитана Гранта» из-за того, что найденные в бутылке тексты были повреждены и не сохранили именно тех сведений, которые позволили бы однозначно судить о месте крушения «Британии»? А какие жаркие дискуссии вспыхивают в научной среде по поводу трактовки того или иного термина, например, в античных текстах! Оказывается, что в данном случае мало просто дословного перевода, необходимо уловить те нюансы, которые были присущи и языку того времени, и особенностям языковых построений именно этого автора и т.д. В противном случае, как это нередко и бывает, происходит невольная подмена авторского замысла на его прочтение и истолкование в иных историко-культурных условиях, приписывание исходному тексту мыслей, суждений и выводов вовсе ему не присущих.

Если такие термины опустить или произвести их неправильную замену при создании, передаче и восприятии информации, то текст окажется существенно деформированным,

неясным, а то и вовсе утратит свой смысл. При этом стоит иметь в виду, что ключевые термины занимают разные позиции в текстах различного жанра. Замечено, что научные и технические тексты чаще всего строятся по принципу от общего к частному. Это означает, что самая важная информация расположена, как правило, либо в начале книги, главы, параграфа, абзаца, где даются формулировки базовых определений, основные тезисы и т.д., либо в конце указанных разделов, где подводятся итоги, даются выводы и обобщения. Остальная же часть текста посвящена разворачиванию содержания этих принципиальных положений в виде подборки аргументов, различных примеров, рисунков, схем, графиков, анализа иных точек зрения и т.д. Зная упомянутые особенности такого рода текстов, а также в зависимости от целей при их чтении, обработку информации можно организовать достаточно эффективно. Если Вас интересует суть авторской позиции или самые общие выводы, их следует искать в начале или конце главы, параграфа, абзаца. Если же Ваша цель в том, чтобы уяснить авторскую аргументацию, особенности позиций иных авторов, ищите их в середине текста.

Не менее важно и место, которое слова занимают в предложении. Рассмотрим две фразы: (А) — «*Полиция разогнала демонстрантов*» и (В) — «*Демонстранты были разогнаны полицией*». Допустим, что речь идет об одном и том же событии. Для неподготовленного обыденного сознания нет никакой разницы между этими фразами. Аналитик же сразу сделает вывод, что эти предложения из газет различной политической ориентации. Почему? — Во фразе (А) на первом месте стоит слово «полиция», а глагол «разогнала» сформулирован в активной форме. Связь этих двух слов призвана вызвать у читателя представление об агрессивных, насильственных действиях подчиненных правительству силовых структур. Эта фраза из оппозиционной прессы.

В предложении (В) на первом месте слово «демонстранты», акцент сделан именно на этом термине. Словосочетание «были разогнаны полицией» сформулировано так, что слово «полиция» стоит в конце фразы и в творительном падеже, а глагольная форма «были разогнаны» относится к слову «демонстранты». Все это далеко не случайно! Читателю внедряется мысль (не прямо, не в лоб, а подспудно, самим построением фразы), что это именно они, демонстранты, вынудили полицейских применить суровые, но необходимые для поддержания законного порядка меры. Понятно, что так оформленная мысль

могла быть напечатана только в проправительственной прессе. Анализ текстов, будь то речь известного политического деятеля, сообщение ученого, руководящие установки менеджера, комментарии журналиста или обыденный разговор может рассказать специалисту гораздо больше, чем буквальное восприятие терминов и фраз, произносимых или написанных. Таким образом, контекст, целевая установка и ключевые термины образуют в совокупности необходимые условия для порождения и адекватного восприятия соответствующей информации.

Способность *оптимизировать* информацию, т.е. выделить в ней самое главное с учетом контекста и целевой установки, которые в учебном процессе должны формироваться в первую очередь учителем, является одним из важнейших логико-информационных условий корректности школьного обучения, в значительной степени влияющих на повышение эффективности образовательного процесса. Развитие указанной способности связано с умением минимизировать, сокращать информацию, оставляя в ней лишь ключевые слова или выражения, составленные из ключевых слов, без которых смысл сокращаемого информационного фрагмента либо теряется полностью, либо существенно изменяется по сравнению с первоначальным.

В рамках учебного процесса, а также во всех тех случаях, когда мы не можем пренебречь содержательной стороной текста, наиболее эффективным оказывается следующий метод оптимизации. Остановимся на нем подробно, так как именно этот метод мы считаем наиболее перспективным при обучении учащихся приемам составления, например, самостоятельного «опорного» конспекта или «шпаргалки» по изучаемой учебной теме.

Рассмотрим **пример** оптимизации отдельной фразы: «*Белый пароход мягко причалил к старенькой пристани*».

Бесспорно, что любой знак в тексте несет какую-то информацию, однако предлоги и частицы будем рассматривать вместе с самостоятельными частями речи, в данном случае с третьей группой. Теперь последовательно рассмотрим каждое из полученных словосочетаний и выделим в них главный и дополнительный признаки. «Белый пароход» — легко видеть, что если опустить слово «пароход», то вся фраза окажется неясной, а если элиминировать термин «белый», то фраза «не испортится» (не утратит смысла). Значит, в этом сочетании термин «пароход» главный, ключевой, а его признак «белый» — дополнительный и может быть опущен. То же самое произой-

дет, если уберем слово «старенькой» и оставим только словосочетание «к пристани». То есть можно отказаться от признаков предметов. Также безболезненно можно устранить и слово «мягко» в словосочетании «мягко причалил», то есть можно опустить и признаки действий. Получим новую фразу: «Пароход причалил к пристани». Теперь рассмотрим сочетание «причалил к пристани». Если устраним «к пристани», то оставшаяся фраза не утратит смысла, и она утратит смысл, если устранить глагол «причалил». Получилось предложение: «Пароход причалил», в котором уже нельзя отказаться ни от одного термина, ибо окажется неясным, о чем идет речь.

Итак, в исходном предложении «Белый пароход мягко причалил к старенькой пристани» нам удалось выделить два ключевых термина «пароход» и «причалил», без которых фраза оказывается неясной. Вы можете сказать: «Экая премудрость, мы еще в начальной школе узнали, что чаще всего предложения включают в свой состав подлежащее и сказуемое. Ведь в приведенном Вами примере так и получилось!» — Вы совершенно правы! Но всегда ли следует действовать таким образом, чтобы в минимизированной фразе оказались только подлежащее и сказуемое? Давайте рассмотрим такое предложение: «Этот выпускник школы успешно сдал все вступительные экзамены в технический университет». Если мы поступим как в предыдущем случае, то получим фразу: «Выпускник сдал». Данная фраза не закончена по смыслу, а потому можно только строить догадки, что же он сдал — документы ли об окончании чего-то и куда-то, справку ли о здоровье, книги в библиотеку или что-то еще? Предел оптимизации исходного предложения в данном случае не совпадает с грамматической операцией по отысканию подлежащего и сказуемого и без слова «экзамены» свернутое предложение выглядит нелепо. То есть оно может быть сформулировано, по крайней мере, так: «Выпускник сдал экзамены».

А вот теперь вспомним о *целевой установке*. Если нам не важно, какое именно учебное заведение закончил этот выпускник, а также, куда именно он сдавал вступительные экзамены, то полученная трехчленная фраза нас вполне удовлетворит. Но если нам важно, что он выпускник именно школы, а не гимназии, лицея, ПТУ, колледжа, техникума и т.п., то мы обязаны сохранить информацию о школе. Слово «успешно» предполагает, что выпускник как минимум не завалил экзамены, хотя отнюдь не всегда используется как синоним оценки «удов-

летворительно». Но поскольку термин «успешно» неточный, а дополнительной информацией мы не располагаем, то в принципе можно опустить данное слово, полагая, что глагол «сдал» фиксирует именно успешную сдачу, то есть тождествен по смыслу с термином «не завалил» и ничего не говорит о том, поступил ли данный выпускник в вуз. Ведь можно сдать вступительные экзамены «успешно», т.е. «не завалить» и даже без троек, но не пройти по конкурсу.

Обобщающее слово «все» можно отбросить, так как знание особенностей русского языка подсказывает нам, что фразы типа: «сдал вступительные экзамены», «преодолеl препятствия», и т.п. равносильны тем же фразам, но с термином «все» или «весь». Чего не скажешь о терминах «некоторые» или «частично», опустить которые без ущерба для смысла фразы нельзя. Слово «вступительные» также можно исключить, ибо понятно, что выпускник сдает именно вступительные экзамены, вне зависимости от формы их проведения и содержания вопросов. Словосочетание «технический университет» опять-таки может быть или сохранено или отброшено в зависимости от целевой установки при прочтении текста. Если нам важно знать, что это был именно «технический университет», а не вуз какого-либо иного профиля, то надо сохранить этот термин, в противном же случае следует отказаться от него.

Таким образом, единственного варианта для сворачивания информации исходной фразы нет! Получаемые варианты зависят как от содержательного смысла терминов, так и от нашей *целевой установки*.

Логико-информационная корректировка цели

Оптимизированная информация — это главная смысловая основа оптимизируемой информации. Оптимизированный текст — это информация, состоящая в основном из ключевых терминов и ключевых фраз исходного оптимизируемого текста, являющихся в совокупности его *смысловой основой*, на базе которой всегда может быть реконструирован начальный текст. Предварительная оптимизация учебной информации (например, в объеме учебной темы) дополнительно к соблюдению требований логико-информационной корректности языковых выражений, используемых в учебном процессе, первично предопределяет решение *трех важных дидактических задач*, позволяя в дальнейшем:

(1) составить *словарь* (гlossарий) логически строгих и ясных определений ключевых терминов по учебной теме к предстоящему уроку;

(2) сформировать логически точное *название* учебной темы и ее отдельных разделов, а также подразделов отдельных разделов и т.д.;

(3) построить логически последовательный и информационно развернутый, структурированный по принципу «от общего к частному» план или *план-оглавление* учебной темы.

Описательная, объяснительная и прогностическая функции научного знания в каждой учебной дисциплине реализуются по-своему: характер причинно-следственных связей в физике, очевидно, отличается от их толкования в истории, а характер последних — от причинно-следственных связей в математике. Также различаются по своему характеру и описания в литературе и биологии и т.д. Различными по своему содержанию оказываются и учебно-научные прогнозы. Здесь нет ничего удивительного, ведь каждая наука имеет свои методы анализа мира и говорит о мире на собственном, отличном от других наук языке. С этим очевидным фактом и должны быть, наверное, в первую очередь связаны *особенности* методического обеспечения процесса обучения различным школьным предметам. Благодаря вариативности реализации описательной, объяснительной и прогностической функций научного знания в разных по содержанию учебных дисциплинах у учителя появляется бесконечный спектр методических возможностей для творческого применения разных форм, способов и приемов преподавания своего предмета. Содержание учебной дисциплины, язык предмета становится основным средством достижения главной цели допрофессионального образования на каждом уровне обучения. Но любые по своему содержанию знания, фактуальные или концептуальные, говорящие нам о той или иной стороне изучаемого мира, оказываются одинаковыми, инвариантными по форме их представления в языке, т.е. имеют единую языковую структуру. На этой особенности научной или учебной информации и основывается логико-информационный подход к современному школьному образованию. Как отмечал еще Тертуллиан, «у каждого народа свой язык, но материя языка всеобща».

От выбора того или иного содержания учебного текста и от результатов его оптимизации зависит очень многое в реализации дидактических целей и в решении конкретных учебных

задач на протяжении всего образовательного процесса. От этого выбора зависит также формирование логически корректного *названия* и построение логически последовательного *плана-оглавления* учебной темы. От этого выбора зависит и возможность использования тех или иных форм дискурса для освоения учебного материала: диспут, беседа, спор, расследование, диалог и т.д.; выбор того или иного типа учебных заданий: указания, разъяснения, требования, учебные вопросы и т.д.

Анализ структурного единства и логико-информационной корректности использования учебных знаний как элемента содержания образования позволяет теперь уточнить (конкретизировать) также еще одну из главных целей школьного развивающего обучения с позиций логико-информационного подхода. Эта *цель* состоит в выработке устойчивого интереса к процессу обучения и в дальнейшем развитии и совершенствовании индивидуальных интеллектуальных способностей учащихся, позволяющих им осознавать, осмысливать и ясно, точно, последовательно и доказательно, с учетом контекста и целевой установки оптимально и грамотно выражать в языке результаты освоения прошлых знаний. В этой связи и сам *интеллект* следует окончательно определить как *умение ясно, точно и последовательно описывать отдельные объекты и факты, доказательно обосновывать знания о фактах и получать новое знание на основе заранее известного, при эффективном использовании его в своих целях.*

Примеры нарушений условий логико-информационной корректности

В учебнике по информатике под редакцией Н.Г. Угриновича (10 – 11 кл.) введено следующее определение термина «алгоритм»: «Алгоритм — это строго детерминированная последовательность действий, описывающая процесс преобразования объекта из начального состояния в конечное, записанная с помощью понятных исполнителю команд» (С. 146). В указанном определении присутствуют как минимум два непонятных для учащихся термина — «детерминированная» и «исполнитель». Данные термины поясняются автором учебника ниже, на следующей странице.

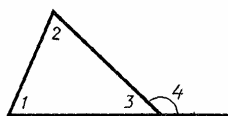
В.В. Бабайцева. Русский язык. Теория 5 – 11 классы» имеется «Рабочая тетрадь» Дрофа. 2001. В «вводном курсе» дается определение термина «грамматика»:

«...в настоящее время словом «грамматика» называют раздел науки о языке, в который входят морфология и синтаксис». Вряд ли это можно принять за корректное определение «грамматики». Логика требует пояснять неизвестное с помощью заранее известного. Из предлагаемого текста специфика грамматики вовсе не просматривается. Наверное, было бы лучше определить грамматику как теорию или совокупность

правил, которые необходимо соблюдать при организации устной и письменной речи

Пример контрольного задания из учебника *«Химия. 9 класс»* (авторы Н.Е. Кузнецова и др. М., 2005). *«Что можно сказать о гигроскопичности концентрированной серной кислоты?»* (С. 95). Выражение *«что можно сказать о...»* предполагает какой угодно ответ, оно дезориентирует ученика, сбивает с толку и по существу несет больше вреда, чем способствует поиску правильного решения. В этом задании остается «за семью печатями» сам замысел автора, создается впечатление, что и его устроит любой ответ на тему гигроскопичности. Но в таком случае это задание настолько абстрактно и неопределенно, что его невозможно оценить никакой школьной отметкой.

Приведем пример составления задания из курса геометрии 7 класса. В качестве иллюстрации воспользуемся знакомым рисунком.

Учитель поставил следующий вопрос: *«Каков угол 4 в треугольнике?»* Ответ ученика был такой: *«Угол 4 – тупой»*. Учащийся ответил правильно, но учитель ожидал другого ответа: *«Угол 4 – внешний угол треугольника»*. Таким образом, ожидаемый учителем ответ касается отношений между углом

и треугольником. Эти отношения бывают различными:

- угол может быть внешним углом треугольника;
- угол может быть внутренним углом треугольника;
- угол может быть вертикальным по отношению к внутреннему углу треугольника и т.д.

Переформулируем задание, как и в предыдущем примере (из курса химии). Сначала формулируем ответ, который хотим услышать от ученика: *«Угол 4 – внешний угол треугольника»*. Далее в формулировке задания учтем:

- вид отношения (отношение между углом и треугольником);
- форму ответа (устная);
- исключим вопросное слово «каков».

Исходя из этого, задание может быть представлено в таком виде: *«Назовите отношение, в котором находятся угол 4 и треугольник»*.

Разговор на уроке математики:

Учитель: Сколько надо пройти лестничных ступеней 3-х этажного дома, чтобы подняться на 3-й этаж, если известно, что на каждый этаж ведут по два лестничных пролета, в каждом из которых по 10 ступенек?

Ученик: Не пропуская ни одной ступеньки?

Учитель: Конечно.

Ученик: Тогда все!

Одним из способов достижения ясности учебного текста может быть составление словаря используемых терминов (*гlossария*). Такую работу целесообразно начинать с записи определений основных терминов, которая включается в домашнее задание уже к первому уроку новой темы. Это позволяет подготовить ученика к более эффективному восприятию нового материала.

ОТ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ ДО ЛУЖКОВА, ИЛИ ШКОЛУ – ДЕТЯМ!

Я.С. ТУРБОВСКОЙ

В течение десятилетий педагогов и родителей волновала драматичная метаморфоза, происходящая с детьми, переходящими в 5-й класс. Резко падал интерес к учению, у детей возникали стрессовые состояния, нарастало чувство испытываемой тревожности, падала успеваемость. Ю.М. Лужков предложил решение этой проблемы, повсеместно называемой «проблемой 5-го класса»: для оказания ребятам эмоциональной поддержки, обеспечения их комфортной адаптации к новым условиям переводить вместе с ними учительницу, к которой они успели привыкнуть за четыре года, которую они, как правило, любят, и чей авторитет так много значит для каждого из них.

Правительство Москвы поручило Департаменту образования провести эксперимент, подтверждающий или опровергающий его продуктивность. В предыдущем номере мы попытались показать исключительную актуальность начатого по инициативе Правительства и Департамента образования Москвы эксперимента, и не только педагогическую, но и социальную его значимость.

За, казалось бы, незначительностью самой идеи перевода учителя вместе со своим классом, обнаруживается принципиально иная парадигмальная в своей гуманистической сути позиция, изменяющая традиционно сложившиеся взгляды на школу и ее социальное предназначение.

Если учеба в школе – целенаправленный процесс, призванный оказывать формирующее влияние на каждого ученика, и в этом состояло и состоит ее предназначение, то в современных условиях ситуация принципиально изменяется, требуя от школы выстраивания своей деятельности в прямом соответствии с происходящими с ребенком природосообразными изменениями. Соответственно, эффективность каждого учебного года, проживаемого ребенком, находится в прямой зависимости от того, насколько гармоничны оказываемые школой влияния и внутреннее эмоциональное состояние ребенка, насколько обеспечиваемая школой успешность обучения стано-

вится основой целенаправленного проявления его познавательной активности.

Но обратимся к недавней и весьма поучительной истории педагогического опыта. Опыта, о котором стараются не вспоминать. Чисто абстрактно нами признается, что для науки важен любой результат. И положительный, и отрицательный. Но так ли происходит в действительности? О провалах, о негативном опыте и даже широко известных ошибках в лучшем случае умалчивают. Как будто бы этого никогда и не было. Сам факт признания допущенной ошибки, любого управленческого провала, несостоявшегося реформирования как бы и является подтверждением этого всем известного методологического постулата. А, между тем, глубокий анализ несостоятельности той или иной гипотезы, выдвинутой идеи может в действительности оказаться и для теории, и для практики более значимым, чем иная победная реляция. И чрезвычайно жаль, что научная критическая мысль прошла мимо состоявшегося провала программы, в которую была втянута вся система отечественного образования, и которая в случае удачи открывала не только перед школой, но и перед дидактикой невиданные перспективы. Но все произошло именно так, как всегда у нас происходит.

Когда выдвинутая идея продвигалась от создателей-теоретиков к властным управленческим органам, восхитительным оценкам и громким обещаниям предела не было. И тем более его не было, когда к этим восхвалениям прибавились голоса убежденных управленцев. В стенах института, в котором рождалась эта призванная преобразовать учебно-воспитательный процесс методика, даже партийным бюро контролировались работы, хоть как-то сопряженные с вопросами воспитания, чтобы ни слова критики или даже сомнений не прозвучало. Но когда эта методика не то что не выдержала проверки временем, а с треском провалилась, попав в условия массовой практики, никто и не вспомнил о значении для науки отрицательного результата. Просто сделали все возможное и невозможное, чтобы ситуацию замять, и все, как было принято говорить, спустить на тормозах. И просто разошлись, образно говоря, от брошенного в воду камня круги. И вот теперь не стало ни кругов, ни брошенного камня.

Возьмите любую диссертацию за последние 25 – 30 лет, и ни в одной не найти даже ссылки на это весьма значительное для отечественного образования событие. А ведь оно, несом-

ненно, нуждается в научном — именно в научном! — анализе, независимо от каких бы то ни было социальных событий. В противном случае нам нужно отказаться от признания за педагогикой статуса науки. Потому что речь идет не о рядовом явлении, и не о незначительной инновации, а о «Программе нравственного воспитания», призванной в 60-е годы преобразовать массовую школу.

Принципиальной особенностью новой воспитательной программы была четкая, последовательно выстроенная деятельность учителя, направленная в каждом классе на формирование совершенно определенных нравственных черт личности. В первом классе на одни, во втором — на другие и т.д. И то, что раньше было столь трудно достижимо, теперь, благодаря такой замечательной методике, стало простым и понятным. И само воспитание приобретало совершенно конкретный характер, так как каждый учитель мог ознакомиться с рекомендациями, что ему надлежит делать на том или ином уроке, при проведении того или иного мероприятия для формирования, к примеру, «честности», «долга», «коллективизма» или любой другой нравственной нормы. Такая дидактическая четкость и определенность предстоящей деятельности, изначально поддающаяся планированию, не могла не вызывать и у многих управленцев, и у методистов, тяготеющих к простым решениям, и у всех, кого приводит в затруднение и замешательство необходимость самостоятельного поиска ответа и творческого выбора если и нескрываемого восхищения, то, несомненно, профессиональных надежд. Ведь ничто не может быть убедительнее возможности спланировать предстоящую работу, зная, что в самом плане заложена гарантия ее эффективности.

Кто станет отрицать, что знания — великая сила, а человек, вооруженный знаниями, также всесилен. А значит — и нравствен. Ведь не так уж мало сторонников того, что образованность и нравственность — синонимы. И значит — нравственному воспитанию можно учить так же, как любому другому учебному предмету. И просто, и понятно, и удобно. Целенаправленность такой воспитательной работы, легко вписывающейся в расписание, легко поддающееся управленческому контролю в прямом соответствии с намеченными календарными сроками, не могла не вдохновлять, радуя неодолимо грядущей результативностью. Теперь не так уж трудно понять, что рожденная в исследовательской лаборатории истории и теории

педагогики АПН СССР идея была поддержана не только и не столько из-за своей простоты и практической доступности, сколько из-за созданной методики откровенно торжествующего сциентизма, воплощающего в себе всеисилие знания как такового. И свою основную задачу создатели этой замечательной методики и их всеисильные сторонники видели в том, чтобы она «овладела массами» и, следовательно, стала материальной силой. И для этого оказалось нужно не так уж много. Ссылки на научные позиции, на мнения авторитетных лиц, учителей, которые применяли эти рекомендации в своей работе, и, естественно, руководителей органов управления образованием.

И машина закружилась. Миллионными тиражами стала издаваться «Примерная программа», институты повышения квалификации стали разрабатывать свои программы для своих слушателей, и десятки статей и популярных брошюр сделали свое дело. Знание «овладело» массами, но стало ли оно всеисильным? С одной стороны, несомненно. Все школьники — от мала до велика — стали бойко отвечать на самые важные с позиций нравственных требований вопросы, и каждый заданный учителем вопрос, пройденный на прошлом уроке, типа «Что такое честность или принципиальность?» буквально вздымал кверху руки рвущихся ответить. И такое проявление знания нравственных категорий и требований не могло не вызывать умиления, да не такого, какое проявляют родители, ставящие перед гостями на стул своего трехлетнего малыша для чтения стишка. Умиление, вызываемое знанием нравственных норм, было совсем другим. Оно менее всего связывалось с эмоциями, ибо приобретало характер научного фундаментального открытия, с позиций которого запомнившееся и усвоенное знание воспитывает. Повторил, ответил на вопрос — значит — выучил, значит — знает. А если речь идет о знании норм нравственности, да еще об их твердом запоминании, то, естественно, воспитан. И эта вера в тождественность усвоенного знания и нравственности, знания и поступка, знания и воли, знания и нравственной требовательности к себе, знания и всего того, что, по сути, отражает всю совокупность отношений личности к себе, к другому, к обществу, государству длилась и насаждалась не год и не два...

И все же жизнь буквально заставила осознать бесплодность этой затеи, и проявить, тем самым, полную несостоятельность столь, казалось бы, блестящего замысла. Но в силу того, что

этот грандиозный по своим масштабам опыт и столь же грандиозным по негативным последствиям был просто забыт и теоретически не осмыслен, мы, может быть, и не в таких масштабах, продолжали и продолжаем громко трубить при каждом начинании и стыдливо замалчивать очередную неудачу.

А, не откажись мы, хотя бы в данном случае, от желания попытаться понять и разобраться, почему такое оказалось возможным, почему, наконец, с нами в образовании не так уж редко подобное случается, многое могло бы быть — и тогда и, тем более сейчас — по-другому. И не было бы, может быть, всего того, что будет впоследствии связано и отождествлено с удивительно противоречивым в своей негативной содержательности понятием «сциентизм». Ведь он определяется как «абсолютизация роли науки в системе культуры, в идейной жизни общества»¹.

Негативная, по сути разрушительная несправедливость этого ярлыка, делающую науку без вины виноватой, состоит в том, что объявлять виновником ряда негативных процессов, происходивших в обществе, самую науку так же бессмысленно, как объявлять непосредственно ее же субъектом совершенных и совершаемых открытий, на основе которых и благодаря которым жило, живет и будет жить человечество. Сама по себе наука никогда ничего не «открывала», «не объясняла», «не познавала». Все это делалось не только людским талантом, людским бесстрашием, людской волей, но и людским честолюбием, людской жестокостью, подлостью и интриганством и конъюнктурной, как правило, нетерпеливостью. Но главное не в том, что создаваемому человеком знанию приписывается роль самостоятельно действующего субъекта. Принципиально недопустимое навешивание на науку такого негативного ярлыка состоит в том, что сама наука в своих фундаментальных основаниях исходит из того, что **ничего нельзя абсолютизировать, все нужно подвергать сомнению**, включая любую сколь угодно привлекательную идею и полученный вывод. И, следовательно, приписывать науке то, что она изначально и безоговорочно отрицает, значит не только не понимать ее сущностной предназначенности, но и открыть в общественном сознании дорогу ко всякого рода интеллектуальному и иррациональному шар-

¹ СЭС, М., 1989, с.1307

латанству, умозрительной схоластике, поверхностному администрированию и нескрываемым попыткам отождествления критического основанного на нескончаемом сомнении разума, несущего личностную ответственность за принимаемое решение, ничего общего не имеющего с любыми конъюнктурными мотивами и доводами.

С другой стороны, в основе той программы лежала достаточно убедительная дидактическая установка, исходящая из необходимости выдвижения не только конкретных четко определенных целей, но и раскрытой возможности их целенаправленного достижения. И это продуктивная установка, которой необходимо следовать. Не может, а точнее не должно государства и любая управленческая система выдвигать перед практиками цели и задачи, пути к которым системно и последовательно не раскрыты. Не может и не должен учитель ставиться перед необходимостью находить пути никем нерешенной задачи. Ему должно быть понятно, что и как нужно сделать. И с этим, наверное, нельзя не согласиться. Но значит ли, что столь очевидно продуктивная дидактическая установка должна выполняться бездумно и недопустимо примитивно?

А ведь в этой программе процесс нравственного воспитания напрямую уложен в прокрустово ложе поурочного расписания – «честность», «долг», «трудолюбие», «коллективизм» и т.д. должны были быть пройдены и изучены в конкретное время на определенных уроках в каждом учебном году начальной школы. Очевидная простота достижения каждой из поставленных перед учителем целей была настолько буквально ошеломляюще убедительной с административных позиций, что любая попытка усомниться, высказать критическое замечание жестко пресекалась. Во всю заявлял о себе небезызвестный принцип, четко сформулированный секретарем липецкого обкома партии: «нам нужны не критики, а последователи». И сыграл этот афоризм немалую службу в борьбе с любым проявлением творчества, которое без критичности, способности объективно оценить происходящее в образовании немислимо. Любая привносимая в образование идея изначально должна была соответствовать этому принципу, обеспечивая, тем самым, решение самой основной задачи – овладения массами, которые и становились, как известно, той самой, преобразующей «материальной силой». И, надо признать, что и принцип этот, и сама идея – не столь уж худосоч-

ны и бессмысленны в своей основе. Все то, что надлежит выполнять людям, если действительно хотеть, чтобы они эту задачу выполнили, должно быть ими не только воспринято, не только понято, но и поддержано. И каждый, кто в момент провозглашения идеи, ее преподнесения в виде определенной программы предстоящих действий позволяет себе высказать свои сомнения, поделиться возможными опасениями и, тем более, критическими замечаниями, изначально и безотносительно к какой бы то ни было мотивации, становится препятствием на пути программы к массам. Авторов идей, концепций, доктрин, управленческих решений интересуется только та аргументация и те доводы, которые направлены на укрепление их позиции, на усиление воздействия на эти самые массы. И можно даже вывести математическую формулу, раскрывающую суть возникающего в таких случаях противоречия – **оценка и признаваемое значение критики диаметрально противоположно степени справедливости и сущностной глубине ее аргументации**. И разрешение такого противоречия может иметь два, образно говоря, русла развития. Первое, основанное на том, что создатели новых идей, программ, концепций учитывают приводимые критические аргументы, раскрывает пути объективного анализа и принятия на его основе оптимальных решений. Второе – решается либо в логике борьбы с инакомыслием, любой критикой, либо элементарного замалчивания и усиленного использования так называемого *административного ресурса*. Движение именно по этому руслу, имеющее в жизни нашей страны и системы образования удивительно богатую историю, вбирает в себя поистине множество небесталанных находок, позволяющих на определенный срок направить к выдвигаемым целям энергию масс. К числу такого рода методологических и административных приобретений можно отнести такие невероятно эффективные методы, как создание ситуации имитирующей свободу выбора, как отождествление конкретной находки, примера, той или иной характерной черты с целостным опытом, теорией или методикой, неотъемлемой частью которой они являются. И, наверное, самым убедительным примером подобной методологической и идеологической эквилибристики может являться отношение к опыту и теории А.С. Макаренко. Поставят в пионерской комнате барабан или напишут, что «требование – основа воспитания», и громогласно провозгласят: «основа

теории коллективистского формирования личности – традиции Макаренко!». А в действительности ничего более неприемлемого для бюрократической, жестко административной системы воспитания, чем теория выдающегося педагога, каким был и навсегда для человечества будет А.С.Макаренко, не было. И все это вместе взятое породило разлагающую основу нашего профессионального и духовного бытия под хорошо известным названием «очковтирательство» со всеми вытекающими из него социальными последствиями.

Сегодня министр образования со всей свитой своего чиновничьего окружения с негодованием говорят о низком качестве обучения, о неспособности учителя честно оценивать знания ученика, и при этом, не чувствуя своей ответственности, не подают в отставку. А разве все это не началось с преследования честных, принципиальных учителей за отказ ставить положительную оценку лодырю, и ничего не знающему, с демагогических официальных заявлений, согласно которым виноват сам учитель? И разве не эта разлагающая управленческая демагогия помогла плохому учителю не только обеспечивать стопроцентную успеваемость, но и перевернуть с ног на голову наши представления о нравственности, о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо»?! Разлагающая нашу жизнь воистину великая мудрость такого руководства состоит в том, что в любой навязываемой обществу идее и решении есть что-то такое, что обязательно будет кем-то поддержано, кому-то выгодно, а они уже побеспокоятся, чтобы свои интересы выдать за массовые. И то, что происходит с ЕГЭ, никаким особым открытием не является. Все та же великая незыблемость исторически управленческой преемственности. Тот факт, что ЕГЭ разрушает формирующую целостность учебного процесса, лишает само образование своего предназначения, не только перестает приниматься всерьез во внимание, но и с воодушевлением начинает восприниматься такого рода учителями. Для таких учителей на первое, приоритетное место выходит не забота о качестве образования, не волнующая общество проблема обеспечения его конкурентоспособности, а несомненное удобство пользоваться КИМами, откровенно подменяющих развивающее образование элементарным натаскиванием. И как же не поддерживать такую замечательную идею! Так что такой метод борьбы за «массы» в решении сугубо образовательных проблем, не претерпевая серьезных изменений, продолжает

победно шествовать по проторенным в отечественном образовании дорогам...

И если нравственное воспитание во всей его безграничной сложности, подвергнутое такой схоластически насильственной экзекуции, было поддержано, то, что уже говорить о каком-то ЕГЭ?!

И понадобились годы, чтобы полностью обанкротившаяся идея превращения нравственного воспитания в простую, строящуюся по школьному расписанию программную учебную деятельность, была отброшена. Цена, правда, была заплачена немалая. Но кто и когда об этом проявлял обеспокоенность, ведь мы, как известно, «за ценой не постоим»...

Продолжение следует

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Проективный философский
словарь

С этого номера журнал «Философские науки» открывает рубрику «Новое в философии», где предполагается публиковать программные статьи, манифесты новых философских направлений, проективные материалы, направленные на смену интеллектуальных парадигм, прорывы в методологии наук, создание новых гуманитарных дисциплин, концепций и систем мысли. Первыми в этой рубрике будут публиковаться материалы «Проективного философского словаря», второе, расширенное издание которого готовится в издательстве «Гуманитарий». Первое издание «Проективный философский словарь: Новые понятия и термины» вышло под редакцией Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна в петербургском издательстве «Алетейя» в 2003 г. и давно стало библиографической редкостью. В нем было представлено 165 статей одиннадцати авторов. Выход Словаря был оценен как методологический прорыв в отечественных гуманитарных науках (см., например: *Виралайнен Мария*. Протоязык XXI века // Новый мир. 2004. № 9).

В новом издании предполагается расширить круг авторов и терминов и одновременно упорядочить критерии отбора. В первой публикации данной рубрики мы начинаем со вступительной статьи Михаила Эпштейна, вводящей в проблематику и концепцию издания и очерчивающей начала «проективной философии», или «философии синтеза», как можно назвать это направление мысли. Предлагаются также словарные статьи М.Н. Эпштейна.

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКОВОГО СИНТЕЗА.
О ПРОЕКТИВНОМ МЫШЛЕНИИ

М.Н. ЭПШТЕЙН

...Отношение понятия к языку не сводится только к критике языка, но и включает также и проблему отыскания языка. Вот что представляется мне поистине великой, захватывающей драмой философии: что философия — это постоянное усилие отыскания языка или, скажем с еще большим пафосом, постоянная мука нехватки языка... Словесная находка играет в философии явно исключительную роль.

Ганс-Георг Гадамер.

История понятий как философия

Существуют разные типы философских словарей и энциклопедий, но все они — **дескриптивные**, т.е. описывают термины, уже бывшие раньше в употреблении (в мировой или национальной философии, у определенной школы или автора). **Проективный словарь** — это особый, **порождающий** жанр философского дискурса. Он содержит термины и понятия, которые **впервые предлагаются** для употребления, т.е. именно посредством словаря вводятся в жизнь и мысль философского сообщества. В словаре отражены интеллектуальные, культурные, технические, социальные процессы, характерные для начала третьего тысячелетия и требующие новых способов философской артикуляции.

Обычный путь терминов таков: от использования в конкретных текстах — к фиксации и систематизации в словаре. Проективный словарь, напротив, не регистрирует, а предвосхищает, потенцирует, проектирует будущие дискурсы и тенденции в развитии данной дисциплины, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей. Например, в данном Словаре дается определение таких терминов, как «**Всеразличие**», «**Инфиниция**», «**Концептивизм**», «**Культуроника**», «**Мыслезнание**», «**Недо-**», «**Потенциация**», которые раньше не использовались никем, кроме их авторов, выступающих и как авторы соответствующих словарных статей. Именно благодаря Словарю эти термины могут (подчеркиваю данную модальность) войти в профессиональное обращение, получить дополнительную разработку, расширить возможности философского языка.

Словотворчество, терминообразование всегда играло особую роль в философии, которая занята поиском таких концептов, категорий, освобождающих мысль от плена повседневного языка и предрассудков здравого смысла. Мыслить — это значит заново создавать язык, «поперечный» житейскому языку, критически очищенный от захватанных значений, клише, автоматизмов сознания, резко остраивающий, деавтоматизирующий их. Творчество мыслителя стремится запечатлеть себя в конструкции странных, диковинных слов, которые откликнулись бы на бытийные «слова» — трудновыразимые понятия и смыслы, лежащие в основе мироздания. При этом философ может пользоваться словами, уже существующими в языке, придавая им новый фундаментальный смысл, т.е. творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы.

Философский неологизм — итог движения мысли, которая проходит через множество ступеней доказательства, развертывается в многотомных словесных построениях, чтобы в конце концов не найти лучшего воплощения, чем в одном единственном слове, которое и остается печатью бессмертия мыслителя, следом его пребывания в самом языке, а не просто в текстах. «Платонизм — учение об **идеях**»; «Гегель — основоположник **диалектического** метода»; «Ницше — провозвестник **сверхчеловека**». Слово — самая плотная упаковка смысла, наилучший хранитель той многообразной информации, которая рассыпана в текстах мыслителя. Слово «идея», возведенное Платоном в философскую категорию («обобщенный умопостижимый и бытийствующий признак»), уже навсегда вобрало в себя мысль Платона, и тот, кто пользуется этим термином, вольно или невольно является платоником, даже если он антиплатоник по своим воззрениям. Язык обслуживает самые разные воззрения, которые только потому и могут спорить и противоречить друг другу, что говорят на общем языке.

Вопреки расхожему представлению, что творение новых слов — дело писателей, философия даже более глубинно втянута в этот процесс, более зависима от способности языка образовывать новые слова, которые содержали бы квинтэссенцию данной понятийной системы. Ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов не создавали целенаправленно новых слов, им достаточно было слов, существующих в литературном языке и устной речи. Но философ испытывает трудности с языком именно потому, что он работает не с наличными словами, а с мыслью, которая хо-

чет переспорить язык. Философ часто не находит нужных ему слов в естественном языке и изобретает новые слова или придает новые значения известным словам. Поэтому, например, мысль Вл. Соловьева или М. Бахтина трудно представить вне тех словесных построений (оригинальных или переводных), которые они вводили в русский язык именно с позиции философской «внезаходности» по отношению к нему. «Всеединство», «Богочеловечество», «софиология», «многоголосие», «участность», «внезаходность» — некоторые из наиболее известных концептуальных новословий Соловьева и Бахтина.

Философия, как и любая дисциплина, не может развиваться без обновления своей концептуально-терминологической системы. Для философии начала XXI в. это тем более важно, что в XX в. она приобрела, особенно в англоязычном мире, лингвистическую ориентацию и сосредоточилась на анализе языка. Переход к синтезу языка, к системному построению новых понятий и терминов, знаменует собой новый поворот философии, который обещает придать ей более творческий характер в XXI в. Сейчас как никогда свежо звучит призыв Ф. Ницше: «Философы догадываются только напоследок, что они не могут уже больше пользоваться готовыми понятиями, не могут только очищать и выяснять их, но должны сначала **создать, сотворить** их, установить их и убедить в них»¹.

Эта же задача ставится в трудах Ж. Делеза и Ф. Гваттари, направленных именно на масштабное обновление философского языка, синтез новых концептов и терминов: «Философия — дисциплина, состоящая в *творчестве* концептов... Поскольку концепт должен быть сотворен, он связан с философом как человеком, который обладает им в потенции, у которого есть для этого потенция и мастерство. На это нельзя возражать, что о “творчестве” обычно говорят применительно к чувственным вещам и к искусствам, — искусство философа сообщает существование также и умственным сущностям, а философские концепты тоже суть “sensibilia”. Собственно, науки, искусства и философии имеют равно творческий характер, просто одна лишь философия способна творить концепты в строгом смысле слова. Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто. ... Платон говорил, что следует созерцать Идеи, но сперва он должен был сам создать концепт Идеи. Чего

стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов?»²

Именно жанр проективного словаря может оказаться наиболее прямой и емкой формой для представления новых концептов и введения их в общественное сознание. Под всеми терминами и концептами в этом словаре стоят **подписи их творцов**. В том случае, если слово или термин употреблялись и раньше, для них предлагается новое значение, понятие, концепт (см., например: **Глубина, Как бы, Интересное, Мудрость, Постчеловечность, Самозванство**). Обычно словарь занимает «эпическую» дистанцию по отношению к представленным в нем материалам. Данный же словарь не только проективный, но и в каком-то смысле «**лирический**», поскольку авторы статей выступают и как их персонажи — действующие, точнее, мыслящие лица, которые делятся собственными терминами и понятиями, а не описывают чужие, введенные другими авторами.

Философия языкового синтеза

Такой переход от описательно-обобщающих к порождающим функциям словаря совпадает с ходом философского развития последних десятилетий и отчасти предвосхищает его следующий этап. В философии XX в., особенно его второй половины, преобладает **лингво-аналитическая** ориентация, в разной степени характерная и для европейского структурализма и постструктурализма, и для англо-американской аналитической традиции: анализ повседневного, научного и собственно философского языка, его семантических, грамматических и логических структур. Работа над проективным словарем может рассматриваться как *продолжение* и одновременно *преодоление* этой тенденции. «Лингвистический поворот» переходит из аналитической в синтетическую фазу. Если предмет философии — универсалии, идеи, общие понятия, категории, концепты — представлен прежде всего в языке, то задача философии — не просто исследовать, но и **расширять существующий язык, синтезировать новые слова и понятия, лексические поля, вводить новые языковые правила, увеличивать объем говоримого, а значит и мыслимого, и потенциально делаемого**.

Философия воплощает в слове систему движущихся понятий и задает им дальнейшее движение смыслопорождающей новизной самих слов.

Сходные процессы «словаризации» творческого процесса происходят сейчас и в других областях культуры, даже таких далеких от философии, как кино, где возникает так называемая *database narrative* (термин Льва Мановича), т.е. «словарное повествование». Не фильм снимается по сценарию, а сценарий составляется по тем образам, картинкам, которые имеются в базе киноданных, в видеословаре. Сначала кинотезаурус, потом составленный из них видеоряд, кинотекст. Причем из одного ресурса образов можно составить разные кинотексты, выражающие идеи и позиции разных авторов. Так и в нашем словаре латентно содержится множество текстов, которые могут работать от энергии предложенных слов-понятий, реализуя разные их смысловые возможности. Проективный словарь — это порождающая модель расходящегося ряда философских работ, которые могут иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, защищать разные позиции, но при этом использовать общий терминологический ресурс.

В отличие от вышеописанной кинопоэтики проективный словарь не работает с заранее составленной базой данных (терминов, концептов), но сам **творчески составляет** такую базу для будущих текстов. Выражение «творческое составление» звучит как оксюморон, отражая жанровую противоречивость, взрывчатость **проективного словаря**. То, что обычно «составляется», «компилируется», аккумулируя в себе результаты предыдущих оригинальных трудов, здесь выступает как первичный, творческий жанр.

Проективность в философии

Проективность может быть понята как свойство не только словарного жанра, но и метода мышления. «Проективизм» как метод сочетает в себе такие философские традиции, которые считаются трудно совместимыми: ницшевскую философию жизни и витгенштейновскую философию языка — витализм и лингвизм. Проективизм, или **лингво-витализм**, — это расширение жизненного пространства философского языка, умножение его мыслимостей и говоримостей. Согласно аналитической традиции, идущей от позднего Л. Витгенштейна, философия есть «критика языка», она призвана изучать языковые игры, уточнять значения слов, понятий и правил, используемых в речевых практиках: в быту, науках, искусствах, разных профессиях и досугах. Но философия имеет и другое призвание: вести

собственную языковую игру, постоянно пересматривать и расширять ее правила, ее концептуальную основу, объем ее лексических и грамматических единиц, мыслеобразов и мыслеформ. По теории позднего Л. Витгенштейна, язык не говорит «правду» о мире, не отражает наличные факты, «атомы» мироздания, но играет по собственным правилам, которые различаются для разных дискурсивных областей, типов сознания и поведения. «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент деятельности или форма жизни»³. «Игра» и «жизнь» — вот ключевые понятия, которые сближают Витгенштейна с Ницше: в языке должна играть та же самая жизнь, которая играет в природе и в истории.

Но тогда и задача философии как **метаязыка**, описывающего и уточняющего «естественный» язык, состоит вовсе не в «правдивом анализе языка», но в том, чтобы сильнее «раскручивать» свою собственную языковую игру. Основная предпосылка аналитической философии — язык как игра — содержит в себе опровержение чистого аналитизма и ставит перед философией совершенно иную, синтезирующую, конструктивную задачу: не говорить правду о языке, как и язык не говорит правду о мире, но укреплять и обновлять жизнь самого языка, раздвигать границы мыслимого и говоримого. Здесь ницшевский витализм приходит на помощь аналитически тонкому, но конструктивно бедному витгенштейновскому лингвизму и переносит на язык все те заповеди могущества, доблести и отваги, которые Ницше обращает к жизни. Перефразируя Ницше, можно сказать, что философия — это воля к власти: не сверхчеловека над миром, а сверхязыка над смыслом. Философия, в отличие от первичных, практических языков, не выражает готовые или наличные смыслы, но хочет царить над метаязыком, над самими правилами языка и возможностями смыслообразования. Или, как выразился малоизвестный мыслитель советской эпохи (*Яков Абрамов*), «слову не дано быть точным, остается быть дерзким»⁴.

В этом смысле дерзость словотворчества, витальность самого языка и является методологической основой данного словаря и вообще системно-проективного подхода к задачам и возможностям философии. Словарь представляет собой опыт гипотетического дискурса, так сказать, сеянца тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации философских текстов.

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

М.Н. ЭПШТЕЙН

Все статьи оформлены единообразно: заглавное слово с ударением, его перевод на английский, дефиниция, примеры употребления.

Мы начнем **Проективный философский словарь** введением двух новых слов и понятий (словопонятий) — **морального («благоподлость»)** и **логики-лингвистического («инфиниция»)**. Мы покажем, как они наглядно синтезируются из анализа философских проблем и из уже существующих языковых элементов методом альтернативного переосмысления и перекombинирования. Тем самым явственно обозначится поворот от философии анализа к философии синтеза как преемственного усвоения и «снятия» актов анализа. Вообще в каждом моменте анализа заложена возможность нового синтеза. Где есть вычленимые элементы суждения, там возникает возможность иных суждений, иного сочетания элементов, а значит, и область новой мыслимости и сказуемости.

БЛАГОПОДЛОСТЬ

Суждение «глупость есть порок» может рассматриваться аналитически, в манере Джорджа Мура, одного из зачинателей английской лингвистической философии, как эквивалентное суждениям «я плохо отношусь к глупости» или «глупость вызывает у меня негативные эмоции». Синтетический подход к этому суждению проблематизирует его и потенцирует как основу для иных, альтернативных, более информативных и «удивляющих» суждений (как подчеркивал еще Аристотель, философия рождается из удивления и, как можно добавить, сама его порождает). Анализ сам по себе интеллектуально тривиален, тавтологичен, если он не ведет к попыткам новых синтезов.

Приведем возможную цепь синтезирующих вопросов и суждений. Всегда ли глупость — порок или в определенных ситуациях она может быть добродетелью? Если ум может служить орудием порока, то не может ли глупость служить орудием невинности? Если глупость используется как средство для достижения благих целей, может ли она считаться благом? Что такое «благоглупость», как сочетаются в ней добро и зло? Если возможна «благоглупость», то не возможна ли и «благоподлость»?

«Благоподлость» кажется сомнительным оксюморонам: если нехватка ума еще может сочетаться с благими намерениями, то

как быть с извращением воли? Можно ли предавать, насильничать, кощунствовать с благими намерениями? Очевидно, можно, и диапазон примеров очень широк: от Великого Инквизитора до Павлика Морозова. Великий Инквизитор (из романа Ф. Достоевского) во имя блага людей, их сытости и довольства, отнял у них тяжелый, мучительный дар Христа — дар свободы. Павлик Морозов, как и тысячи «настоящих советских людей», повинуясь внушенным ему представлениям об общественном благе, донес властям на своего отца, погубил деда, брата и других близких.

Таким образом, суждение «глупость есть порок», тривиальное как предмет анализа, может стать основой для синтеза далеко не тривиальных суждений и словообразований, таких, как «благоподлость». Наша формализация операций языкового синтеза включает символ \div , знак логической бифуркации, альтернативы, выдвигаемой из анализа данного суждения. Те элементы суждения, которым предшествует знак \div , являются переменными, и их альтернативы или вариации на следующей строке образуют новые суждения.

Исходное положение: глупость есть порок.

Глупость может быть \div пороком или, при определенных условиях, добродетелью.

Одно из условий добродетели — доброе, благое намерение.

Глупость может делаться с благими намерениями. *Благоглупость*.

Подлость может делаться с благими намерениями. *Благоподлость*.

Благоподлость (benemalence) — подлость, совершенная с благими намерениями, принимаемая или выдаваемая за нечто благотворное, за важное, полезное дело; «подлость во спасение» (как бывает «ложь во спасение»). Такими взрывчатыми оксюморонами полна действительность и XX, и XXI вв. Мы уже знаем, как революционный порыв к свободе приводит к величайшему рабству и как железной рукой загоняют человечество к счастью. Нам знакомы оруэлловские пропагандистское «министерство правды» и гэбистски-гестаповское «министерство любви». Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. Эту иронию самой истории — да и повседневных житейских историй — может вобрать в себя новый оксюморон на тему «благо-». Вот ряд примеров возможного употребления этого концепта (здесь и далее все примеры принадлежат авторам словарных статей, за исключением особо оговоренных случаев):

«Разве не *благоподлость* во имя освобождения народа от тирании уничтожать этот самый народ — так что образцовая демокра-

тия становится для “освобождаемых” нераздельна с пытками и насилием?»

«Известная мудрость: (благая) цель оправдывает (любые) средства — в своем применении чаще всего сжимается в одно слово: *благоподлость*».

«Персонажи Ю. Трифонова ставятся в такую ситуацию, что они не могут поступить по совести — и не могут поступиться ею. В результате рождается моральный гибрид, *благоподлость*, где первое постепенно оттесняется вторым».

ИНФИНИЦИЯ

Приведем еще один пример синтеза нового словопонятия. «Дефиниция» — важный термин философии и лингвистики. Существует множество дефиниций «дефиниции» и таких ее разновидностей, как аналитическая, контекстуальная, координативная, по роду и виду, увещивающая, уточняющая, прескриптивная и др. дефиниции. Но поставим такой вопрос: все ли вещи или слова поддаются дефиниции? Можно ли определять то, что определить невозможно? И не может ли быть такой дефиниции, которая выявляла бы именно существенную неопределимость определяемого понятия? Такая дефиниция была бы определением и вместе с тем отрицанием определяемости того, что она определяет.

Такой тип определения мы назовем **инфиницией**, *infinition*, в отличие от дефиниции, *definition*. Термин «инфиниция» — сращение двух слов, *definition* (определение) и *infinity* (бесконечность), происходящих от одного латинского корня *finis*, конец, предел. (По-русски «определение» и «беспредельность», срастаясь, дают такое же по смыслу, но не столь удобопроизносимое слово «беспределение».)

Исходное положение: дефиниция — определение предмета или значения.

Предмет или значение могут быть \div определяемыми или неопределяемыми.

Дефиниция — определение того, что определимо.

Инфиниция — определение того, что неопределимо.

Инфиниция (*infinition*) — бесконечно отсроченная дефиниция, которая определяет некое понятие и вместе с тем указывает на его неопределимость. Инфиниция демонстрирует множественность возможных определений предмета и одновременно недостаточность каждого из них и невозможность полного определения как такового. Понятие инфиниции может быть связано с понятием актуальной бесконечности и парадоксами теории множеств у Кантора.

Инфиниция — это не только конструируемое нами сейчас понятие, это реальность, которую оно позволяет обнаруживать и заново оценивать во множестве классических и современных текстов. Инфинициями изобилуют писания Лао цзы, Чжуан-цзы и других даосистских мыслителей; сочинения по апофатической теологии, в частности, трактаты Псевдо-Дионисия Ареопагита; работы Жака Деррида и других последователей деконструкции. **Инфинировать** (to infine) — «беспределять», снимать предел, откладывая определение, простирать его в бесконечность. Например, обычно **инфинируются** (а не дефинируются) такие понятия, как «Дао», «Бог», «différance», «деконструкция»...

Примеры инфиниций:

«Дао производит полноту и пустоту, но не есть ни полнота, ни пустота; оно производит увядание и упадок, но не есть ни увядание, ни упадок. Оно производит корни и ветви, но не есть ни корень, ни ветвь...». «Не-Начало сказало: Дао нельзя услышать: то, что можно услышать, не Оно. Дао нельзя увидеть: то, что можно увидеть, не Оно. Дао нельзя выразить в словах: то, что можно выразить в словах, не Оно. Знаем ли мы Бесформенное, которое дает форму форме? Таким же образом Дао не допускает быть названным» (*Чжуан-цзы*).

«Причина всего, сущая превыше всего, не есть нечто лишённое сущности, или жизни, или разумения, или ума; не есть тело, не имеет ни образа, ни лика, ни качества, ни количества, ни толщи, не пребывает в пространстве, незрима и неосвязаема, неосязаема и не ощущает...» (*Псевдо-Дионисий Ареопагит*).

«Мы уже должны были отметить, что *différance* не есть, не существует, оно не есть присутствие-бытие в какой-либо форме; и нам придется также очертить все то, что оно не есть, то есть всё; и, следовательно, оно не имеет ни существования, ни сущности. Оно не исходит из какой-либо категории бытия, все равно — присутствия или отсутствия» (*Ж. Деррида. Différance*).

Точно также и деконструкция, по Деррида, не есть ни анализ, ни критика, ни метод, ни методология, ни набор правил, ни акт, ни операция, и, наконец: «Что не есть деконструкция? конечно, всё! Что есть деконструкция? конечно, ничто!» (*Ж. Деррида. Письмо к японскому другу*).

Основополагающие теологические и философские понятия, такие, как Бог, Единое, Сущее, Абсолют, Дух, Бытие, Любовь, подлежат инфинициям скорее, чем дефинициям. По сути, любая система мышления имеет в своем основании понятия, которые не могут быть определены в рамках данной системы, но используются для определения других, выводимых из них понятий. Такие системообразующие понятия-первоначала инфинируются,

включая указания на свою неопределимость. В каждой дисциплине есть тоже свои инфинируемые понятия, например, мудрость — в философии, слово — в лингвистике, душа — в психологии. В экзистенциальной психологии «я» — это функция ухода, смещения, саморефлексивной трансгрессии, предмет не дефиниции, а инфиниции («self» can be only *infinied*, not defined).

* * *

Подведем итог.

Синтез языка (language synthesis), или **конструктивный лингвоцентризм** (constructive linguocentrism), — это альтернатива преобладающему ныне в философии анализу языка, или деконструктивному лингвоцентризму. Это направление в гуманитарных науках, которое ставит своей задачей синтез новых терминов, понятий и суждений на основе их языкового анализа. Какое бы суждение (определение) мы ни взяли, каждый его элемент может быть поставлен под вопрос, и его замещение порождает новое суждение. Если анализ суждения находит в нем сочетание таких элементов, как *abc*, синтетическая процедура порождает сочетания *bca*, или *cba*, или *acb* — новую мыслимость, еще неопознанный ментальный объект, требующий своей интерпретации, нового акта анализа и последующего синтеза.

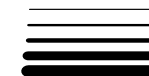
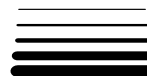
Г.В. Лейбниц полагал искусство синтеза более важным, чем анализ, и определял его как **алгебру качеств**, или **комбинаторику**, «в которой речь идет о формах вещей или формулах универсума, т.е. о *качестве* вообще, или о сходимом и несходимом, так как те или другие формулы происходят из взаимных комбинаций данных *a*, *b*, *c* и т.д., и эта наука отличается от алгебры, которая исходит из формул, приложимых к количеству, или из равного и неравного»⁵. Разумеется, синтез — это не только комбинаторика, это и **креаторика**, создание неизвестного на основе перекомбинации, переинтеграции известного; это новый уровень системной целостности всех прежних и заново вводимых знаков и их смысловых отношений.

Аналитические и синтетические процедуры в принципе **обратимы**. Каждый анализ может переходить в синтез, т.е. построение новых, альтернативных суждений, а также терминов, понятий, предложений, дефиниций, дисциплин, методов, мировоззрений. Уровень синтеза соотносится с уровнем анализа. Вся аналитическая философия может быть переведена на синтетический язык. Где вычленимы отдельные элементы суждения, там возможны и множественные их сочетания, большин-

ство которых описывает не существующее, а возможное положение вещей (state of affairs) – возможное в различных дискурсах, мировоззрениях, будущностях, виртуальных мирах, альтернативных областях знания. Каждый языковой синтез характеризует новое ментальное состояние, которое ищет своего соответствия в новых теоретических, политических, художественных, научно-технических практиках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (Кн. 2. III). – М.: Культурная революция, 2005. – С. 236.
- ² Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 14 – 15.
- ³ Витгенштейн Л. Философские исследования. Фр. 23 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 90.
- ⁴ Учение Якова Абрамова в изложении его учеников / Сост. и Предисл. М.Н. Эпштейна // ЛОГОС. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. – Л.: ЛГУ, 1991. – С. 211.
- ⁵ Лейбниц Г.В. Об универсальном синтезе и анализе, или Об искусстве открытия и суждения // Лейбниц Г.В. Соч. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 122.

ПРОФЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВА В РАКУРСЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА*

И.А. АСЕЕВА

Смысл обращения к категории будущего, выраженной средствами художественного творчества, заключается в возможности использовать такой познавательный потенциал, который не был реализован ни в одном из иных известных способов предвосхищения. Попытки предсказания в литературе или предвидения в изобразительном искусстве оригинальны и принципиально отличимы от научных прогнозов, философских рассуждений, религиозного предопределения и других разнообразных форм мысленного предвосхищения будущего. Представляется интересным не только проследить специфику предвосхищения в искусстве и выявить значимые функции этого способа «заглядывания» вперед, но и обозначить место искусства в едином процессе познания будущего, которое оно занимает благодаря реализации этих функций. При всем своеобразии, различные способы предвосхищения, от магических ритуалов до научных теорий, стремятся к осуществлению одной цели – к постижению перспектив и управлению ситуацией, исходя из полученной информации.

Познание будущего как еще не реализовавшегося бытия может быть осуществлено лишь путем создания идеальных конструкций несуществующих в действительности явлений. Выбор метода создания этих моделей зависит от конкретной цели, которую ставит перед собой субъект предвосхищения. Задача научного прогнозирования, например, состоит в получении достоверной информации о возможности или неизбежности появления в будущем достаточно вероятных событий, тенденции которых уже явно определились и поддаются рациональному осмыслению.

Будущее привлекает внимание философа в ситуации серьезного социального кризиса. Мыслитель с особой пронизательностью улавливает разрушительные интенции бытия значительно раньше своих современников. Поэтому результаты философской рефлексии выражаются, в одних случаях, в страстных пророческих при-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Прогностические практики в современной философии науки: междисциплинарный аспект», грант № 09-03-00205а

зывают одуматься, остановиться на гибельном пути, в других, — в опиировании утопических проектов желательного, идеального общества.

Художественные модели будущего строятся не только на основе понимания реальных возможностей дальнейшего развития, а на целом спектре абстрактных направлений, используя синергетические идеи многовариантности социальной динамики и взаимообусловленности многих явлений. Синергетический подход помогает понять природу поэтического творчества. В данном случае как систему можно рассматривать и весь объем информации, зафиксированный сознанием человека, и коммуникативные связи в обществе, и культуру, в сфере которой пребывает каждый человек. Взаимодействие этих открытых систем способствует анализу фактов и формированию мировоззренческих установок, соответственно которым поэт создает свои произведения. Творчество, вероятно, планируется субъектом, программируется, и обдуманно, и скрытым образом, а креативность подчас делает спонтанный выбор из широкого спектра возможностей. Центральным звеном этого неограниченного творческого потенциала является способность к целеустремленному схватыванию и проникновению в суть бесчисленных связей между предметами и явлениями и трансформация этих связей в образы. Этот механизм поэтического мышления описал В.С. Ротенберг¹. Он доказывает, что предвидение в поэзии, изумляющее поразительными и точными озарениями (например, знаменитые строки А. Белого «Мир взорвался в опытах Кюри / Атомной лопнувшей бомбой», написанные в 1919 г.), связано с особенностями функционирования правого полушария мозга. Объектом информационной обработки являются связи между предметами и явлениями материального и идеального мира. Если левополушарное мышление выбирает только немногие, некоторые, «наиболее сильные статистически или особенно существенные для конкретного анализа» отношения (а научный прогноз, как показывает в своей статье исследователь, является результатом именно такой стратегии мышления), то с помощью правополушарного мышления «формируется многозначный контекст, благодаря симультанному схватыванию всего неисчислимого множества связей». Думается, предвосхищение в искусстве строится при взаимодействии логического, левополушарного, мышления, позволяющего выделить наиболее вероятное разворачивание событий, и образного, правополушарного, благодаря которому синтезируется явное и неявное знание. В результате рациональное содержание прогностической информации облекается в яркую, объемную художественную форму. Картина, представленная художником, выглядит очень правдоподобно, возникает ощущение реалистичности изображаемого, а конкретные детали будущих событий придают ей еще большую убедительность. Произведение искусства, поэтому, вызывает живую эмо-

циональную реакцию, стимулирует мышление и заставляет искать необходимый выход из критической ситуации.

Образы будущего в искусстве включают в себя и познавательные моменты, поскольку детерминируются реальными общественными потребностями, и ценностно-ориентирующие; в то же время они допускают неожиданные, шокирующие варианты развития событий. Более того, как указывает А.А. Пермяков, художественные модели будущего не направлены на мысленное решение определенной проблемы, как научный прогноз, план или проект, а целенаправленно конструируют такую виртуальную ситуацию, в которой в подробностях проигрывается один из вариантов развития событий, часто самый катастрофический². Как любил говорить классик фантастики Рей Бредбери, «мы не предсказываем будущее, мы его предотвращаем!». Искусство, таким образом, выполняет предостерегающую функцию предвосхищения, предупреждающую о том, что может произойти, если обстоятельства сложатся определенным образом.

В произведении художника время может поменять свой вектор. Чтобы добиться большей правдивости изображаемого, автор как бы играет пространственно-временными перспективами, перемещая будущее, еще не случившееся, в прошлое, насыщая его «живой кровью». Это осуществимо благодаря эвристическим возможностям «художественного хронотопа», где происходит «пересечение рядов и слияние примет», где «время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым, пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории»³. Такую инверсию прошлого и будущего М.М. Бахтин объясняет необходимостью более реалистичного и доказательного рассуждения об идеале, совершенстве, гармонии и других идеально-вневременных формах бытия. Сознание художника не привязано к объективным процессам реальности и их временной координате, оно полноправно в имманентном ему времени. Фактически, Бахтин различает объективное осознание времени и внутреннее время сознания, где допустимы различные временные искажения, способствующие раскрытию авторского замысла. Именно эта способность произвольно «творить», конструировать будущее и есть необходимое условие для творчества, в частности, для создания художественных моделей предвосхищения. Автор нередко мыслится как демиург, создающий собственный мир с помощью эстетического сознания, под углом зрения своих интересов и ценностей.

В искусстве, таким образом, высвобождается мощный прогностический потенциал, позволяющий успешно выполнять целый ряд значимых функций. Прежде всего, оно открывает новые ракурсы видения мира. Такую функцию искусства можно обозначить как эвристическую. В отличие от фрагментарного научного знания, «эс-

стетическое сознание как бы «свертывает» многообразную информацию, позволяя ухватить доступные непосредственному восприятию качества объекта суммарно, синкретически»⁴. В эстетике получила широкое распространение концепция, связывающая гносеологическое своеобразие искусства с особым способом «мышления в образах». Образ целостен, многозначен, интуитивен. Он порождает различные смысловые ассоциации, которые своеобразно актуализируются субъектом, в зависимости от его жизненного опыта и развитости воображения. Согласно теории «образного мышления», искусство представляет окружающий мир в его непосредственно чувственном облике, отмечая яркие события, фиксируя необычные впечатления. Вместе с тем, в образах искусства за внешними очертаниями «как бы «просвечивает» внутреннее существо изображаемого», и тем самым, образы оказываются «средством передачи какой-то общей идеи»⁵. Подобная трактовка встречается в философско-эстетической школе Э. Кассирера — С. Лангера⁶, которая понимает искусство как закрепление в общественно значимых чувственных символах важных устойчивых элементов индивидуального психического опыта, т.е. как сообщение этому опыту определенной обобщенности. Аналогичный смысл имеет концепция «обобщенной чувственности» Р. Бэйе⁷, или введенный Р. Арнхеймом термин «визуальное понятие»⁸. Вспомним теорию А. Баумгартена, который предложил использовать термин «эстетика» для обозначения «науки о чувственном знании» — низшей теории познания, взаимодействующей с логикой. Имеется в виду, что искусство через особое вчувствование в предмет дополняет логическое познание. Ассоциативность искусства позволяет опереться на субъективный опыт, добиться ощущения личностной значимости некой информации, подкрепляя рациональные рассуждения эмоциональной насыщенностью.

Более того, Г.В.Ф. Гегель считал искусство единственным средством донести до сознания «абстрактное, неясное внутри себя»⁹, выразить в знаках или изображениях бурю чувств и переживаний, волнующих воображение художника. Искусство, таким образом, выступает своеобразным видом коммуникации, позволяя автору не только лучше понимать самого себя, но и общаться с аудиторией. В этом смысле всякое произведение играет роль сообщения, написанного на языке художественной культуры, с помощью слов, изобразительных средств, звуков и т.д. Язык искусства способствует символически-образному постижению объектов, недоступных непосредственному наблюдению — сложного мира человеческой психики и интересубъективных коммуникаций. Бесконечная глубина символа наполняет художественное произведение разнообразными смыслами, совмещая, или, по крайней мере, освещая и уровень рационального понимания, и скрытый иррациональный контекст субъективных мотивов, переживаний, желаний.

Многие исследователи характеризуют искусство как личностное отражение действительности¹⁰. С этой точки зрения, искусство является таким способом отражения действительности, субъектом которого на всех стадиях является целостный человек, обладающий единым мышлением, и чувственно-образным, и понятийным. Через свое произведение автор высказывает личные пристрастия, эмоциональные переживания, интуитивные предположения, философские размышления, нравственные критерии. Они воплощают в себе всю полноту внутреннего мира художника, хотя и не всегда являются прямой проекцией авторского «Я». Личностный характер искусства вовсе не означает субъективизма, замкнутости в кругу собственных переживаний. Точно, ярко переданная в произведении мысль автора, затрагивает воображение зрителя и способствует лучшему оформлению его собственных идей, высвечивает ранее упущенное из виду. Возникающая при этом эмоциональная реакция является своеобразным «индикатором осознанности»¹¹, понимания проблем, переданных автором.

Искусство, видимо, обладает способностью через индивидуальное восприятие автора выражать некие архетипические символы эстетического сознания человечества, и через него оказывать непосредственное влияние на формирование или распознавание образа зрителем, слушателем. С.Б. Семенова, исследовательница творчества художника В.Т. Черноволенко, приводит высказывания посетителей его выставки. В книге отзывов геолог-геофизик Ю.Е. Кустов, глядя на картину «В ином измерении», написал: «Здесь вдруг понимаешь, что существо мира, его строение и его жизнь могут быть познаны не путем длительного профессионального научного познания, а как-то иначе и сразу, целиком»¹². Обдумывая назначение искусства, В.В. Кандинский видел цели творчества в том, чтобы «вызывать радостную способность переживать духовную сущность в материальных и абстрактных вещах»¹³, т.е. служить особым органом, трансформирующим глубоко спрятанные смыслы бытия в доступные для осмысления визуальные образы. Однако серьезная проблема возникает при переводе зашифрованного, эзотерического языка искусства на язык уже освоенных понятий. Ведь образы искусства еще требуется разгадать, десимволизировать, преодолевая принципиальную нередуцируемость образа.

Попытка выявления скрытых смыслов, заложенных художником интуитивно, неосознанно, осуществляется с помощью таких рациональных познавательных средств, как здравый смысл и логика. Думается, определение религии как «рационализации иррационального», данное М. Вебером, можно распространить и на соотношение искусства и способов рационального познания. Искусство в этом взаимодействии отражает, визуализирует образы, а философия и наука расшифровывают их, позволяют осмыслить и оце-

нить. В результате такой взаимодополнительности рождается феномен познания через искусство.

«Художник — это тот, кто роковым образом, даже независимо от себя, по самой природе своей, видит не только первый план мира, но и то, что скрыто за ним, ту неизвестную даль, которая для обыкновенного взора заслонена действительностью наивной; тот, наконец, кто слушает мировой оркестр и вторит ему, не фальшивя», — так понимает предназначение искусства А.А. Блок¹⁴. Через сплетение философских смыслов, сложно распознаваемых символов, тайных знаков искусство образует реальность, онтологически воспринимаемую как более богатую, более свободную, чем обыденный мир. И художник, как опытный проводник, демонстрирует зрителю неожиданные повороты бытия, социальные «пропасти», необозримые перспективы будущего. Так, например, Н.К. Рерих в 1913 г. пишет «Меч мужества», когда на Первую мировую войну не было и намека, а в марте 1914 г., когда не прозвучал еще Сараевский выстрел, перед взором художника возникают «Три короны». Три короля клянутся на мечах, а над ними по облачному небу улетают три царственных венца¹⁵. Из истории нам известны венценосцы, потерявшие свои короны в ходе Первой мировой войны.

Ценностная направленность искусства позволяет решать, по сути, философские проблемы глубинных оснований бытия, проникать в скрытые духовные сущности через каналы художественных форм. Близость, даже взаимообогащение в сочетании философии и искусства отмечали многие мыслители. В.В. Зеньковский, например, не сомневался, что «философские построения ... многое определяют в художественном творчестве, а ... художественные интуиции почти всегда бывают полны философского содержания»¹⁶. Прежде всего, это касается гармоничного единства мысли и чувства, когда в особом состоянии вдохновенного осознания художник приближается к порогу «двойного бытия», когда ему становится доступно обычно «запредельное» и «невыразимое». Он умеет читать тайные знаки сущности мира, постигать их смысл и выражать языком искусства, добиваясь поразительного ощущения пророческого откровения, как будто через его творчество «прорекает» свою сущность сам мир. В.С. Соловьев написал в работе о Ф.И. Гютчеве: «Художественному чувству непосредственно открывается в форме ощутительной красоты то же совершенное содержание бытия, которое философией добывается как истина мышления, а нравственной деятельности дает о себе знать как безусловное требование совести и долга»¹⁷. Искусство, таким образом, усиливает познавательные возможности разума за счет способности художественного образа охватывать мир в целостности, во всем его многообразии.

Далее, искусство удовлетворяет потребность в своеобразном информационно-познавательном исследовании дальнейшего хода событий. Прогностика, используя научные методы познания, строится на рациональной основе и применяет логические расчеты. Поэтическое предвосхищение, в отличие от научного, включается в иррациональный поиск, охватывающий более широкую, неосознаваемую картину мира. Вместе с тем, понятно, что художественное произведение, в частности, литература, должна подчиняться общим правилам семиотики — теории знаковых систем и выполнять стилистические, синтаксические и другие требования. В противном случае, она будет непостижима и неинтересна читателю. С другой стороны, наука наряду с рациональными понятиями часто использует символическую терминологию, чтобы представить объекты, которые мы не можем определить или полностью осмыслить. Методы научного познания — абстрагирование или идеализация — не что иное, как использование на практике возможностей образного мышления.

Однако видение художника преобразовывает уже имеющиеся символы знаковых систем, наделяет их новым или дополнительным содержанием, но может создавать и принципиально новые образы, которые, казалось бы, не вытекают из логически построенной цепочки рассуждений. Возможности использования поэтических средств изображения реальности побуждают автора строить предположения, опираясь на неявное знание. А.М. Коршунов в работе «Теория отражения и эвристическая роль знаков» указывает, что символ может нести в себе знаки изменений будущего, их латентные проявления, еще не осознаваемые людьми, «выступать в качестве «интуитивного» предвосхищающего образа новых веяний, событий»¹⁸. Часто такие художественные предвосхищения касаются серьезных, социально-значимых проблем. Так, например, за десять лет до Чернобыльской катастрофы поэт Л. Мартынов в стихотворении «Граница»¹⁹ сумел выразить острое ощущение опасности, связанное с использованием «мирного» атома:

Ты
Не почитай
Себя стоящим
Только здесь вот, в сущем,
В настоящем,
А вообрази себя идущим
По границе прошлого с грядущим.

Главное же —
Атомный реактор!
Вот что нужно осторожно, с тактом
Переправить не во вред контактам
За границу прошлого с грядущим.

Как уже отмечалось, поэтическая рефлексия схватывает наиболее яркие и многозначные впечатления, художественный образ наделяется концентрированным по содержанию смыслом. В указанном сборнике Л. Мартынова есть стихотворение с глубоким философским смыслом²⁰, родившееся из размышлений о современном состоянии науки и его соответствия аксиологическим установкам.

Что делается
 В механике,
 И в химии,
 И в биологии –
 Об этом знают лишь избранные,
 Но, в общем, пользуются многие:
 Излечиваются хворости,
 Впустую сила мышц не тратится...
 Но где-то на пределах скорости,
 Где бешена частиц сумятица,
 Ворочается зверь искусственный;
 Ворчит, себе добычи ищет он,
 Зверь механический, бесчувственный,
 Детально вымерен и высчитан.
 Чтоб не пожрал он ваши домики
 Со всеми вашими надеждами,
 Остерегайтесь быть невеждами
 В политике
 И в экономике!

В художественном творчестве встречаются поэтические озарения, угадывающие гораздо более отдаленное будущее. В 1872 г., в век технооптимизма, В.С. Соловьев высказывает настроения, противоречащие распространенным восторгам, с точки зрения большинства общества, консервативные, устаревшие:

Природа с красоты своей
 Покрова снять не позволяет,
 И ты машинами не вынудишь у ней,
 Чего твой дух не угадает²¹.

Если наука ставит перед собой конкретные прогностические цели, которые реализуются и тем самым исчерпываются на определенном этапе, то искусство способно расширить сферу предвосхищения. Человеку требуется знать, как изменится объективный мир в результате его преобразовательной деятельности, но также определить свое внутреннее отношение к новым возможностям. Прогностические цели человека направлены не только вовне, но и на самого себя, позволяя выразить так называемые абстрактные цели, идеалы, которые играют роль общих духовных ориентиров, устанавливающих смысл и содер-

жание жизни. Детально описывая различные варианты будущего, искусство позволяет субъекту лучше сориентироваться, сформулировать критически-ценностное отношение к этим изменениям, и, таким образом, мысленно подготовиться к будущему. А.Л. Пермяков обращает внимание, что научная фантастика, например, посредством создания художественных моделей будущего не снимает объективную неопределенность реального будущего, а выступает способом субъективного «раскрепощения» человека по отношению к этой неопределенности, средством духовной гармонизации его взаимоотношений с динамично меняющимся миром. Одной из серьезных проблем, которую ставят на своих страницах писатели-фантасты, является проблема коллективной и личной ответственности людей за будущее. В ряде произведений («Совсем как человек» Кобо Абэ, «И грянул гром» Р. Бредбери, «Хищные вещи века», «Попытка к бегству», «Второе нашествие марсиан» А. и Б. Стругацких, «Солярис» А. Тарковского, «Странник и время» Г. Гора и др.) будущее исследуется в мысленных художественных экспериментах.

Активная позиция искусства по отношению к миру и человеку позволяет выделить его аксиологическую функцию. Художники в своих произведениях часто уходят от объективного описания наличного, действительного бытия и сосредоточивают свое внимание на других критериях познания будущего – эстетической ценности и нравственной предпочтительности. Искусство постигает мир, преломляясь в личности автора или его героя, склонного к постоянной рефлексии, к поиску смысла жизни и своего предназначения в мире. Отсюда – постоянная проблема соотношения реальности и идеала, должного и сущего, попытки построения концепции другого бытия, инобытия, где можно сместиться в другую временную плоскость и «проиграть» желаемый сценарий развития событий. Не случайно искусство в разных жанрах, будь то фантастика, поэзия или живопись, становится способом выражения нравственных ориентиров художника.

В итоге искусство становится мощным и незаменимым средством формирования мировоззрения человека, в частности, его прогностической направленности. Возможности художественного познания позволяют автору облекать в зримые картины свои идеалы и опасения, делиться личными переживаниями и предчувствиями. Искусство проникает в сферы, рациональному познанию не доступные. Оно представляет собой особую реальность, некий мир, где стирается грань между реальностью и фантазией, где будущее развитие событий можно «увидеть» в деталях, пережить. Читатель, зритель через приобщение к художественному произведению получает шанс заглянуть в будущее, оценить его вероятность, ценность, опасность или предпочтительность, и, таким образом, скорректировать свои рациональные усилия в этом направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Ротенберг В.С.* Внутренняя речь и механизм поэтического мышления // Философские науки. 1991. № 6; *Ротенберг В.С.* Мышление // Диалектика познания. — Л., 1988.
- ² См.: *Пермяков А.А.* Методологические проблемы мысленного опережающего отражения действительности (на материале искусства): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. — Свердловск, 1980. — С. 13.
- ³ *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. — М., 1986. — С. 121 — 122.
- ⁴ *Андреев А.Л.* Место искусства в познании мира. — М., 1980. — С. 87.
- ⁵ Там же. — С. 106.
- ⁶ См.: *Басин Е.Я.* Семантическая функция искусства. — М., 1973. Гл. 2, 4.
- ⁷ *Пазий Л.В.* Проблема опыта и объекта в эстетической концепции Раймонда Бэйе // Вестник МГУ. Серия философия. 1977. №4. — С. 88 — 89.
- ⁸ См.: *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. — М., 1974.
- ⁹ *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. В 4 т. Т. 4. — М., 1973. — С. 425.
- ¹⁰ См.: *Громов Е.С.* Художественное творчество. — М., 1970; *Руниц Б.* Логика науки и логика искусства // Содружество наук и тайны творчества. — М., 1968; *Раппопорт С.Х.* Искусство и эмоции. — М., 1972.
- ¹¹ См.: *Налчаджян А.А.* Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания. — М., 1972.
- ¹² Цит. по: *Новикова Т.М.* Искусство философии и философия искусства // Философия, ее смысл и предназначение: Учебное пособие. — М., 2006. — С. 67 — 68.
- ¹³ *Кандинский В.В.* О духовном в искусстве. — М., 1991. — С. 17 — 18.
- ¹⁴ *Блок А.А.* Об искусстве. — М., 1980. — С. 123 — 124.
- ¹⁵ См.: *Хейдок А.* Пророки // Утренняя Звезда. Альманах международного центра Рерихов. 1993. № 1. — С. 70 — 77.
- ¹⁶ *Зеньковский В.В.* Философские мотивы русской поэзии // Вестник РСХД. 1959. № 52. — С. 25.
- ¹⁷ *Соловьев В.С. Ф.И. Тютчев // Соловьев В.С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. — М., 1990. — С. 287.
- ¹⁸ *Коршунов А.М.* Теория отражения и эвристическая роль знаков / А.М. Коршунов, В.В. Мантатов. — М., 1974. — С. 48.
- ¹⁹ *Мартынов Л.Н.* Во-первых, во-вторых и в-третьих. Стихи разных лет. — М., 1972. — С. 171 — 172.
- ²⁰ Там же. — С. 164.
- ²¹ Цит. по: *Крук И.Т.* Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Хрестоматия. — Л., 1991. — С. 274.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

БЕРЕГИТЕ СВОЙ РАЗУМ!

А.В. ЕРМАКОВА

Пока профессора пишут учебники, студенты сдают философию по «Шпаргалке». Это не та ветхозаветная шпаргалка, исписанная мелким почерком и сложенная гармошкой, в которую студент былых времен конспектировал предварительно прочитанный учебник. Эта «Шпаргалка» издана типографским способом (конспект при ней — шрифтом покрупнее) и адресована студенту вуза: «**Конспект+шпаргалка. Философия. Экзаменационные ответы.** — М.: «Буклайн», 2008». И это далеко не первое издание. В вузовских киосках такую шпаргалку можно купить рублей за 40 — 50. Дешево и сердито. На что впавший в предэкзаменационную панику студент и покупается. В содержание ему вдумываться некогда.

На первой странице можно узнать, что философия зародилась 4 — 4,5 тыс. лет назад в государствах Двуречья Тигра и Евфрата, Древней Греции и Древнего Египта. Это в первом абзаце. А во втором: уже «научная философия» возникла в Индии, Китае и Древней Греции 2,5 тыс. лет назад. В теме № 4 уточнено: «Философия возникла в обществе рабовладельческой демократии, в 3 — 4 вв. до н.э.». Когда ж она возникла, философия, где? И была ли рабовладельческая демократия в Китае и Индии? В теме № 1 есть еще уточнение: греческая философия — родоначальница философии науки. Так что ж там, в древности, зародилось — философия, научная философия или философия науки? Похоже, для составителей пособия это все едино — так сказать «три в одном флаконе». А в теме № 2 говорится еще о философии как «совокупной науке», в то время как в теме № 3 «философия наукой в чистом виде не является».

С религиями, упоминаемыми в пособии, разобраться не легче: иудаизм и буддизм, сказано, — «древние религии, которые имели в себе зачатки философии», и возникли 3 тыс. лет назад (С. 3). Гаутама Будда (даты его жизни указаны на с. 16: 540 — 483 г. до н.э.), таким образом, родился на несколько веков позже того, как появилась религия, основателем которой он был.

В даты, указанные в пособии, лучше не всматриваться. Так, философия марксизма, как сказано на с. 49, формировалась в период с 30-х до конца 40-х гг. XIX в. Приведены и даты жизни ее «создателей и творцов»: К. Маркс (1818 — 1883) и Ф. Энгельс (1820 — 1895). Несложный подсчет — и мы узнаем, что одному из них, когда он приступил к «формированию марксизма», было 12 лет, а другому 10. Вот уж поистине гении человечества! Или марксизм «формировался» без Маркса, как и буддизм без Гаутамы Буд-

ды? Тем более, что на с. 60 сказано, что учение К. Маркса «явилось результатом гегелевской системы».

Что касается Платона (даты жизни его указаны), то он «состоялся как философ под влиянием идей Сократа и Аристотеля» (С. 23, тема № 23). Даты жизни Аристотеля тоже указаны, но уже в теме № 25, которую, вероятно, писал другой человек, а даты сопоставить третьего человека не нашли. Вот и получилось, что Платон – ученик Аристотеля, а не наоборот. Блаженный Августин, живший в IV – V вв. оказался «проповедником католической церкви» (С. 29), которая, как известно, возникла после разделения христианства на две ветви в 1054 г. Католичество возникло в XI веке, а Августин уже за 600 лет до этого был ее проповедником!

В пособии умудрились изложить древнюю индийскую философию, не упомянув Упанишад (может, не слышали о них?); буддизм, не упомянув о страдании, 4 благородных истинах и восьмеричном пути преодоления страдания; даосизм, не упомянув о понятиях *дао* и *дэ*.

Все это мелочи. Главное – составители пособия знают понятия нашего времени, можно сказать, живут по понятиям. И если какие-то философские термины кажутся им устаревшими, темными, они решительно обновляют их, освещая потрясающим смыслом. Вот были в Средние века номинализм и универсализм. Это как же себе представить? Универсалы – еще туда-сюда, на универсамы похоже. А что такое понеп? – НОМИНАЛ (С. 35)! И всем ясно. Или: Кузанский – выдающийся представитель пантеистической философии – ну что это? Надо поправить: ПОНТеистической философии (С. 39) – каждый поймет, что такое понт. То же и с Кантом: какие максимы? – МАКСИМУМЫ (С. 54)! Жить надо, г-н Кант, современно, по максимуму, особенно человеку, который еще когда понял, что главное – собственность, и написал книжку «Критика СОБСТВЕННОСТИ суждений» (С. 54).

Обновленный смысл можно вдохнуть и в великие имена. Зачем «Антисфен»? Для ученика Сократа современнее «АнтиФЕН» (С. 27). И что это за Ф. Бэкон? БЕкон (С. 47)! Даже на вкус понятно. И что за нелепое имя – Шеллинг? Ф. ШИллинг (С. 51) – звучит? Звучит, вот то-то.

С некоторыми словами, бывает, сразу не разобраться. Например, с противоречием между гностицизмом и агностицизмом, «над которым стремятся подняться современные неотомисты» (С. 86). Или, не лучше, с «Антологией (учением о бытии)» (так на с. 86), но тогда что такое онтология? Тоже, вроде, учение о бытии. Поступили мудро: в гл. 46 о проблеме бытия в истории написали раз так, раз так, без объяснений (С. 93).

Иногда так считаешься, что начинаешь спотыкаться на ерунде. Вот, например, отец «философии жизни» – А. Шопенгауэр (С. 45) А кто ее основоположник? – Ф. Ницше (С. 46). Это как понять? А никак и не надо. Вообще студенту сдающему понимать не надо. Он, когда сдает, и понимать-то ничего не способен. Ему главное – иметь, в кармане, или под партой, для духа спокойствия, какие-то слова, чтоб не молчать, когда перед преподадом сядет. А тот тоже, такого наслушается за сессию, что понимает еще меньше.

Но надо же когда-то и о юном студенческом разуме побеспокоиться и, если нельзя каким-то образом изъять подобные пособия из продажи, то хотя бы самим преподавателям философии ознакомиться с ними и соответствующим образом отрекомендовать их студентам.

Наши авторы

Арбитман Роман Эмильевич – писатель, литературный критик (Саратов).

Ермакова Антонина Васильевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Кричевец Анатолий Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Пржиленский Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии науки Ставропольского государственного университета.

Сорина Галина Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Сулимов Владимир Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии Коми государственного педагогического института, академик Международной Академии наук (Русская секция).

Тульчинский Григорий Львович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала ГУ – Высшая школа экономики.

Турбовской Яков Семенович – доктор педагогических наук, профессор, президент Академии творческой педагогики, председатель Совета директоров школ стран СНГ.

Федоров Борис Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии образования СПб Академии постдипломного педагогического образования, председатель ассоциации логиков Санкт-Петербурга.

Хеллберг-Хирн Елена (Elena Hellberg-Hirn) – историк культуры, Институт Ренвалла Хельсинского университета.

Шелковников Андрей Юрьевич – кандидат филологических наук, доктор философских наук, доцент кафедры философии факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета.

Эпштейн Михаил Наумович – профессор теории культуры и русской словесности университета Эмори (Атланта, США). Лауреат премий Андрея Белого (1991), Лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин – Веймар, 1999), «Liberty» (Нью-Йорк, 2000).